

ВОЗДУХ

журнал поэзии

3
06

ВОЗДУХ

журнал поэзии

3/06

Алексей Цветков

Елена Фанайлова
Полина Барскова
Виктор Полещук
Олег Юрьев

Скидан о женской поэзии

Поэты Харькова

ВОЗДУХ

журнал поэзии

3/06

*Все стихи я делю на разрешенные и написанные без разрешения.
Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух.*

Мандельштам

проект арго

ISSN 1818-8486

Редактор Дмитрий Кузьмин

Художник Юрий Гордон

Журнал поэзии «ВОЗДУХ» издаётся 4 раза в год. Издатель — Проект Арго.
Материалы для публикации принимаются только по электронной почте: info@vavilon.ru
Редакция вступает или не вступает в переписку по собственному усмотрению.
По этому же адресу вы можете оставить заявку на экземпляры последующих выпусков журнала.

Все права на опубликованные тексты сохраняются за их авторами.

Изд-во Kolonna 170024 Тверь а/я 24048.
Изд-во АРГО-РИСК 117648 Москва, Сев. Чертаново, 8-833-218.
Типография Россельхозакадемии. Москва, ул. Ягодная, 15.

СОДЕРЖАНИЕ

К И С Л О Р О Д	
Сергею Гандлевскому / Алексей Цветков	5
Г Л У Б О К О В Д О Х Н У Т Ь	
Алексей Цветков	
Стихи	12
Интервью / Линор Горалик	18
Отзывы	25
Илья Кукулин, Игорь Померанцев, Борис Херсонский, Бахыт Кенжеев, Гали-Дана Зингер, Лиля Панн, Леонид Костоюков	
Д Ы Ш А Т Ь	
Алексей Александров	30
Евгения Лавут	33
Марианна Гейде	36
Константин Рубахин	39
Виталий Лехциер	41
П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е	
Ольга Зондберг	43
Д Ы Ш А Т Ь	
Полина Барскова	46
Игорь Булатовский	53
Елена Фанайлова	60
П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е	
Олег Юрьев	70
Д Ы Ш А Т Ь	
Виталий Пуханов	74
Юрий Левинг	77
Михаил Лаптев	81
Наталия Азарова	83
П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е	
Полина Андрукович	88
Д Ы Ш А Т Ь	
Александр Бараш	91
Максим Горелик	94
Виктор Полецук	96
Валерий Нугатов	99

НА ОДИН ВДОХ	
Владимир Герцик	103
Константин Карабчиев	104
ОТКУДА ПОВЕЯЛО	
Харьков	106
Илья Риссенберг, Нина Виноградова, Анастасия Афанасьева Ирина Евса, Станислав Минаков, Юрий Цаплин, Константин Беляев Олег Петров, Дмитрий Дедюлин, Антонина Семенец, Михаил Зятин	
ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ	
Михал Айваз / с чешского Елена Лагутина	133
Тревор Джойс / с английского Ника Скандиака	139
Деннис Нёркси / с английского Валерий Леденёв	146
АТМОСФЕРНЫЙ ФРОНТ	
Сильнее урана / Александр Скидан	153
СОСТАВ ВОЗДУХА	
Хроника поэтического книгоиздания / Данила Давыдов	170
КТО ИСПОРТИЛ ВОЗДУХ	
Александр Кушнер	179
АВТОРЫ	182

К И С Л О Р О Д

Объяснение в любви

СЕРГЕЮ ГАНДЛЕВСКОМУ

*Я вспоминаю лепет Пастернака.
Куда ты завела нас, болтовня?
И чертыхаюсь, и пугаюсь мрака,
И говорю упрямо: «Чур меня!»*

В юности я любил читать энциклопедии и стихи. А поскольку винчестер ещё не был особенно забит, запоминал валом и то, и другое, но, конечно, только стихи наизусть. К определённом моменту знал их уйму, включая, например, всё целиком первое издание мандельштамовского «Камня», но с возрастом файлы стали дробиться, а время считывания возрастать.

Теперь если что и приходит в голову, то лишь осколки, цитаты по случаю и без, иногда с затёршимся именем автора, но не все — большинство из них принадлежит Сергею Гандлевскому. Почему?

Когда я впервые это заметил, я решил, что с этим надо что-то сделать. Неужели весёлый спутник моей юности всех уложил на лопатки? Да, я куда лучше помню Блока и Есенина, но их-то — с детства, и положительно не знаю, что с ними теперь делать. В любом случае я замыслил об этом когда-то написать, но когда-то всё не наступало, а сегодня я вдруг почувствовал, что пробило. Передержанные мысли подобны переležавшим в рассоле огурцам, дальше — плесень.

Это, помимо всего прочего, ещё и уплата штрафа за собственную юношескую вспышку идиотизма. На заре нашей обоюдной молодости я, со всем авторитетом старшего на пару лет, напророчил ему, что он никогда не будет поэтом, — да он, помнится, уже описал этот мой позор. Теперь пора сквитаться с самим собой.

Чего я точно не буду здесь объяснять, так это почему и каким образом Гандлевский такой замечательный поэт, на мой пристрастный взгляд — может быть лучший из всех, кто у нас был на протяжении десятилетий. Кто этого не понимает, вправе принять мои соболезнования. Я просто хочу попытаться открыть капот и заглянуть в мотор: почему он не такой, как все остальные.

Нет, всё-таки не могу не вернуться ещё на секунду к этому винчестеру. Последним стихотворением, которое целиком впаялось в память с первого прочтения, было именно стихотворение Гандлевского: «Сегодня дважды в ночь я видел сон...» Он прислал мне его в Сан-Франциско в письме, выложив в сплошную строку, как мы обычно поступали тогда во

взаимной переписке, уворачиваясь от лишних внимательных читателей. Я тогда подвизался в местной русской газетке, где и решил устроить другу первую зарубежную публикацию, правда, под псевдонимом. Придя на работу, я понял, что забыл письмо дома, но тут же сел и записал по памяти. Автора я назвал Сергей Марков.

Как-то постепенно я понял, что Гандлевский откладывается у меня в ином месте, чем все остальные поэты, даже сравнимые с ним по мастерству и по яркости, и именно это стало главным искушением, которое провоцирует попытку анализа. В жизни его можно вставить в разные кадры: он был, и остался, одним из компании, которую теперь загробно именуют «Московским временем» (сами мы в ту пору не подозревали, что у нас есть название), потом это было «Личное дело» или что-то вроде временной гастрольной труппы, сегодня это живой классик, изредка являющийся молодёжи с удивлением, что на его выступления упорно приходят.

Но ни в одном из этих множеств он ни на кого не похож и никому не родственник. Его не прищемить никакой классификацией, не поместить ни в какой групповой портрет, несмотря на все попытки.

Смехотворность моего древнего пророчества стала для меня очевидной ещё до эмиграции. Серёжа писал тогда аккуратные ученические стихи, которые, впрочем, мало вредили в наших глазах его образу подвыпившего ухаля, весёлого охотника на сестёр по разуму. Но однажды он явился в нашу переменную компанию и прочитал стихотворение «Среди фанерных переборок...» Как я сейчас припоминаю, он был поражён не меньше нашего — ему вдруг сразу, на одном примере, открылось, что он, в сущности, может, что отныне он существует. И ещё более странно, что, как мне видится отсюда, всё ровно так и произошло. И в этом, если угодно, весь секрет Гандлевского, дальше можно уже не писать, хотя ещё напишу, и есть что. Ему, что бы он об этом ни думал, не надо было мучиться вопросом, которым мучатся все: о чём писать на данном этапе времени. Данным этапом времени стал он сам.

О созвучности эпохе писали много и пусто, обычно это делают, когда о художнике толком сказать нечего и содержательные похвалы с языка легко не скатываются. Поэтому я хотел бы попытаться показать, что в случае Гандлевского эта созвучность — случай уникальный. За вычетом, может быть, Пушкина, я не знаю примера, когда бы поэт настолько слился со своим временем, что это время можно — и даже, наверное, придётся, хотя бы отчасти, — реконструировать по его стихам.

Да, был Маяковский, и вот уж кого, казалось бы, не отскребёшь от эпохи. Но Маяковский лжёт, даже когда говорит искренне, он выполняет заказ и представляет одну ветку дихотомии. Собака — ненадёжный источник объективной характеристики хозяина. Ему по-настоящему веришь лишь тогда, когда он пишет о своей любви, но мы в этой любви не участники, нас в ней меньше, чем советской власти, «товарищ правительство» отгоняет нас ледяным взглядом. Да и сам влюблённый, в романтические свои моменты, настолько эгоистичен и инфантилен, что как-то стыдно за него даже. Маяковский, при его несомненном таланте, покинул нас подростком, его приютила история литературы.

Наверное, удобнее всего сравнить Гандлевского с Иосифом Бродским — отчасти потому, что фигуры эти, как минимум, равновеликие (хотя нетрудно угадать, кто мне предпочтительнее), и по некоторым малозаметным, но важным чертам сходства.

Откуда Бродский? Да, мы все знаем про Васильевский остров, хотя он, как видно из дальнейшего, оказался — ну, не ложью, а, скажем, короткой прихотью поэта, которая быстро миновала, когда горизонт резко раздвинулся. То есть, он в конечном счёте оказался островом Сан-Микеле. В промежутке была Америка, Италия, Швеция и т. п. — список можно продолжить, и совсем не в укор, просто это важно для определения терминов сравнения.

А вот с Гандлевским всё без промаха: улица Орджоникидзержинского не вызывает сомнения ни у кого, её упоминают без пафоса, и её конкретное местоположение — скорее во времени, чем в пространстве, хотя я бы поместил её где-нибудь в Сокольниках. И ему туда не надо возвращаться монументальным покойником, он там и живёт, хотя с большими отлучками.

*Был он молод. С лохматой собакой
Выходил в переулки Москвы.
Каждый вправе героя гулякой
Окрестить. Так и было, увя.*

Отлучается он не в Америку, и тем более не в Швецию, хотя в реальных масштабах не ближе:

*Опасен майский укус гюрзы.
Пустая фляга бренчит на ремне.
Тяжела слепая поступь грозы.
Электричество шелестит в тишине.*

Бродский, надо сказать, тоже в юности отдал дань экспедициям, но об этом он молчит, потому что перспектива и обозрение у него шире. Он, что довольно странно, пишет об Америке с более пронзительным чувством, чем о России, но главное в этих взглядах — что они всегда извне, порой с высоты ястребиного полёта. Вот этой перспективы у Гандлевского не найдёшь: куда бы его ни заносило, он всегда остаётся внутри описываемого им мира, он остаётся этим миром. Он настолько с ним спаян, что зазора не расковырять ногтем.

Но и такое сравнение — только ступенька к пониманию, а чтобы понять Гандлевского по-настоящему, его надо сравнить с тем, на кого он, через посредство хитроумной системы линз, странным образом похож больше всего. Его надо сравнить (тут я уклоняюсь от возможной оплеухи) с Булатом Окуджавой.

Булата Окуджаву я не люблю, хотя и мне случалось, со стаканом внутри и дыркой в голове, повить про комиссаров под елью. Его точное амплуа — Лука из горьковского «На дне», «безумец, который навеет». В его песнях, которые завораживали нас в 60-х, не случилось ничего плохого, а только иногда менее хорошее, да и то с какими-то несусветными

солдатиками, которых никто не видел, или с героями войны. Теоретически ничего дурного в Окуджаве нет (за исключением, может быть, той кинопобеды, за которую ему не было жалко чужой крови), но он обслуживал особый контингент: шестидесятников, потерянное поколение советской России, этих недоевреев, ушедших в пустыню, но так из неё и не выбравшихся, хотя сорок лет уже миновало. Окуджаве помешало остаться безвредным его реальный талант и благоговение этой аудитории: она развратила его, а он, ложный мессия, ответил фатальной взаимностью.

Подобно Окуджаве, Гандлевский сентиментален и романтичен. Вот опять «Среди фанерных переборок...» — для меня не только первое стихотворение поэта, но и стартовая черта для анализа.

*Как музыка издалека,
Лишь сроки осени подходят,
И по участкам жгут листву,
Во мне звенит и колобродит
Второе детство наяву.*

В этом стихотворении, как мне кажется, изложена идеальная картина мира, утопия, райское равновесие. Но поэт, о котором я веду речь, направлен противоположно Окуджаве. Для последнего, устроенного стандартно, идеал является центростремительным пунктом. Для Гандлевского — центробежным.

В сущности, по крайней мере изначально, он хочет быть хорошим, любимым и популярным. А поскольку это возможно и имеет смысл в прекрасном и уравновешенном мире, мир и должен быть таков. Но логика таланта ведёт его совсем в другую сторону, и дыра в эту сторону уже светится: «бережный рисунок меня, не познанного мной». Дальше идут плоды познания: когда Окуджавка строит кабинеты для друзей, авторский персонаж Гандлевского устраивается на автобазу и видит всю свою дальнейшую жизнь без малейшей примеси розового. Арбат Окуджавы всегда был и остаётся сладкой сказкой, Васильевский остров Бродского — почти красным словом, хотя сказано и впрямь красиво. А вот в Сокольниках Гандлевского, вернее, в их следующем историческом пласте, куда он нас и привёл, многие живут до сих пор.

Процесс самопознания осуществляется посредством некоторого частичного раздвоения автора, и у его истоков тоже, пожалуй, есть путевая застава:

*Два облика, два лика женских,
Две жизни бережных моих.*

Примерно с этого момента, хотя в самом стихотворении пока всё мирно, Гандлевских, то бишь лирических героев, то бишь какая разница, становится два. Сентиментальному романтику, который, останься он в одиночестве, пересиропил бы Окуджаву, теперь неизменно сопутствует хмурый скептик и циник, и результат блистателен. Вот это, пожалуй, и есть главный авторский приём поэта, если можно называть приёмом то, что возникает и существует предельно органично, в отличие, скажем, от надымперской позы Бродского,

явно сознательно принятой. В Окуджаве лично я не вижу иного приёма, кроме желания понравиться.

Эта романтическая инверсия, странным образом роднящая Гандлевского с поэтом предыдущего поколения и не в пример более узких возможностей, наверняка не осталась полной тайной для него самого, пусть и не всплывающей на поверхность сознания ввиду своей очевидной неприятности. Мне вспоминается, что в день смерти Окуджавы я как раз случайно оказался в Москве, а на следующий день мы с Гандлевским по какой-то забытой надобности отправились через Арбат и столкнулись с огромной толпой, охраняемой почтительными ментами, один из которых ввёл нас в курс дела: «Окуджаву хоронят». Таких слов, и в таком тоне, из уст правоблюстителя я не слышал в жизни и больше не услышу — случается, как известно, раз в двести лет.

Тогда мы ещё раз взглянули на толпу, и Гандлевский сказал: «Байдарочники».

Да, это были они, большей частью никогда не виденные люди с такими поразительно знакомыми и приятными лицами, в основном нашего возраста или старше, но была и молодёжь, совершенно вперемежку со старшими, но не стеснявшаяся, в отличие от многих сверстников, общества замшелых родителей, на равных с ними, вскормленная у негасимых костров КСП. Это были они, потерявшие сбережения и некогда престижные профессии, рухнувшие в православие пополам с Рерихом, недоуехавшие в Израиль и Америку. Это были дети, уведённые покойным дудочником в пустыню, а теперь пришедшие проводить его к единственному из неё выходу.

Я не помню интонацию, которую вложил тогда Гандлевский в своё единственное слово, у меня не было намерения её анализировать, но, кажется, это была брезгливая ностальгия. Он увидел в них больше, чем рассчитывал.

Гандлевский пересёкся с Окуджавой в одной точке, исключительно важной для всего культурного вектора России в прошлом веке, и я имею в виду, конечно, не похороны, в которых мы участия не приняли. Окуджава, более чем кто бы то ни было, воспитал поколение шестидесятых, людей, полагающих, что если прижмуриться, то всё, в сущности, красиво. Гандлевский отдал команду, распутившую это поколение, хотя они тогда не слышали. В каком-то смысле он был последним байдарочником — в том самом, в каком Ницше был последним христианином.

Романтизм Гандлевского, впрочем, довольно странен. На первый взгляд всё как положено, герой — гуляка и повеса, его любимая женщина и народный фон. Но гуляка неожиданно полон странных прозрений по поводу самого себя, любимая женщина порой предстаёт в самых неромантических ситуациях, а народ интересен особенно — неприятный с виду, но такой похожий на нас, почти любимый, зовущий слиться с собой в минуту простительной слабости:

*Зверинец коммунальный вымер.
Но в семь утра на кухню в бигуди*

*Выходит тётя Женя, и Владимир
Иванович с русалкой на груди.
Почёсывая рыжие подмышки,
Вития замороченной жене
Отцеживает свысока излишки
Премудрости газетной.*

Это ведь не филистеры какие-нибудь из Гофмана, с этими случалось и выпивать, и десятку стрельнуть. Вот уж не припомню у Окуджавы персонажа, у которого можно стрельнуть десятку. Хотя отдадим должное вполне романтичному океанологу Эдику Ажажа, который почти оттуда.

Романтизм, в любом случае, подвергается атаке, вернее, наступлению по всему фронту. Это второй Гандлевский даёт прикурить первому с его «музыкой издалека», это он крепчает в странствиях, во встречах с людьми, которые сильно отличаются от шестидесятников и мало прибегают к гитаре или байдарке.

Этот поразительный диалог, который вспыхивает внутри почти каждого стихотворения, выстроен по некоторой дуге через всё творчество поэта, от «фанерных переборок» до «автобазы». Диалог не остаётся статичным, один из полусобеседников постепенно одерживает верх — и это не романтик.

Здесь я положительно не могу удержаться от того, чтобы не ткнуть, наконец, пальцем в странное сходство двух художников, любимого поэта и любимого прозаика. «Бездельничают рыбаки у мёртвой Яузы-реки» — это откуда? Нет, не из Саши Соколова, но всё понятно.

Я уже отмечал, что приём раздвоения авторского сознания на романтика и циника у Гандлевского, скорее всего, не придуманный, а органичный, а у прозаика наверняка должен быть минимальный изначальный план. Кроме того, у Гандлевского реальной дихотомии всё-таки нет, на неё не пытаются специально обратить наше внимание как на патологию. Но диалектичность метода бесспорна, и сходство с соколовским в том, что это — метод самопознания. Только в прозе в конце явно два человека, а в стихах остаётся один из двух, победитель.

Валерий Шубинский где-то отметил, если я не искажаю его мысль (упрощаю точно), что «Устроиться на автобазу» — это и есть настоящий Гандлевский, не дающий спуску и поблажки, а вот сентиментальное, вроде «Здесь когда-то ты жила» — угождение публике («ближе вкусу широкого читателя», как он меня поправляет, хотя я в слово «угождение» осуждения не вкладываю). Честно говоря, я не вижу, почему первое менее эффектно и пронзительно. Интересно скорее, что в этих сравнительно поздних стихах циник и лирик всё-таки разошлись на достаточную дистанцию, позволив нам увидеть их порознь и подтвердив теорию. Только лирик, как легко заметить, теперь весь в шрамах и ссадинах, даже при смерти. Но говорить, что один Гандлевский настоящий, а другой выставочный, — неверно, друг без друга они просто не существуют.

Сказать осталось немного, и для некоторых это будет уже политика, но для меня, как раз, главное из всего, что просилось наружу. Стихи Гандлевского уникальны, на мой взгляд, не только в наше время, но и в нашей литературе. Это микрокосм всего, что произошло со страной за время их написания, летопись катастрофы с упреждением, потому что герой всегда глядит в будущее: то у него любимая старится на глазах, то шофёр автобазы укладывает всю предстоящую (и прошлую, «махаловку в Махачкале») жизнь в несколько строк, и даже смерть матери подана так, словно впереди она жива. Эта страна, Сокольники, пригородный пионерлагерь, Чимкент и Памир с сигаретной пачки — в процессе исчезновения, и хотя в стихах нет никакого прямого намёка на события макрокосма (у Гандлевского вообще нет «гражданской» темы), только слепой не заметит, что происходящее выходит далеко за пределы человеческой души.

Речь, ещё раз подчеркну, идёт не о позиции поэта, а об уникальном даре. Если оставить за скобками прозу Соколова (тем более, что она была завершена довольно рано, даже если к «Школе» пристегнуть «Собаку»), среди поэтов я не помню ничего подобного. Сам я когда-то, в книге «Эдем», пытался изобразить покинутое время в виде некоей одновременной утопии-антиутопии, где тоже невольно раздвоился, а Владимир Гандельсман постоянно совершает туда экскурсии. Но и у него, и у меня видна заданность и сделанность. А Гандлевский просто прожил свою жизнь в стихах.

Я вижу, что выходит как-то печально в конце, потому что история требует финальной точки, а поэт, к счастью, жив. Но в жизни есть сюжетные законы, и скептику, который одержал победу, уже некого переубеждать — музыка остановилась. Для меня очевидно, что сегодняшний Гандлевский, с его сухими, обглоданными до кости восьмистрочиями, потерял внутри себя партнёра и не ищет его, потому что так не положено по логике его собственного творчества. Но я буду счастлив, если они всё же найдут способ обрести общий язык, потому что любой другой вариант будет уже не Гандлевский.

Я помнится, завёл разговор о Пушкине, шокировав, может быть, почитателей авторитетов. Теперь я выжму из этого сравнения всё, что собирался. Если бы у нас не было Пушкина, он бы всё равно возник так или иначе, не этот, так другой, потому что великая литература требует достойного старта. Он мог быть похуже фактического, или, как ни трудно себе представить, получше — откуда нам знать, если не с кем сравнивать? А вот Гандлевский, главный, на мой взгляд, свидетель эпохи слепых, ничего не был должен, и ничто его не предвещало — даже мне, глядящему на него в упор в минуту моего бездарного пророчества. И если бы он так и не явился, кто бы рассказал нам о нашей великой потере? В каком-то смысле он эманация всей эпохи, но мы привыкли не замечать эманаций, даже сидящих перед нами на столе. Иными словами, было бы всё как в сегодняшней прозе, где шеренги посредственностей полагают себя гениями по той простой причине, что никаких других нет.

На мой взгляд, читателям, годами прозябавшим на спартанской поэтической диете, выпал неожиданный праздник, непредсказуемый выигрыш в лотерею. Заслужил, не заслужил — бери, теперь у нас есть миллион. И он навсегда, он неразменный.

Г Л У Б О К О В Д О Х Н У Т Ь

Автор номера

Алексей Цветков

СТИХИ

✚ ✚ ✚

не проси у природы примера
в приоткрытом проломе окна
две загадки однажды имела
не разгадана только одна

всё мерцает как дождь или жемчуг
на траве и в развилке ольхи
косарей расспроси или женщин
ничего не припомнят они

покружи где прощается ветер
крен к оврагу и лес в разворот
разлюбившие больше не верят
но не с ними теперь разговор

с высоты всё сбылось как хотело
тишина поднимает полки
наша смерть это женское дело
лучше нас понимают они

птичье беличье дробью по крыше
сердцу вырыта в дёрне нора
тормоши моё время потише
не стучи костяная нога

✚ ✚ ✚

командир метрономов и внутренний токарь тоски
чью марсью москва полмаршрута в метро пробирала

голова в галантир если правильно трогал мозги
поцеловано в лоб но сперва опали волосы
за работу перо а петро принимай панибрата

сизым ястребом оземь и в прорезь ворот норови
крут в фарфоре арфист поэтапно к природе бобрея
круглый гроб сладострастно стояли у нас ноябри
горб-то выпрямлен блин но в уста не протиснуть апреля

ветерком бородёнки брезгливо заплещет хоругвь
мощен пращура хрящ но поэты наощупь тщедушной
им пора не сезон жалко бродского нету вокруг
чтоб спросить с тебя кушнер

или кто-нибудь викинг хоробрый по-доброму я
подосинович в цинке где панцирно мне и кольчужно
прямо райская прорезь но взору внутри ни хрена
так сияет жемчужно

✚ ✚ ✚

а если я пел тирану как пленный дрозд
в тропическом сне где придворные фрукты зрели
пускай мне покажут землю где выбор прост
я пожил и в курсе какие возможны звери
даритель огня и вращатель тугих турбин
столь многое спас потому что многих убил
в долгу так давай теперь истребит тетради
не скажет неаполь ни мантия где легли
над нами лимонные корки или плевки
в голодную глину мы и наши тираны

я верил что город вечен а он мираж
но что остаётся в грубых руинах раем
уже неизбежно коль вышел такой ménage
à deux что на все века серебриться рядом
стремительный воздух в горло вогнал глоток
в наветренном времени прерван тот кровоток
кто в пепельных розах у ростр водружён на козлы
ни царских разъять ни себе царедворских уст
угрюм у дороги в порожних глазницах бюст
а в недрах берцовые накрест допели кости

напрасно брундизий мой греческий обморок зря
так смерть обессилит что скоро ни встать ни делать

под перечень плача кого заносил в друзья
 триоль элевсина и все с геликона девять
 у чёрной царицы сезонные циклы лиц
 здесь цезарь узнает месяц он или принц
 молчанье течёт из гортани чья ночь в печали
 но девять прощайте а прелести нежных трёх
 куда тебе данте и будь ты хоть герман брох
 пора в колдуны и луча не затмить свечами

прими перевозчик латунный обол с языка
 хоть выколи тьма но булавочный глаз диода
 двоится внизу или лопасть костра высока
 я сам раздувал где пылает с тех пор дидона
 простимся на пристани здесь присягнём сестре
 вся пряжа речей обрывается в этом костре
 порожняя тара в обмен на сердца и рассудки
 безглазые ляжем в стеклянную пыль и траву
 отныне и мне и ему остальную страну
 черёд населять бесконечные сутки

✚ ✚ ✚

Can you hear anything, Mr. Kemp?

таки недолго думал и солгал
 дизайнер динозавров и моркови
 а где же был он бля когда сигнал
 с ньюфаундленда посылал маркони

молчал чингиз всей квантовой орды
 сверхструн настройщик обойдённый слухом
 но обоняет ладана огни
 за что бабло отслунивает слугам

раз он молчит и я в ответ смолчу
 не керосин же требовать к пожару
 кто сочинил нам сопли и мочу
 заслуживает отпуска пожалуй

хотя чингиз там впрочем ни при чём
 мир сирота но в дамках обезьяна
 стучи маркони чёртовым ключом
 подальше шли сигнал и адресата

пусть короток сеанс и чёрно-бел
но у распахнутых в забвенье ставен
как счастлив вечерами человек
что он при бабе и богооставлен

ещё стакан и кажется споём
в такт вечным ножницам и веретёнам
как люди мы на острове своём
счастливо найденном и обретённом

† † †

шумно дышит кинокадр
что-то быстро вроде гагр
там секвойи да изюбри стол с закуской на косе
это город санта-крус
ты анголец я индус
переводчица красotka с португальского на все

наша участь высока
но с дефектом языка
здесь пробел мироустройства дряхлой памяти упрёк
там в застолье ты была
так причудливо мила
так печально знать отсюда
переводчица умрёт

липко в воздухе мозги
раз без зрения ни зги
пополам кентавром время брюхо млечное вперёд
под секвойями в пыли
оставайся и бубни
только небо лопнет только переводчица умрёт

слизень в шёлковом хитоне
речь слюна за ним на склоне
мало жизни до полочки
выпростав худые ручки
переводчица умрёт

† † †

вот возраст когда постигаешь дрожа
безжалостной жостью примера

что раз красота никому не должна
спасают неправда и вера

пусть птичкой помечено время с тобой
с кем речь приручали теснимы толпой
в земных казематах казённых
поднимется пламя из недр и трясин
но имя которое в сердце носил
отсутствует в списке спасённых

поднимется голос но твёрже молва
любого любителя петь из горла
полезней молчать и молиться
в кривой перспективе не вечно равны
текущие в город шеренги травы
и рим провожающий китса

ура с коромыслом к реке на ветру
чуть птичка в графе то и коршун вверху
потрёпанный блок над непрядвой
какие там кони и скифы в пизду
гранитные бабы пешком по песку
вся смерть получилась неправдой

так тяжело намолены эти места
скорее бы стала планета пуста
своим барсукам и косякам
ни эха в горах от позорных острот
лишь мраморных граций безрукий фокстрот
над греческим битым сосудом

немного осталось вот это и есть
зелёная бронза гремучая жесьть
в огне монитор как бумага
короткий пробег без обмана

✦ ✦ ✦

помнишь цинтия перно на петровке
где грустили мы ладонями к небу
но пропали с той поры как микробы
о микробах долгой памяти нету

собирались в трускавец или байи
бурным морем до тартесса и дальше

получилось только в лес за грибами
ночевали на малаховской даче

или в тушине ждала где привыкли
ревновала к молодым поэтессам
это жёлуди морские прилипли
к днищу сердца за последним тартессом

без тебя тут наши вышли в светила
за квадригой на подушке медали
встретил меммия в мундире эдила
в старину-то он не ладил с ментами

редко локоны впотьмах или губы
душный воздух навевает под старость
вечерами я ловлю тебя в гугле
в википедии найду что осталось

навещу лишь в годовщину наверно
за померием безлюдно и тесно
ни перно тебе сюда ни фалерна
так квадратно твоё цинтия место

вот и вещи раздаю скоро следом
будем буквами вдвоём и листьями
где горели на ветру быстрым светом
и могли бы жить всегда но не стали

ИНТЕРВЬЮ

Алексей Петрович, как устроена география вашего внутреннего мира? В одном из ваших эссе вы очень ясно обосновываете своё самоощущение как американца, в некоторых поэтических текстах — как русского (в том смысле, в каком принадлежность культуре делает человека принадлежащим нации). При этом вы — классицист, то есть человек, на внутренней географической карте которого вполне присутствуют некоторые несуществующие империи. При этом же вы подолгу живали в нескольких странах, говорите и читаете на нескольких языках, живых и мёртвых. Какова карта того мира, в котором вы обитаете?

В любви к родинам я вижу не больше пользы, чем в насморке, но не противлюсь этому чувству, пока оно не выходит за рамки быта. Приятные люди, красивая местность, налаженная жизнь — это прекрасно, но можно согласиться и на меньшее, если это издавна твоё, если с этим сжился.

Но у меня очень разные отношения в этом смысле с США и с Россией. Я вырос в СССР, где меня с детства принуждали любить одно, противопоставляя другому. Я, во-первых, не согласен на такую дихотомию. Во-вторых, её теперь странным образом трансформировали, и в сферу «другого» выпали, скажем, Украина и Казахстан, а я жил и там, и там — с какого по какое место любить прикажете? Сегодня любим с Курилами и Чечнёй так, что аж сердце разрывается, а завтра пойдём на компромисс и будем любить строго по Тереку или по сахалинскому югу. Любовь к России очень территориальна, я к такой не приспособлен.

И потом, как выразился Роберт Фрост, дом — это такое место, куда тебя обязаны впустить. В США — обязаны, а в России не только нет, но даже визу получить в гости уже здоровья не хватает.

Трудно любить, когда условием любви является ненависть к тому, что любить не предписано.

А если без желчи, то родины две, но разнофункциональные: одна — чтобы жить, другая — бывать. Мне дороги многие и многое и там, и там. А вот дорога, уже с другим ударением, открыта только в одну сторону.

О культуре я порассуждаю чуть позже, пока лучше об античности. Интересовала она меня всегда, но после того, как я перебрался из одной империи в другую, стал пытаться анализировать собственное имперское сознание. Отсюда возникла привязанность к Риму, именно к месту, времени и идее, потому что греки оставили по себе только

империю духа, а в реальной политике были бездарны, и даже эта империя духа выжила лишь благодаря нашествию соседнего варвара, Александра, а в конечном счёте благодаря Риму.

Странно формулировать это таким образом, но имперскому сознанию я остался верен до сих пор. Советский Союз, из которого я родом, был совершенно иной общностью людей, чем нынешняя воображаемая Россия, хотя по коммунизму никакой ностальгии, естественно, нет. Похоже, это ностальгия именно по допатриотической человеческой общности, какой бывает именно империя до того, как взрывается под напором национализма. А Рим — попытка избежать навязанного выбора между Россией и Америкой.

В эссе о Сергее Гандлевском вы, говоря о Булате Окуджаве, упоминаете «развращённость признанием» и с интонацией, воспринимающейся как досада, указываете на отзывчивость автора к признанию — и на вред, который приносит такая отзывчивость. При этом Вы сами — автор в самом лучшем смысле слова «признанный», печатающийся много и широко, легко преодолевая условные границы тех или иных школ и течений, представляемых разными изданиями. Как построен Ваш личный механизм взаимодействия с признанием?

Можно, конечно, указать на куда более тяжёлые случаи «развращения признанием», чем Окуджаву, в его случае мне было важно точное противопоставление Гандлевскому, потому что в каком-то смысле они антиподы. Вот себя-то как раз мне трудно сравнить с этими случаями, то есть по-настоящему развращать меня всерьёз никто и не пытался. Я большую часть жизни провёл за пределами России и её внимания, да и занята она была большую часть времени чем-нибудь другим. В определённых кругах у меня есть сегодня репутация и признание, но развратить тиражом в 500-1000 экземпляров можно лишь юное и очень неискушённое создание.

Если попробовать описать мою реальную жизнь в реальном мире, эффект моего предполагаемого признания на неё практически нулевой. Правда, в последнее время начали кое-куда приглашать, а кое-кто и приезжает на меня посмотреть. Это по большей части приятно, но период возможной деформации личности давно миновал.

Впрочем, не хочу предаваться показной скромности и блистать смирением. Быть признанным хорошо, если это соразмерно заслугам. О соразмерности пусть судят другие.

Бернард Шоу, кажется, говорил: стать знаменитым легко, надо только прожить достаточно долго.

В ваших эссе, текстах, записях в Живом журнале постоянно всплывает тема «раскола на двух человек», дуализма, при котором разлом может проходить в самой неочевидной плоскости. В Ваших работах этот дуализм неожиданным образом всплывает не как причина для внутреннего конфликта, а как механизм для разностороннего рассмотрения явлений, для диалога. Откуда эта тема? Кто те «пары», с которыми вы чаще всего имеете дело внутри себя?

Если я верно понял Ваш вопрос, то главная «пара» — это всё те же русский и американец, у которых много общего, потому что оба внутри меня, но полярность сильнее.

Если эмигрировать не так, как Ленин, в ожидании пломбированного вагона, то можно открыть для себя массу удивительного на бывшей чужбине. Например, огромный пласт англоязычной культуры, который Россию, в силу исторических обстоятельств, задел лишь краешком. Это совершенно другой вариант жизни, которая либо становится твоей, либо отбрасывает в эмигрантское гетто. Я сразу выбрал первый вариант и не жалею, но Россия ведь всё равно никуда не делась, она осталась родом занятий.

Всё могло получиться совершенно иначе, ассимиляция имела шанс быть полной. Был момент, когда все опробованные эмигрантские журналы и издательства отказали мне в публикации, и я решил переделать жизнь полностью, собирался поступать на юридический (в Америке это аспирантура). Был бы сейчас побогаче и помертвее, но спасли перед прыжком Саша Соколов и Бродский. С тех пор живу с диалогом Щедрина внутри, между мальчиком в штанах и мальчиком без штанов, и, когда его выплёскивает наружу, часть русской аудитории злится — та, которая считает, что по духовности Россия всех побила.

Есть и другие подобные конфликты и диалоги, которые просто долго описывать. Допустим, уже упомянутое имперское сознание в сочетании с нонконформизмом, накопленным в советскую эпоху. Или скептицизм, который иногда накаляет стихи до ярости, выдавая бывшего верующего.

В сущности, как мне сейчас кажется, это способ выживания для человека, слишком часто менявшего континенты жительство, а с ними, увы, и комплекты друзей, не всегда на равноценные.

В интервью с Вами, опубликованном примерно год назад в «Критической массе», вы вскользь говорите об интересе к политике и упоминаете неприязнь людей к «публичному возмущению», их недоверие к его искренности. При этом (если судить по вашим текстам, по блогу, по годам диссидентства) политика всегда была большой составляющей вашего мира, будь то политика президента Путина или политика Гнея Сентия Сатурнина. Что значит политика для поэта? Она видится как метод взаимодействия человека с большим миром (как это очень видно в «Просто голосе») — или дела обстоят сложнее?

Вот как раз это и есть один из самых глубоких оврагов, пролегающих между родинами. Очень редко в России приходится видеть возмущение чем-либо, что не касается возмущённого непосредственно (оговорюсь: редко — не значит никогда). И вот это всё, что не касается непосредственно, именуется политикой, от которой люди отмахиваются. Если бы вся жизнь всегда оставалась частной, у России не было бы массы крупных неприятностей в её истории. То есть, её история состояла бы из массы мелких неприятностей.

Я не могу сказать, чтобы в США политикой интересовался каждый, у меня и там есть друзья, которым это до лампочки, в основном русского происхождения. Но там эти люди выживают, так сказать, паразитируя на общем интересе. Чтобы было понятнее: в развитых обществах многие мамы не делают прививок детям, опасаясь возможных побочных эффектов. Они могут себе это позволить потому, что большинство других всё же идёт на риск и делает эти прививки, и болезни поэтому не распространяются. Но чем их больше, тем опаснее это для их детей.

С политикой точно так же: чем меньше риск, тем меньше можно интересоваться, отдавая это на откуп другим. Но Россию-то никак не отнесёшь к странам пониженного риска.

И потом, всё ведь наоборот, не политикой не интересуются, а просто очень многим, именуя это политикой. В Москве в какой-нибудь интеллигентной компании в последние годы трудно было поверить, что находишься в стране, ведущей кровопролитную и жестокую войну. Война иногда напоминает о себе то Дубровкой, то Бесланом, и в эти минуты все спохватываются и заламывают руки, но в промежутках об этом просто неприлично напоминать.

Отсутствие интереса к «политике» — не результат сознательного выбора индивида, а социальная болезнь. А сопутствующее ей, как правило, «вожделюбие» — симптом рабства.

Есть, однако, странное исключение из этого правила, так называемые «просвещённые монархии», судя по всему, наиболее благоприятные для расцвета искусств. Это эпоха Августа в Риме, Елизаветы I в Англии или Людовика XIV во Франции. Но к России это отношения не имеет, просвещённой монархии в ней не было, и нынешняя, с её проектами введения единомыслия, не является исключением.

Вы не писали (или, по крайней мере, не публиковали) поэтические тексты на протяжении почти семнадцати лет. Что происходило в этом пространстве — и что изменилось на выходе из него? Если судить по текстам, публикуемым Вами в Живом журнале, в последнее время вы пишете довольно интенсивно. Как устроены эти периоды — что это за механизм, требующий то интенсивного проговаривания, то долгого умолчания?

Не писал вовсе — было только одно стихотворение, то, которое завершает книгу «Дивно молвить». И оно было написано просто для прокрутки двигателя, «искру проверить», как раньше выражались. Почему я бросил? Я много раз отвечал на этот вопрос, и часто по-разному, хотя это всегда была правда. Всех ответов не приведу, но, наверное, самый достоверный: либо мне было не совсем понятно, что я хочу сказать, либо то, как я это говорил, не соответствовало тому, что хотел. Этому, конечно, сопутствовало и способствовало то обстоятельство, что я, по складу характера, человек не очень тщеславный. Что совсем не означает смирения или другой добродетели в этом роде, но всё-таки правда: был бы тщеславнее, не набрал бы в рот воды надолго.

Тем не менее, я все эти годы не молчал, писал прозу, потом бросил, писал эссе, вёл радиопрограмму в форме эссе. То есть, сказать, наверное, было что.

Начал писать снова (хотя тогда ещё не знал, что действительно начал) потому, наверное, что понял: этой формой я по-прежнему владею лучше, чем всеми другими, которые попробовал. И ещё потому, что на часы посмотрел: если да, то сейчас.

Возвращаясь к теме Живого журнала — вы начали его после приезда в Москву, и, если верить начальной записи, не последней причиной для заведения блога стал тот факт, что вы чувствовали себя в Москве «не вполне марсианином». Для чего Ваш ЖЖ служит в большей мере — для присутствия и взаимодействия в этом географически удалённом пространстве, для сокращения расстояния между московской землёй и Вашим «Марсом» — или для других внутренних нужд?

Ну, то есть, я не почувствовал себя поручиком белой гвардии, которого пригласили выступить с самокритикой на пионерском слёте. Ведь одно время с эмигрантами носи-

лись, аж стыдно было, а потом стали валять в смоле и перьях. И интерес к поэзии в первые годы Перестройки приупал. А тут оказалось, что есть совершенно новое поколение, с которым я ощутил реальный контакт, люди, с которыми я могу сесть за стол, и меня не спросят первым делом, сколько я у себя в ЦРУ получаю. Видимо, именно в этот момент я понял, что предпринятое реально, что можно продолжать.

Но в моих обстоятельствах ничего без интернета предпринимать просто невозможно. Ситуация, в которой я писал много лет назад, миновала, это уже не эмиграция, а живая аудитория. Адресоваться к ней через толстые журналы почти бессмысленно — отчасти из-за периода ожидания, отчасти из-за крохотных тиражей, которые компенсируются тем же интернетом. В Америке, допустим, журналов множество, и поэт в определённом ранге может публиковаться стотысячным тиражом. В России раньше были миллионные, а сейчас никакие. Поэтому Живой журнал выглядел вполне практичным решением.

Сначала было не очень понятно, как мне с этим обращаться и в каком виде себя подавать. А потом стало очевидно, что надо просто писать стихи, и в результате то, что было избрано поприщем, стало поводом и способом существования. Мне теперь даже трудно понять, оттого ли я пишу так много, что о многом молчал все эти годы, или же от специфики избранного носителя. Да это и всё равно, поскольку ситуация меня пока устраивает.

Я, однако, совершенно не верю при этом, что существует некая «сетевая поэзия». Пророк телевидения Маршалл Маклюэн когда-то провозглашал, что *medium is the message*, но он был нечленораздельный болтун. Изобретение книгопечатания не вознесло поэзию на некий новый уровень по сравнению с Данте или Вергилием, и разница между плохими и хорошими осталась в силе. Но как уже столетиями глупо быть «рукописным» поэтом, так, по-видимому, наступает время, когда будет глупо оставаться «бумажным».

Я могу добавить, что без Живого журнала я, скорее всего, не написал бы того, что написал за минувшие два года, и я благодарен друзьям и читателям, которых там обрёл. Впрочем, неожиданно обрёл и врагов, без всякой собственной инициативы. Возможно, это и есть заря славы.

Важно ли для поэта понимать своё место в нынешней картине одноязычной ему поэтической реальности? Важно ли видеть некую иерархию и своё место в этой иерархии, важно ли прилагать усилия для отстаивания той или иной позиции в её рамках?

Важно, и я думаю, что поэзия в этом смысле ничем не отличается от всех остальных отраслей человеческой деятельности. Вся человеческая жизнь состоит из иерархий, другой организации мира мы просто не знаем. Все попытки сделать вид, что иерархия отменена, предпринимаются теми, кто почему-либо не может занять в ней место, которое считает подобающим. Бунт против иерархий естественно присущ подросткам, но за пределами этого возраста он скорее свидетельствует о провале. И чем доступнее выход на публику, а уж что доступнее интернета, тем большему числу иконоборцев такой бунт по карману.

Что же касается позиций — да, надо понять для себя устройство иерархии и отстаивать её, а имплицитно и своё в ней место. Релятивизм — это не мировоззрение, а капитуляция. Иерархий на самом деле много, у каждого своя, но они должны иметь территорию совпадения, в противном случае это всё равно релятивизм.

Наряду с абсолютной горизонталью («все равны») и абсолютной пирамидой (кто-то один на вершине, горстка — этажом ниже и толпа — у подножия) мыслимы ведь и более сложные топографии пространства культуры? Например, модель горной системы, в которой над уровнем моря поднимаются разные вершины в разных местах? Свойственен ли Вам взгляд на другого, очень далёкого от Вас автора как на равновеликого, на совершенно иное понимание слова и стиха — как на правомочное? Когда-то Вы выступили в одной упряжке — под одной обложкой — с Эдуардом Лимоновым и Константином Кузьминским, названием сборника — «Трое» — напоминая не об акмеизме, а об одноимённой книге Хлебникова, Гуро и Кручёных, — кажется, этот жест подразумевал очень широкое понимание иерархии? Между тем некоторые Ваши нынешние полемические высказывания, нацеленные на «сбрасывание с пьедестала» тех или иных авторов (скажем, Ольги Седаковой или Елены Шварц), говорят как будто о тяготении к жёстко пирамидальной модели?

Я не настолько уверен в реальности собственного пьедестала, чтобы штурмовать чужие. Впрочем, если оставить миску пустой, а цепь отстёгнутой...

Но если высказываться по содержанию, а не по форме: я ведь говорю об иерархиях во множественном числе, и единственным условием ставлю, чтобы было какое-то совпадение, общее поле.

То есть, речь идёт не об эвересте, стоящем посреди унылой равнины, а о горном пейзаже. И я понимаю, каким образом здесь возможны споры: люди, стоящие в разных точках, имеют разные перспективы, одни искренне утверждают, что самый высокий пик — это А, тогда как другие настаивают на Б. И поскольку нет никакого поэтического божества, чтобы замерило нам все вершины до сантиметра, мы вынуждены отстаивать свою точку зрения. Потому что ведь поэзия — это не праздное созерцание горного пейзажа, это очень крупная ставка. Её не заберёшь посреди игры и не поставишь на другое поле.

Этой теории мне здесь не развить, поэтому попытаюсь ощупать пределы своего плюрализма на конкретных примерах. Из всех поэтов прошлого столетия мне ближе всего Мандельштам и Заболоцкий, по ним я и равняюсь — по крайней мере, равнялся до тех пор, пока это было интересно. Из тех, кто дальше всего, но при этом ещё вызывает восхищение: Введенский.

Но есть ещё странная фигура Хлебникова, кумира Лимонова в период нашей давней дружбы (стихи самого Лимонова я люблю по сей день, хотя именно те, старые). Хлебникова я просто в руки брать не могу, я его не воспринимаю как нечто, предназначенное для чтения. И при этом понимаю, что без него не было бы не только меня или Лимонова, но и Мандельштама с Заболоцким. А ведь есть при этом люди, которые от Хлебникова просто без ума.

То есть, если угодно, сформулирую так: я сознаю ограниченность строго иерархической системы с единой пирамидой. Но не соглашусь уступить, потому что пирамида состоит из покатых плоскостей, а внизу — релятивизм. Это не означает, что я неспособен оценить талант даже там, где я не в силах его полюбить.

Что же касается сборника «Трое», то он вышел по соображениям издательской экономии и в силу дружбы авторов, никакой особой платформы там не было.

Есть ли у вас ощущение, что из авторов следующих поколений постепенно формируется некоторая «литературная партия», или, возможно, «школа», видящая в Алексее Цветкове лидера? Кажется ли вам важным существование такого механизма поколенческого следования, «равнения на классика»? Когда такая ситуация возникает — чувствует ли автор (и конкретно — Вы) свою ответственность за тех, кто выбрал его ориентиром? В вашей конкретной ситуации — важно ли Вам, что такие люди есть? Довольны ли Вы тем, кто они, и тем, что они делают?

Не уверен. Я, конечно, примерно понимаю, кто я такой, но твёрдо определять избегаю, лучше пусть это делают другие, а я сам к себе неизбежно лицеприятен. Я не уверен в существовании и даже возможности школы. Может быть, какой-то закат неоклассицизма, что ли, и кто знает, каково будет состояние «формальной» поэзии в ближайшие годы и десятилетия. Кое-что очевидно в частности: уже идут разговоры, допустим, о «цветковском синтаксисе», хотя и не всегда в мою пользу.

Мне кажется, независимо от объективной оценки, что меня довольно трудно имитировать, в смысле эпигонства. То есть, скопировать приём, конечно, можно, но всегда будет ясно, откуда взято.

Что же касается ответственности — да, она есть и всегда должна быть в любом роде деятельности, где рассчитываешь на реакцию противоположной стороны, потребителя. Мне кажется, что авторский солипсизм Набокова, который якобы представлял себе идеальную аудиторию в виде зала, переполненного набоковыми, — дешёвая поза. Перед самим собой никогда ответственности не несёшь, себя балуешь, отсюда — прямая дорога в пожизненные графоманы, в литературный аутизм. Читатель не простит, если ты его игнорируешь, он в этом смысле не глупее тебя, и симбиоз между автором и читателем — неизбежно нравственного характера.

В общем, я люблю своего читателя и стараюсь для него. А поскольку живёт он почти преимущественно в России, во многом это меня с Россией мирит.

Вопросы задавала Линор Горалик

ОТЗЫВЫ

Илья Кукулин

Возвращение Алексея Цветкова-старшего к поэтическому творчеству — одна из самых больших литературных радостей за последние несколько лет; но радости этой, наверное, не было бы, если бы не катастрофическое происшествие — захват террористами школы в Беслане и последующий её штурм, приведшие к сотням жертв. После этого и появилось страшное стихотворение «было третье сентября...»*. Цветков и раньше, особенно в эмигрантский период, представлял свои стихи как жёсткую реакцию, как «асимметричный ответ» на обстояние буйного, хаотического, воинственного мира:

*на шоссе убит опоссум
не вернётся он с войны
человек лежит обоссан
в сентрал-парке у воды*

Но тут — другое: в стихотворении «было третье сентября...» перед нами предстаёт не пространство локальных битв, но тотальный распад человеческого начала: «я предам и ты предашь». Действительно, «Шекспир отдыхает», как назвал Цветков сборник своих новых стихотворений (СПб.: Пушкинский фонд, 2006). Однако произведения, следовавшие после этого первого стихотворения-вопля, неожиданно воскресили совсем другие темы, связанные с более ранним поэтическим творчеством Цветкова, но решённые иначе, чем тогда, в 1970-1980-е. Прежний Цветков был автором напористо-романтическим, его главным героем была несдающаяся героическая личность; субъекта его поэзии легко было себе представить в тельняшке и, например, с трубкой:

*Меня любила врач-нарколог,
звала к отбою в кабинет,
и фельдшер, синий от наколок,
всегда держал со мной совет.*

* Это стихотворение было не первым текстом, написанным Цветковым после периода молчания, а только первым опубликованным. Однако в цветковском мифе, по-видимому, эта аберрация уже закреплена бесповоротно. — Прим. ред.

В новых стихотворениях Цветкова перед нами предстаёт мир не столько нонконформистского субъекта, сколько оживших природных стихий, разыгрывающих безумные мистерии. Впрочем, это началось ещё в стихах 1980-х годов — вода в разных видах и формах была в них одним из полноправных героев. Герой уходит на задний план.

*толпа не знала времени отъезда
окрестными теснима небесами
откуда башня падала отвесно
с мерцающими как ручей часами*

В прежних стихотворениях Цветкова история была полем битвы, которое преодолевает герой, проходя насквозь через тела борющихся. В новых история и даже собственная биография — нечто внешнее. Они вызывают у героя смесь ужаса, иронии и сочувствия, аналогичную тому чувству, что возникает в финале великого стихотворения Константина Случевского «Коллежские ассессоры»:

*...равнозначны, вступивши в покой,
Прометей, и указ, и Колхида,
И коллежский ассессор, и Ной...*

В завершение — last but not least — стоит отметить, что поэтическая проза Цветкова, публиковавшаяся в 1990-е годы, замечательна и недооценена.

Игорь Померанцев

Алексей в современной русской поэзии почти одиночка. У него есть литературная стратегия. Он хорошо понимает, чего можно ждать от слова и что с ним можно делать. Он умеет и любит думать. Талант не мешает ему быть умным, а ум — быть талантливым: редкое, почти исключительное в природе сочетание.

Борис Херсонский

Для меня фигура Алексея Цветкова окрашена субъективным, почти благоговейным отношением четырнадцатилетнего мальчика, который смотрит вслед прихрамывающему юноше, поднимающемуся по Греческой улице. Этого юношу мальчик знает как автора легендарного в нашем кругу стихотворения «Я колоколом был, когда я не был».

Насколько мог, следил за публикациями Алексея Цветкова, иногда слушал его на коротких волнах. И романтика диссидентства, ореол названия станции «Свобода» (О, свобода надо мной!) вместе с текстами укрепляли те подростковые воспоминания.

Возвращение Цветкова в литературу для меня вполне естественно. Ребёнок моих друзей как-то сказал: у всех жизнь проходит, но у некоторых людей повторяется снова. По-моему, новая жизнь Алексей Цветкова сродни реинкарнации. Импульсом к возвращению, если я не ошибаюсь послужила трагедия Беслана. Нынешние тексты Цветкова —

это *другие* тексты. Да и странно было бы через двадцать лет родиться тем же. Мне Цветков всегда интересен, хотя и не всегда близок. Иногда я читаю его стихи с напряжением, и результаты этого напряжения редко разочаровывали меня.

Иначе с эссеистикой. Мне кажется, что здесь Алексей говорит сбивчиво, не всегда справляясь с напором мыслей, созревавших десятилетиями.

С некоторым недоумением прочёл негативную рецензию на книгу «Шекспир отдыхает» в «Арионе».

Я люблю Алексея Цветкова, о его месте в русской поэзии судить не мне.

Бахыт Кенжеев

О поэте Цветкове я думаю хорошо вот уже тридцать с лишним лет. Место его в русской поэзии неоспоримо, недавнее возвращение в неё после многолетнего перерыва было справедливо встречено дружными аплодисментами. Чем это место определяется — другой вопрос. Цветков — мастер словесных фейерверков, которых только прибавилось на «позднем» этапе его творчества. Цветков — едва ли не самый начитанный из известных мне современных поэтов. Цветков свободно перемещается по эпохам, культурам и пластам языка. Однако большим поэтом его делает лишь сочетание этого мастерства (которому, вероятно, можно и научиться) с лирической энергией: в его многочисленных лучших вещах она воистину достигает даже и не драматического, но — особенно в последнее время — трагического накала. Это неплохое лекарство от того повышенного и болезненного интереса к собственной жизни (строго говоря, достаточно незначительной и благополучной), который слишком часто ложится в основу стихотворных упражнений поэтической молодёжи.

Гали-Дана Зингер

Маков цвет обложки и не такая уж и внезапная, если задуматься, документальность чёрно-белого путти Ульянова. Он ведь с нашей звёздочкой цвета одного, той самой, то ли Люцифера, то ли Соломона, кому что больше по вкусу. Озарившей детство многих, кому заповеданы были пути Ильича.

Белая надпись «Эдем».

В этом Эдеме-Эдоме-Содоме по-прежнему произрастает для меня Алексей Цветков. Тут уж, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Hortus conclusus.

Может быть, именно поэтому мне так трудно и странно было взять с полки и раскрыть тонкую книжку в картонной обложке 1985 года издания. Одну из первых, купленных в Иерусалиме в приснопамятном 1988-м.

И даже теперь она полна неожиданностей, в её полифонии среди голосов и подголосков кого только не обнаружишь из тогда-небывшего-будущего.

«если есть на свете рай / я теперь в него не верю» — пишет Цветков теперь. Если отвлечься от того, что прежде всего эти строки — традиционная попытка дать ответ на ставший вечным вопрос модернизма: «Возможна ли литература после Аушвица\Беслана\Руанды\Пномпеня (список может быть продолжен ad infinitum)?», то хочется по-станиславски сказать своё «Не верю!»

И дело не только в том, что изгнанникам из Парадиза не пристало сомневаться в его существовании (из-из-из — направление определено и из-менения не предусмотрены), и даже не в прямой измене, но в той двойственности и оглядке сегодняшнего (надеюсь, не последнего из тех, что ещё появятся) Цветкова, с которой он хочет говорить нам одновременно о невозможной свободе и элитарности и, глядя ввысь, подмечает, смотрят ли на него снизу. Этот оптический фокус ещё никому не удавался, не удаётся он и Цветкову.

«Художник, выбравший невозможную свободу, — сам автор своей гибели. Элитарность мыслима лишь там, где видишь взгляды, обращённые снизу. В пустыне, где мы теперь оказались, снизу смотрят только ящерицы.

Шедевр возможен всегда, он мечен не молвой, а талантом и богоизбранностью. Но кто опознает чудо в эстетической пустоте, где больше нет Солоновой линейки, где всякий текст одинаков, как ночная кошка, а в передовых журналах рецензируется консервная жель?

Шаман отлучился в пустыню, чтобы там потягаться с Богом и ослепить соплеменников славой. Но Бога больше нет, племя покинуло прежнее место, и само это место — уже не прежнее. Из дырявого барабана торчит над песком перископ ящерицы».

Единственное, что я способна извлечь из таких пассажей, так это прийти к выводу, что ящерица и есть тот художник, о котором ещё имеет смысл говорить. Художник, оснащённый верным прибором для взгляда снизу вверх, творящий в чистоте и прахе пустыни и не замечающий — но не потому, что он выше этого, — пустую жестянку, позабытую в песке на бедуинском привале.

Лиля Панн

Новая книга Алексея Цветкова — живая. Прежде всего, в том же смысле, что и интернетный Живой журнал, где на цветковской странице книга открылась весной 2005 года и растёт день за днём на глазах у довольно-таки изумлённой публики. Ради краткости я назову этот перпетуум пока мобиле ЖК. В конце того же года ЖК на мгновение стала бумажной книжкой «Шекспир отдыхает», но только на мгновение (мгновение-событие в современной поэзии). Событие ЖК всё продолжается, цветковское *ление в набор* не умолкает.

Может быть, здесь развивается нечто более значимое для поэзии в эпоху информационного взрыва, может быть, «живая книга» для иного, даже большого признанного поэта — естественная форма написания. Так или иначе, для Цветкова с его многолетним опытом молчания в поэзии и одновременно интенсивного духовного поиска, определённой переоценки ценностей, его ЖК оказалась органичным способом сказать о самом настоящем. «Он — отличный стихотворец, но ему нечего сказать» — это не Цветкова случай. *Что* сказать — Цветкову есть, а *как* сказать — за этим дело у него не станет. Своя гибкий игровой язык (к исследованию которого литературоведение и критика с запозданием, как водится, но приступили) Цветков отточил ещё в первую половину своего стихотворчества. Теперь же кое-какие приёмы (*double entendre* во фразе, к примеру, или се-

мантическое управление грамматикой, или поэтика стенограммы) он заострил, что-то ввёл новое (для него: ересь простоты, по случаю), что-то оставил в святой неприкосновенности (юмор, юмор и ещё раз юмор), но главное в его нынешней дикции — это, конечно, не те или иные приёмы, а полная свобода автора в их сочетании, лёгкость, с какой громоздит он косноязычные конструкции и «кощунственные» заявления в самом ответственном разговоре о человеческом бытии. И, конечно, это непринуждённое парение в мировой культуре, никакой «тоски» — одно уверенное и заслуженное долгим трудом разума и души чувство хозяина, обозревающего богатства духа, накопленные человечеством, работающего с ними (к вопросу о постмодернизме).

Самое же важное: столь трудолюбивой и столь трудно красивой лирики *самосознания*, лирики непостижимости Я и упрямого желания пробиться к тайне Я, в русской поэзии ещё не было.

Леонид Костюков

Насчёт Цветкова, во-первых, мне повезло с посредником. Не то чтобы Сергей Гандлевский преподал мне Цветкова, но его лицо приняло невольно кислое выражение, когда я высказал своё невнимательное мнение, что побудило меня прочесть стихи Цветкова второй раз. Чуть не написал: *третьего не понадобилось*. Понадобился, конечно, и третий, и двадцатый, но со второго я понял, что читаю потрясающие стихи. «Я фита в латинском наборе...», «В тот год была неделя без среды...», «Мы стихи возвели через силу...», «Я хотел подружиться с совой, но, увы...».

Цветков не боится ничего. Он, например, не боится казаться педантичным. Там, где другие наши поэты в точке стремления видят Пушкина или Мандельштама, Цветков видит Шекспира, что изменяет траекторию движения к горизонту.

Что до новой книги «Шекспир отдыхает» — есть стихотворение, *не входящее в эту книгу* («помнишь они нас учили на человека...»), которое в моих глазах выстраивает и оправдывает всю книгу.

Если мысленно вынуть Цветкова из карты современной русской поэзии, появится не дыра, а убыток с краю (скучно объяснять, с какого именно). Убыток, в отличие от дыры, зараста не может.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Алексей Александров

МИМО НАС

† † †

Из тумана в куст без листвы, кривой,
Как момент случается голевой,
Между веток вдруг пролетает птица,
Со штрафного следуя по прямой,
Попадая в сеть за пределом глаз,
Как в чулок, который аэродром
Сушит феном, сладкая, точно газ,
Из духовки в форточку мимо нас.

† † †

Раз-другой задумаешься, как странно
Скроен мир, метафору подберёшь,
Как Обломов И. не сходя с дивана, —
Под диваном иглы топорщит ёж.
Телефонный гений-распределитель,
Обратись-ка с жалобой в свой АОН,
Угадаешь сразу в ряду из литер,
И откуда дым, и откуда звон!

Словно возвращаешься в область текста:
До прожилок самых знаком Делёз,
Синтаксис гремит, как труба оркестра,
Далее дефис и опять вопрос.
А бывает, третий приходит случай,
Видишь, как чудесно устроен мир, —
Твой солдатик строем идти обучен,
Отдаёт приказ ему командир.

ГОРОД-ОГОРОД

1.

Молодая нахальная лезет листва,
На проспекте защитного цвета очки,
Вяжет бабушка зелень в большие пучки.
А бывало, секрет утаит естества,
И с полочки, шатаясь, гуляет народ.
Огурец, он недолго живёт взаперти.
Как в холодное время, стоит огород,
Донкихотствует пугало, бон аппетит!

2.

У тебя зачем глаза большие?
Чтобы Ленин на бронемашине,
Как апрельский дождь, окаменел
На лету, а после в виде стрел
Семена петрушки и укропа
Угодили в чернозём с навозом...
Монотонно шепчет под гипнозом,
Не идёт, а скачет вдаль галопом.

3.

Сегодня девушка искала
По гендеру литературу,
Печаль не портила фигуру,
Но насовсем не отпускала.
Её фруктовая диета
И овощной её салатик,
А бабушка лежит в кровати,
Уже по-летнему одета.

4.

Пирог для любимой бабушки...
Орфей — воротник из волка — достаёт шприц,
Приговаривая: ну-ка, ёлочка, зажгись!
А это и не ёлочка, а кусты укропа.
Редиска величиной с репу.

† † †

Ласточка от яблони падает далеко.
О мёртвом индейце только хорошо.
Стрелы Эрота все в молоко,
Об этом смотри у Мориса Бланшо.
Образ Антигоны едва ли раскрыт,
Эдип на четвереньках вечером стоит.
О чём нам с тобою это говорит,
Человекобык на острове Крит?
А вот поднялся Икар и полетел.
Луною в полночь растопит воск,
Каменный цветок на деревоплите
Растёт, прободая асфальтовый мозг.

БРАТЕЦ ВОЛК

Братец Франциска, тамбовский волк
Вить начинает, как включит телек:
Тумблером задней панели — щёлк,
Звук отключается без истерик...
Он продолжает играть за всех,
Новости знает не хуже прочих.
Герб императорский, птица стерх,
В лапах — булыжники для рабочих.
Но оплетает звезду змея,
Алого шёлка крутая лента,
Как у Слаповского, я — не я,
Волк на свету превращён в студента,
Выйдет на волю в чужом пальто,
Щёлкнет обратно, чтоб слышно было,
Как по мобильному шлёт Платон
Мысль государственную на мыло.

ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Иногда возвращаются эти письма,
Почему-то всегда на английском, чаще
Полный бред содержится в приложеньях.
Но какой-то есть смысл и в Твоих ответах:
Сообщенья о новой болезни или
Незнакомых нам прежде желаньях — жажде
И любви — неизвестным науке шифром.

Евгения Лавут

ЛЮБИТЬ НЕ ТРОГАЯ

† † †

плохо у папы мамы жить среднему брату
на коленки не сажены за подбородок не взяту
не у дел не у вёсел сидеть в лодке
самому себе бормотать про свои находки
да уж ляг на дно никто тебе не обидчик
в небо будто камушков накидал господь птичек
слова в голове мельчают как в кофемолке
заблудился слепень в рукаве футболки
старший кричит табань младший табанит
а ты ничем не занят
не чиня снастей хлеба что ли заначить?
нельзя не глядя — соскочит палец со стебля —
сорвать кувшинки — лови это время ребя
потом говорят нельзя ничего не значить
лопнет кожа бросят заживать ранки
черви уползут в землю от твоей банки

† † †

где наша роза, друзья? — «escoute,
что за безделки тебя влекут?»
слышишь как медленно — тук тук
рубит дрова якут?

а между тем всё равно зной
ветер не трогает наш грот
и обживая свой дом резной
птицы поют: вот

роза и ирис, а вот сор:
крошки и пепел, крыло осы,
дымных закатов точны часы,
что́ нам его топор

что нам косный его язык
что нам острый его кадык
стук за забором в чужих кустах
холод в других местах

где наша ересь?
да вся тут:
можно ли через
как вброд пруд
или примерясь
вот так: прыг —

ходит и ходит его кадык
ходит как ходики
там как тут
рубит дрова якут

✚ ✚ ✚

отсыплю соседке в стакан, поверну в замке
ключ, заведу часы, лбом задену полку.
лучше (мелькнёт) в руке чем на языке
но и так можно — только
только бы целой выползти из белья
унести немногое
утром слепим из снега бабушку получится как своя
толстая нестрогая
поедем купим чашек для битья
купим еды и питья
будем брать не пробуя
любить не трогая

✚ ✚ ✚

Когда Катя говорит «Лёвка» и бабушка говорит «Лёвка»,
Чувствуется, что они одного помола
И мешок с ними держит невидимая верёвка,
А на нём надета невидимая ермолка.

И сидит тот мешок как чучелко смоляное,
Незнакомцев притягивая и пугая.
А я другая:
Мне что брат, что сват, что Яша, что Никита, что Оля.

‡ ‡ ‡

да, ты прав: уезжать — веселей, здоровей:
то не штопором вглубь уходить:
как, белея, ползут поезда кораблей,
самолётов игрушки жужжат!

но я выдохну «будет» ободренным ртом —
пахнуть псиной вещей шерстяных,
в сиплом воздухе мздой за тебя повисать,
уйди, я готова, езжай.

как короткому нынче и нам не сезон.
замолчим же свой птичий язык,
упакуем в бумагу коротких гудков
как подарок, бывает, — на потом.

Марианна Гейде

САМАЯ ЛУЧШАЯ ПОЧВА

✦ ✦ ✦

Пернатый воздух горлицу медвѣжит
в кровьи выхарки, и не жилец, а нежить
в квадратной комнате лежит,
лушит глазной ячмень
и не отбрасывает тень:
тут вечно электрическая полдень
гоняет спитые чаи
на пузырящие обои
и тени исчезают, стоя.

Под языком грабарь, лазурь
слюной стекаются, горча,
а ты её глотай,
озноба крошечная корча
и невеликая работа
до красной метки подтянуть
свою подмышечную ртуть,
потом
достать, встряхнуть и спрятать.

Это лёгочный изюм
выбывает из игры —
станем рыбы, или порами из солоно и мутно
добываем кислород
в придонной тине, подо льдом
полюбались и засели
за картонные дела
на две масти в три часа
пополуночи лажать.

Станем нежитью не жить,
а быть, неслышную повадкой полотна
хитроумного предмета
из некрашеного льна.

Станем нежитью лежать
на дубовом, раздвижном
в честь десятой годовщины
или свежих похорон
на одиннадцать персон
перегруженном столе.
Станем скатертью дорога
неумершим поживать,
а умершим остывать
и веки пребывать.

✦ ✦ ✦

Мокрое всё и золотое:
встречай, встречай, земля, горячее
во все свои чашки и плоски,
прячь, что осталось, пока место,
а не станет места, она станет в глазах, помедлит
и прочь потечёт, по щекам щекотит и ключицам.

Вытек из небьего глаза сучочек и в плаванье:
налево глянет — в стекле вызревают зёрна,
а направо глядит — вот-вот полопаются,
вот и совсем полопались,
а вниз — самого себя видит,
и внутри вызревают зёрна.

Эта ли из слизи и пыли
подходит, пузырится, рокошет,
ворчит, бежит и убегает
самая лучшая почва
для всего, что падает с неба,
или какая-то другая?
Смотрит, как чечевичка,
и ничего не обещает.

Скороголовые, скороглазые, сороконогие
толпы воздуха друг на друга наседают,
теснят друг друга, оттаптывают сосудики и сосуды,

скоро кровь пойдёт вёрхом, кажется, но кровь подземными тропами
бродит, разгоняет тромбы, перетаскивает грузы, мешается и не
смешивается с другой кровью, как вода с маслом:
всплывает, плывёт и не тонет,
лёгкая, прозрачная и чужая,
что-то на своём наречье,
что-то лепечет
и смотрит, как чечевичка.

Заостряются пальцы и скулы:
воздух шкворчит и издыхает,
небо всплывает радужным маслом
и смотрит себе под небо,
как под ним круглится и тяжелеет
самая лучшая почва.
Мокрая вся и золотая,
слов не умеет и плачет,
а снаружи ничего не слышно.

✚ ✚ ✚

Черепом зачерпни
на один глоток голубой воды,
эти наши дни и труды —
на грифельной (прочерк) слепой доске
никем не считанные трудодни:
мы плывём по большой реке,
рядом, всегда одни.

Сколько их, не с неба, а сверху
откуда-то падающих голосов:
небо землю со всех сторон
запахивает на засов.
С неба валится арматура,
извлекая из тела слепую веру.

Жгли, жгли на озере пух тополиный,
сельдь-ряпушку не мы ли таскали из глуби зелёным неводом,
не мыли в воде несолёной усталые ноги —
многим и этого не досталось,
станем теперь умирать, как боги и неги
умирали, когда им завтра вставать на работу.

Константин Рубахин

ОШИБОЧНЫМ ДВИЖЕНИЕМ ЯЗЫКА

✦ ✦ ✦

Даниле Давыдову

тепло тебе под тополиной кучей,
под липким пухом выпавших семян?
площадка детская, огонь шипит ползучий
к забытой ладе, обойдя тебя.
ты спишь, и сон твой так же прочен,
как свитер твой не может быть измят.
лежишь, а над тобой полощет
реклама на огромных простынях.
их красный sale клеёнчатых полотен
эпоху новую развесил в бутиках,
её, как косточку вишнёвую, проглотим
ошибочным движеньем языка,
двор проходя насквозь до подворотен
на заседание литературного кружка.

РЫБАЛКА

Истовый запах яблок,
вина и озона.
Пар выдаёт
прошедшее ночь живое.
Вдох внутри зябок
лёгких на запаха тканей,
полных пока среднерусское
узкое лето тобою.
Вдох внутри тесен —
не вытащит в голосе слóва,

чтобы в четыре утра
будить на зорьку,
где атавизм племенной,
хронический мужеский повод
с кепкой спуститься под пар
в сосновую койку.

† † †

Квартира смотрится в закат
Каким-то видом меди
Которую легко спаять
Вокруг лежат предметы

Жара набившись по дворам
Расклеивает окна
Их сетка звук от комара
Впускает внутрь комнат

В одной лежишь, закрыв глаза
В шипящий телевизор,
А медь к постели подползла
И ноги твои лижет.

† † †

удивляясь пути длине
попадаешь домой, домой
где из шкафа упав скелет
говорит — я уже не твой

ты теперь без меня силён
как без лодки плывёт моряк
на виниле посеребрён
и заржавлен на якорях

ты теперь остаёшься один
твёрдый кальций упрятан в шкаф
ты теперь такой господин
как пустой на тебе пиджак

Виталий Лехциер

Из «КАВКАЗСКИХ СТИХОВ»

Скажи в тоннельной темноте,
а может, не пойдём на ужин,
застыть в черекской тесноте.

Совпасть с чегемской крутизной,
где пролегла моя граница,
водой упейся соляной.

Кирпич, шпатлёвка, Теберда,
погладь-ка белую рубашку,
прекрасна горная гряда.

Почтамт, продукты, мерседес,
корми меня отборным мясом,
я волк, который смотрит в лес.

Смотри, какая высота,
нельзя, я переодеваюсь,
удачной выдалась среда.

Три тыщи метров над землёй,
куда там лестничной одышке,
нырнуть, как в омут, с головой.

Ты выспалась, ну, как спалось?
Ты лишь чуть-чуть взяла левее,
как сразу всё оборвалось.

✚

Овсянка в мерседесе, Кабарда,
абракадабра, мы проедем через
аул, смотри направо: там гряда.

Там скотовод ведёт себя ахти,
в пятнадцать тридцать подгребай на теннис,
на дискотеку в девять, без пяти.

Деталь такая: храм стоит в Сентах,
стоит в горах одиннадцать столетий,
стоит вдали, стоит себе в сердцах.

Дух перевёл, теперь расправь хребет
скалистый или пастбищный, старейшин
и молодёжь отправили в бювет.

Ты — овцевод, ты пострижешь овец
и встанешь за прилавок, как заправский,
ты — овцевед, как брат твой и отец.

Сыграем в Тетрис, теннис отдохнёт,
кругом эпоха минеральной ванны,
меня лишь карачаевец поймёт.

‡

Утюг включила? Выключи опять.
Я собираюсь пережить событие.
Как всё поправить? Как тебя унять?

Катамаран, купаться здесь нельзя,
ищи в кармашке, там она должна быть,
поставь на место моего ферзя.

Просчитывай на пять ходов вперёд,
на пять годков, на шесть десятилетий,
когда тебя с лица земли сотрёт.

Тут будет банк лежать, давай, сдавай,
ну, кто на пляж потащит документы,
садись на лошадь, залетай в трамвай.

Сдувай шары, пакуй календари,
как Энди, аналитик упаковки,
потщательней намажься, не сгори.

И пусть она отстанет от меня,
ну, подождите, я готовлю воду,
так ты видал? что думаешь? Херня.

П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е

Проза на грани стиха

Ольга Зондберг

В НЕСКОЛЬКИХ СТЕНАХ

От электрички минут двадцать пешком, скольжением по слегка присыпанному льду навстречу очередному поверхностному знакомству. Краешек шарфа обмётан инеем, но с тех пор, как мне пришёл ответ, мёрзнуть по-настоящему не получается. Наверное, мысленно я уже в другом климате. Раньше никакая одежда зимой не спасала, сколько в неё ни пряталась. Страх перед холодом — явление скорее метафизическое, нежели физическое: хотелось, чтобы согреться, носить с собой кого-то живого — кошку, что ли, а лучше белого медведя. В транспорте, в толще себе подобных, пробирала иная дрожь: тот, в сером пальто, — вылитый истребитель-бомбардировщик, а эта, в тёмно-зелёном пуховике, — соответственно, тяжёлый танк. В прошлом году мы с тобой при такой погоде просидели бы весь вечер у поверхности тёплого южного кофе в толстостенных фарфоровых берегах, где-нибудь рядом с метро, чтобы нырнуть ближе к ночи быстро и незаметно, как из Чёрного в Азовское по учебной карте-вкладке.

Кто-то не спеша открывает дверь, кто-то включает музыку. Детский неровный голосок, очень стараясь, с полными смущения паузами между слогами: *«Мы на свет ро-ди-лись, чтобы ра-достно жить, чтобы вме-сте играть, чтобы кре-пко дружить»*. Мои первые летние каникулы, комариный писк, голова, неизменно сползающая с подушки во сне, утренний бег на зарядку под звуки всегда почему-то именно этой песенки, пять ярких бумажных лепестков фестивальной эмблемы ровно за пять лет до стремительного облетания цвета империи.

Представляю нас в детстве: плакатные мальчик и девочка, китайка и негритенок. Вместо третьего ребёнка можно было бы написать рядом наши русские имена, отступающие следы родительских стараний как-то закрепить нас в этом пространстве, точки не то опоры, не то пересечения, лоскутки пересаженной ткани. За что я так ненавидела те плакаты? Недостатка в друзьях и товарищах по играм не припомню, редких обидчиков совсем не сложно было ставить на место. Когда дразнили, оттягивая по горизонтали уголки глаз, возвращала аналогичный жест в вертикальном направлении. В ответ на «убирайся в свой Китай» снисходительно разъясняла, что мой народ самый большой в мире, так что если кому и убираться с моей планеты, то уж точно не мне. С плакатом, конечно, ничего не вышло бы, всё время забываю: ты старше и в то лето уже не был ребёнком, да и улыбаешься не по-плакатному, как бы это описать, белозубой-улыбкой-не-открывая-рта. Впрочем, уверена, темнокожий юноша с серьёзным взглядом и взявшая его за руку маленькая дочь страны Тан сгодились бы в эрзац-миротворцы ничуть не хуже и смотрелись бы не менее эффектно, чем тройка

разноцветных детишек.

Тем временем нам приносят тапочки, показывают, куда повесить пальто, в какую комнату пройти. *«Так давай-те устро-им большой хоро-вод, пусть все лю-ди земли с нами вста-нут в него»*. Субботние и воскресные вечера последних полутора лет подчинялись у нас негласному правилу умеренного разнообразия: прогулки, кофейни, кинозалы (с каждым месяцем всё больше фильмов, где актрисы похожи на меня), дни рождения друзей, яблочные пироги твоей кубинской мамы, которая тоже время от времени напоминает кого-нибудь по ту сторону экрана — то Сезарию Эвору, то сразу нескольких героинь латиноамериканских сериалов. Календарная определённости будущего отменила не только мою чувствительность к холоду, но и твою работу по выходным: теперь в конце каждой недели два дня подряд мы ходим в гости к твоим знакомым. Получается, не так важно то, что происходит между людьми, как то, где они бывают вместе. Со временем наше «вместе» приобрело оттенок вместительности — знакомых у тебя много. За уикэнд мы успеваем побывать в трёх-четырёх домах. Ты пытался рассказывать разные подробные истории об этих людях, или в письмах потом предлагал написать, я ответила, что нет, лучше не надо. Во многих знаемых многие печали.

Среди тех, у кого мы были, помню общительную даму, которая размешивала в чашке сахар двумя ложечками, объясняя при этом что-то про структурирование воды. Помню человека, который с порога точно определял рост и вес вошедшего («не обижайся на него, у каждого свой талант»). Помню разговор о девушке, твоей знакомой, которая покончила с собой, завещав квартиру бомжу, незадолго до того подобранному ею на улице. Помню бывшего университетского преподавателя, которому благодаря математике точно известно, что бог в каждом третьем случае требователен, на треть не вмешивается в дела человеческие и на оставшуюся треть много терпелив и всепрощающ, и что дух, душа и тело образуют любовный треугольник, где каждая пара никак не может разобратся, кто в ней лишний. Помню юношу, который предоставил определять свою судьбу другим (это он сам так сказал, а мне кажется, у него просто характер похож на одну прядь моих волос, которая иногда упорно не зачёсывается ни на какую сторону). Помню молодых мужчину и женщину, у которых погиб взрослый сын, и теперь они каждое радостное событие в жизни кого-либо из его друзей объясняют заступничеством на небесах. Помню мальчика, убеждённого в том, что для счастья не нужно ничего, кроме любви и образования. Он показал мне свою тетрадку с длинной повестью, под последним предложением стояла дата — трёхлетний промежуток времени — и далее длинный список городов. Помню человека, который намеренно ведёт себя то как праведник, то как подонок, потому что хочет понять разных людей. Помню, кто-то за столом разогнул кровать и долго покачивал её, держа большими и указательными пальцами. Помню двенадцатилетнюю девочку, которая принципиально весь вечер ни с кем не разговаривала (ты ещё посоветовал: вот, я её вижу второй раз в жизни, в первый она говорить ещё не умела, а сейчас уже не хочет). Помню, мне рассказывали, откуда пошла мода называть пьяного человека словом «никакой». Помню, один твой старый приятель предложил тебе встретить Новый год вместе, как двадцать лет назад, я полюбопытствовала, где это вы его встречали, он вместо ответа принёс пару лезвий, катушку ниток и спичечный коробок, собрал из всего этого странную конструкцию, подсоединил к розетке и опустил в кружку с водой. Позже узнала, что вы когда-то зимой в одном укрытии избегали воинской повинности по состоянию психического здоровья.

На слова у меня память лучше, чем на лица. Может быть, оттого и не расспраши-

ваю о твоих знакомых, боюсь забыть их слишком быстро. А лучше всего помню, как после одного такого вечера, выйдя на улицу, поняла, что окружающая местность длительно и безнадежно любит остальной мир, вызывая лёгкий его испуг, лёгкое чувство превосходства, лёгкое сожаление. Я вообще не из тех, кто переживает по поводу перемещения тел в пространстве, но одно время, ещё до того, как мой отъезд стал окончательно решённым делом, было немного не по себе, потому что нельзя вот так, нисколечко, не любить свою страну. Жаловалась тебе, ты отвечал, что я имею полное право её не любить, я возражала: при чём тут право, совесть надо иметь, и ты как-то сказал: ну да, голос совести несомненно сильнее даже самого полного права, но он-то и подсказывает принять сторону слабого.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Полина Барскова

СОШЕСТВИЕ АНГЕЛОВ

Бредут леском, гуськом.
Один — с чугунным пояском,
Другой — с чугунным туеском,
А тот — с чугунным волоском
На горестном носу.

В тумане по колена, по
Карманы сморщенных пальто.
Тяжёл туман и густ.

Здесь будет снег, — он говорит, —
Средь облаков я слышу хруст,
Уж в облаках горит
Готовый снег, разлит
В слепые оболочки. Кто

Там? Там снег. Никто.

Небесный лес, и по нему
Бредут из тьмы во тьму
На землю ангелы, строги,
Как перенос строки
В двустопном ямбе,

И бедны,
Что твой ландшафт луны.

До края леса путь далёк.
О ангел! Как же ты лёгóк!
В пареньи распростёрт.

Летят гуськом.
Меланхолическим баском
Вожак других зовёт.

Кто — в валенках.
 Кто — босиком.
 Кто — выгнувшись морским коньком,

Они, как уточки весной,
 Болотный хлад, болотный зной
 Взрывают: плих и плюх.

Мы здесь. Теперь мы — часть земли.
 Мы станем осязанье, слух,
 Смятение и смех!
 Летели, плыли и брели,
 Чтобы ходить и быть среди всех
 Про всех, при всех, во всех.

Так что ж мы [вы] обрели?

АНГЕЛ ГЕОГРАФИИ И МУЗЫКИ

Смеркается. Три чёрно-белых щенка
 Болтаются в Рио по пляжу.
 Откуда такая тоска?

Вот пери двухлетней пылает щека.
 Сдуваю и путаю пряжу
 Толчёных ракушек, песка,
 В руке, как нелепую кражу,
 Сжимаю её жестковатую прядь.
 Она отвечает гримаской.
 Но как мне осмыслить и как мне унять
 Сигналы из области адской?

Вот город чужой. Вот зверёнок родной.
 Один за другим, как волна за волной,
 Эпитеты: парно-безлики...

Вот тучный и злой романист Гончаров
 Вступает, томясь, на *Палладу*
 Изведать душистого яду
 Дегтярно-густых вечеров

И Майкову тяжким пером отписать,
 Как мечутся резвые блики
 По серому склону воды.
 Как нервный фрегат выходили встречать

Туземцы: их резкие вскрики,
В корзинах — венки и плоды.

Бананы и манги. Хошь — пуд по рублю.
Такая в раю дешевизна.
Ах как я, душа моя Майков, люблю,
Когда удалится отчизна,
Приблизится в нежных залысинах пляж,
На нём в беспорядке клубятся
Босые искатели куплей-продаж,
Нерею послушная паства,
Но также Меркурию... Что же купить?

Угасших жемчужин неровную нить?
Вонючих ракушек десяток?
Морской ли звезды отпечаток?

Сконфуженный цензор ступает на брег.
Песок шебуршит, как подтаявший снег,
Под пухлой ногой Гончарова...

Малышка и три чёрно-белых щенка,
Отвлёкшись от сооруженья венка,
За ним наблюдают сурово
С растрёпанной дюны: откуда ты здесь?

Жеманная проза, имперская спесь.
Цветы погружаются в воду.

Над Рио ночным самолётик кружит.
Щенок, оглушённый волною, дрожит,
Кривит разноцветную морду.

БОЛЕЗНЕННЫЙ АНГЕЛ

Захворала голубушка — фарфоровая чашка.
Таинственно мерцают пёрышки пота.
В прозрачном тельце идёт работа:
Как прибой, она вздыхает тяжко.

Хворушка-скворушка. От червей розово поле.
Бедные драгоценности севера — самочки моли.
Полон боли
Мятежный сон. Угрозы полон, как аквариум.

Сон в раскалённой голове.
Как мы с тобой молчим-разговариваем?

Мой император. Мой механический соловей.

Бледное лицо отклонив, ты замечаешь: ду-ду.
Что это значит? В пруду-впряду-в бреду.
На летучем ковре ли,
В висячем саду,

Разбитом Киром, разбитом Дарием...
(Или наоборот? Или вообще не так?)

Ты возлежишь — павлинья волшебница, певунья Наргиз.
Бледное лицо твоё до глаз запутано тысячецветным шёлком.

Не смотри вниз!
Мой соловей — главное не смотреть вниз.
Там земля усыпана жарким, жалким и жолтым.
Саранчой, бубонной чумой, караванами крыс.

Смотри вверх — смотри на меня.

Я стану губы твои целовать.
Слезам глаза твои заливать.
Словами сердца твои удобрять.

Фарфоровая моя ложечка. Мускатный виноград.
Упразднённое незабвенное ЯТЬ.

АНГЕЛ ГЕОМЕТРИИ

Раковина морская в продольном разрезе
Подобна темнице в исполнении Пиранези.

Геометрически безупречна, на вес — прозрачна.
С точки зрения краба, проходящего мимо, раковина есть башня.

С точки зрения геометрии, поэзия — это туча
Распущенного языка, громада косноязычья.

С точки зрения поэзии, геометрия — это почерк.
Только один из способов.

Сладкий вечер
Затекает во всё живое: в раковины ушные,

В лицевые морщины, в иные отверстия-гроты.
Несвобода раковины железным кольцом торчит в языке заката.
Отроковица облизывается. Произносит: «Чего ты?»
Отвечаю — «когда-то».
Отвечаю — «однажды».

Раковина-кольцо — это обломок жажды,
Вынесенный на поверхность искусственного языка,
Которым мы прикрываем, как семью покрывалами, память о жажде.

Та земля, что могла быть раем,
Стала способом, междометьем,
Стала взглядом скольльзящим.

Смутно помня, чего мы ищем,
Не в силах знать, что обрящем,
Мы лежим на пляже в сотнях км от Рио.
Мой ребёнок копается в мёртвой пасти прилива
И свои сокровища восторженно и брезгливо

Поручает мне, надеясь, что я смогу,
Как Адам — зверей, — назвать их, как Иона, во чрево
Языка их ввергнуть.

ГУ-ГУ, милый друг, ГУ-ГУ.

АНГЕЛ ГОРОДА

И всё-таки я всех обскакал.

ИБ, в мемуарах

Все меня обскакали, и я остаюсь
В том сверкающем дне,
На сверкающем дне,
В том рыда- и рыгающем граде,
Где и камни и реки забыли, небось, обо мне,
И о том, как я выла, молила от них о пощаде.

Как петух с отсечённой башкой,
Как поэт Ювачёв с пересохшей прямою кишкой,
Я круги совершала по городу летнего дыма.
Тополиные клочья глаза забивали и рот.
И Платон в рюкзаке перед сессией:
Вот откуда печаль, Диотима!

Вот откуда болтливый (verbosus) гугнивый Эрот.

Всё же — Бог или смертный? Шербетный красавец? Урод,
К Агафону прилёгший?

Да нет: он заплата, цитата.
Он — лицо моей падшей подруги
В слезах, и соплях, и грязи
Сожалений. Он — ночь равнодушного града,
По которому память в сверкающих санках скользит
Королевою Снежной. Что чувствуешь ты? Ничего ты
Не почувствуешь больше. Всё кончилось в полдень, когда
Я погибшее имя, как ком пламенеющей рвоты,
Изблевала из детского жалкого жуткого рта.

С той поры — тишина. Виды города, сны, как открытки:
5 копеек в ларьке. Ларёк проверяла — закрыт.

Тишина и ирония. Вот мы скоро с тобой, недобитки,
Отплывём, моя радость, навстречу обещанной пытке
На раскрашенной лодке Харона — на остров Цитеру, на Крит.

АНГЕЛ ВИНИСИУШ ДЕ МОРАИШ

Перевод из де Мораиша, великого бразильского поэта и песнопевца

Сельские вечера, обязательно погружённые в голубое,
Дополнительно — в жёлтое. По тропинке бреду.
Обрываю головки клевера, зверобоя.
Зверобойное солнце-сердце отразилось в жирном пруду,
Как сознание — в бреду.

Направляюсь туда, где по жирной глине ползёт ручей.
И над ним, как змеиный глаз, как коралл,
— Малина растёт.
Ледяная вода ручья звучит, как слово «игралл».

Благоухает навоз.
Стада вдыхают и выдыхают закат,
Сгустившийся грозно в томном коровьем оке,
Отгоняют слепней и ос.
Мочатся на траву. Эти струи шумят, шуршат,
И моя затеряется во всеобщем потоке.

АНГЕЛ БЫВШЕЙ ДРУЖБЫ

Запах гнилых подсолнухов, тяжёлый и важный, влажный и ватный,
Метонимически становится призраком бессонницы неопрятной

На подъёме июля. Дурацкий месяц — безликий, круглый.
Посмотри на закат: он натёрт песком и покрашен свёклой.
Посмотри на закат — он приклеен к небу, как календарь с блондинкой.
Наша-то ёлочка об него трётся, как свинка спинкой, чёрной щетинкой.

Чёрные свиньи бредут по чёрному небу, куда — не глядя.
Бледные дети бегут по бледному небу: тятя! Тятя!
Нам страшно.
Повсюду — бесы.
Тятя крутит ус тараканий враля, повесы,
Остановить которого сможет лишь рак простаты...
Тятя! Тятя! Нам страшно — везде утраты!

Тридцатилетние дети падают, как деревья,
Их пожирают жадность, зависимость, нетерпенье.
Кто же из них дойдёт до города за бумажной дверью?
Кто же из нас добудет людям огонь?

Тятя: *Далёко, далёко за морем
Стоит золотая стена,
В стене той волшебная дверца,
За дверцей большая страна.
Ключом золотым отпирают
Волшебную дверцу в стене,
Но как отыскать этот ключик,
Никто не рассказывал мне.*

Пахнут гнилым подсолнухи.
Что-то вокруг всё чаще
Пахнет гнилым — от ран дорогих, из уст дорогих.

Были и мне сотовар-
ищи.
И не надо других.
Надо тех, о которых лишь память висит клоками
На вечерних ветвях.
Стоит стопудовыми сапогами
За вечернею дверью.

Надо лишь тех, чьи имена
Сладостны на языке доселе.
Между нами нет места прощению и веселью —
Золотая Стена.

Игорь Булатовский

НОВЫЙ ГОД В ГЕТТО

Ф. и Д.

1. ВАЛЕОЛОГИЯ

И про *это*, и про *то*,
и про *Ту*, и про *Другую*
(что не выиграешь в лото —
спросишь рыбку золотую).

Только так тебе она
и дала... Всё шито-крыто:
и разбитое корыто,
и солёная волна.

Что ты хочешь? Нет и нет.
И не будем напрягаться.
Это как про «целоваться».
Третий лишний. Я. Куплет.

2. ОСМОС

Тут всё дело в растворе,
а не в размере лужи,
рифма-то море-горе,
ты на рыбок смотри:
чем солоней снаружи,
тем легче дышать внутри.

3. КТО?

Какой-нибудь аноним
(поди, уследи за ним),

какой-нибудь эминем
(любитель увечных тем),
какой-нибудь гогмагог
(при помощи рук и ног),
какой-нибудь педагог
(чекмарящий между строк).
Из всех этих ближних луз
эминем — лучшая: *lose
yourself in the music*
каких-нибудь муз и К°.

4. КОСТЬ ЛУЗ

Лишь косточкой брякнет горячий миндаль,
И мальчику дня золотого не жаль.

— Когда отряхнётся последний твой груз,
останется косточка *луз*.

И будет она холодна-холодна,
и в разной земле не видна.

И будет на стрёме она числовом
в обратном глазке нулевом.

И будет она как миндаль вдалеке,
зажатый в большом кулаке.

И будет в ней только одно, и одно,
одно, и одно, и одно.

И будет в ней пальцами щёлкать вода,
качаясь оттуда сюда.

И будет по *темени* каплей стучать
опять, и опять, и опять.

И будет над каплей висеть мотылёк,
в неё запустив хоботок.

А после, когда разожмётся кулак,
число поменяет свой знак

и втянет тебя сквозь обратный глазок
обратно в творожный тревог,
И луз в нём распухнет, в нём пропадёт
и грузом нетяжким взойдёт.

— ?

— Да так вот, на всякий, скорей не тебе,
А ей, мотыльку и себе.

5. ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА

И вот тут бы, конечно, анапестом —
тень-тень-тень, тень-тень-тень, тень-тень-тень —
отстреляться по воздуху начисто
и не бегать смотреть на мишень.

Видит... ох, не умней, не заумничай,
не заимствуй и не понимай,
только пульку из дактиля улички
лёгким сердцем обратно поймай.

6. ПРИДАННОЕ

Man gab zum schönsten Angebinde
Den Kindern diesen Glauben mit.

Новалис

И что я тебе с собой
дам? Барабан с трубой?

Пару хороших слов
для полоскания ртов?

Может, ещё флажок,
чтоб веселить ветерок?

.....

Мало ли, что хотел!
Может, смел, да не съел!

7. ДОМ ЖИЗНИ

But lol!

Д. Г. Россетти

В Доме жизни этом
не жаль только стен,
и куда тут со светом —
некуда деть и тень.

В Доме жизни этом
не крикнешь *but lol!*
а крикнешь — ответом
будет: базло!

8. ДОМ ЖИЗНИ-2

Может, пора
немного напалма с утра,
и не будет метафор,
и будет опять один автор?

Может, опять
в полезный асфальт закатать,
учинить катаклизм
и лечить ревматизм?

9. ОРНИТОЛОГИЯ

Как между волком и собакой,
я между птичкой и манком
в орнитологии двоякой
сизу на веточке бочком

и щурюсь на такие ноны,
даю такого, блин, скворца,
что матерят меня вороны
в лицо от птичьего лица.

(А ты смотри, как я качаюсь
на этой веточке пока

и всё лажаюсь и лажаюсь,
смотри и не бросай манка!)

10. ОРНИТОЛОГИЯ-2

Свиристели в чёрных масках
драли «Рябиновую»,
зарябило в чёрных глазках
зарю бензиновую.

И, по воздуху шатаясь,
из него выпали,
под заборами валяясь,
лишнего выпили.

Вот бы так и времирям бы
хватить бы лишечку,
чтобы воздуху и нам бы
дать передышечку.

11. НА КОЛЕНКАХ

В ямку бух!

«Зачем?» уже проехали
с орехами, с орехами,
проехали «Кому?»,
с прорехами в уму.

И на базар в печали
приедем с калачами,
засохшими давно,
а там уже темно.

Но приоткрыта лавочка,
стоит он у прилавочка:
«Натурой не берём,
тем более — старьём!»

И мы с тобой на дрожке
по ровненькой дорожке,
по кровненькой дорожке
в ямку бух!

12. НОВЫЙ ГОД В ГЕТТО

(Казимеж, Краков)

Это? Это
Новый год в гетто,
вольных мест нема.

Над Мёдовой
месяц людовый,
а на Чемной тьма.

По Широкой
тенью широкой
тянется клипá.

Шаг налево.
Или направо?
Улица Купа.

В «Ариеле»
пляшут евреи
маленький канкан.

Каждый в меру
себе Просперо,
в меру Калибан.

На Эстеры
лукают двери,
выпуская газ.

Счастье — это
Новый год в гетто.
Может, и для нас.

Пан Твардовский
на тверди польской
в петельке висит.

Снега семя,
светлое племя,
из него летит.

13. КАНИКУЛЫ

Скоро кончится это терпение
и короткие крови тычки,
Герь сотрётся, останется пение
понятно чего, и чего — клочки.

Скоро кончится это щажение
серомышки в стакане тоски,
Ща сотрётся, останется жжение
понятно чего, и чего — клочки.

Скоро кончится это кормление
терпентином с огромной руки,
корь сотрётся, останется мление
понятно чего, и чего — клочки.

Елена Фанайлова

НОВЫЙ КАТУЛЛ

✚

Катулл пишет Лесбии, пишет цезарю.
Он не то что не может с собою справиться —
Полетит к голубю, полетит к сизарю.
У него нет другого оружия,
Нету щита и доспехов,
Его сердце кровоточит,
И голова кружится
Не совсем от успехов,
Скорее, от ужаса.

Его частушки ходят по городу.
Под его окном рыдают красавицы
И народ визитками обменивается.
Слухи как эпидемия распространяются,
Что печален Катулл, утончённый пьяница.

Ему наплевать на судьбу местной словесности.
Боль у него в голове, как пьявица.
Наружное и внутреннее принимаются,
Но не способствуют.
Он дурно ориентируется на местности,
Но прекрасно держится.

Он часто плачет и отворачивается
В своём *таинственном лесу*.
Воробышек умер, Лесбии нездоровится.
Ничего существенного, за вычетом
Невозможности, невероятности
Встретиться,
Ничего по-настоящему катастрофического.

Такие истории неважно кончаются,
Но необъяснимо завораживают.

Возможно, это свидетельство маниакальности
Экстремальности ситуации
9.11, 02, 03, пожарная лестница
Собора города Намюра
Поскользнулся во сне на улице
На груди отпечталась стопа предшественницы
Предстоятельницы

‡

Катулл визжит от боли, повизгивает от боли,
Как маленькая собачка.
Плачет, когда никто не видит.
Впрочем, не особо стесняется тоже.
У него совсем нет мужества,
Мужеложества, женоненавистничества
Он усирается от ужаса.

Он идёт, идёт, едет, едет,
И скрыт его маршрут
От радаров советских разведчиков.
Его в зарницу больше не берут,
Как волчицу и пляшущего человечцу.

— Ему кажется, что тело течёт.
Он знает своих наперечёт,
По списку снайперов,
Но и своим не слишком доверяет.
Порядок измерим его чутьём.
Чутьё никто не измеряет.

Измерщиков — к стенке,
Думает он муторно; нет аппарата
Летательного, как в семнадцатом веке.
Остались одни православные иерархи.
Когда же изменится эта страна? эти порядки?
Как много противоречащего
Его чувству прекрасного, настоящего,
Когда мужчины плачут, музы подначивают,
Девушки не торгуются, а открываются
Навстречу глубокой нездешней печали,
А благодарные юноши
Ебутся чисто из благодарности

И восторга, даруя блаженство? Без ревности и зависти?
А?

Сам-то Катулл обычно ревнует до помрачения сознательности.

Вообще, он озадачен.

Он иногда так истощён,

Что не в состоянии

Отвечать на деловые звонки.

Его естественное обаяние

Уже не покрывает представительские.

Цезарь и его клика

Совсем потеряли приличия.

Они думают, что их дела важнее болезни Лесбии,

Важнее смерти воробышка.

Как они могут так думать, они совсем охуели,

Думает Катулл; его тушка

Готовится к операции, он волнуется:

Как там медные ножи хирургов, остры ли? Горяч ли огонь? Дадут ли
цикуты?

Наконец, как там семейная гробница

На случай дурного исхода?

Философствовать — готовиться к смерти,

И он-то готов, но вот как остальные?

Чувствуют ли ностальгию по настоящему?

Не пошли бы нахуй все остальные,

пластиковые и стальные?

Злые клоуны? умеющие заставить его работать Золушкой?

Он сомневается.

Он ещё находится в этом мире.

Ему необходимо сосредоточиться.

Боги не любят рассеянных,

Дающих невыполнимые обещания,

Делающих опрометчивые заявления.

Кажется, надо признать, что его воплощение — женщина,

Так получается,

Выбранное им по доброй воле и в трезвой памяти

Из желания спасти окружающих.

А это означает полное погружение в бездну

И редкое обращение к вышестоящим товарищам.

И ему кажется,

Что он живёт не в последний раз,

И никого об этом не предупреждает,

И уходит в библиотеку.

+

*я живу быстро
умираю молодой
каждое утро
как дым надо водой
как написал мне когда-то один музыкант и поэт
эту историю ставит поутру сосед*

+

Катулл учит девочку, хочет девочку,
Хочет над мальчиком, пинচারит деточку,
Мочит ласточку, уже не плачет.
Сухую корочку, дробит палочку.
Вообще не думает, что это значит.

Его сексуальность немного печалится
От него отдельно. Он с нею соглашается,
Но не особенно заморачивается.
Он понимает, что стигматизирован.
Ему стыдно, что он муж мёртвой девушки.
Ему кажется, что это крайне значимо.
Но этого никто не замечает.

Его привязанности теперь отличаются
От более-менее общепринятых:
Какие-то случайные девчонки и пидоры,
Амбициозные провинциалы, столичные штучки.
Он бросает родных и отчаливает
В город, где по-прежнему напивается.
Мало об этом задумывается
И не хочет встречаться с себе подобными.

Вопросы интервьюеров его озадачивают.
Он с трудом уворачивается,
Но слово за́ слово.

Его вообще более не волнует истина,
Только экстремальные состояния: см-ть, предательство,
Вопросы стиля, имперские войны, жутковатые путешествия,
Короткие, но действенные, как цикута.
У Катулла, как известно, хуёвое здоровье,
Но это не предмет общественной дискуссии.

И Лесбия! Лесбия! Она является ночами
 Вместе с мёртвым воробышком! Они играют! Целуются!
 Он просыпается от рыданий! Он смотрит на её фотографии
 В Петродворце и Павловском парке; он отворачивается
 К портрету Николы-Угодника.
 Но она так прекрасна, её жесты, как звёзды,
 Её кисти, её щиколотки, её попа; это невыносимо, эта невинность
и это блядство.

Он никогда не видел ничего более совершенного.
 Конечно, в этом месте он всё-таки заморачивается.
 Он продолжает любить мёртвую,
 Не хочет признавать смерти,
 Не хочет в этом признаваться.
 Он живёт в каком-то виртуальном отчаянии,
 В таинственном лесу,
 Где всё ещё возвращается, разворачивается,
 Как вертоград
 Райский.

Товарищи
 Ведут себя так, как будто они — цезарь,
 Плюющий на общественные приличия.
 Они готовы писать эпитафии,
 Строить достойные надгробия,
 Он готов разбить об стенку голову
 (И периодически разбивает),
 Только чтобы этого не было.
 Только бы вернуть живые созвучия,
 Блядскую правду, мучительные многоточия,
 Неправедные
 Бомбардировки городов, где он мог
 Поносить её, как подорванный.

Из истории литературы известно
 Что римский кликуша
 Умер раньше своей голубки
 Какая-то ужасная всё-таки сверху степень отчётливости

✚

Он живёт быстро, умирает молодым.
 Над водою — пули дум-дум, дынц-дынц, дым-дым,
 Лодка уходит в другую страну.
 На щеках мертвеца — индейский грим.
 Поднимите над ним простыню, натяните над ним.

Ибо входит жених выше самых высоких мужей.

Он приснится под утро, он скажет: сбежал.
Знаешь, там был один пацан,
Мы сговорились и подняли, вместе смогли,
Эти доски и гвозди и комья земли.
И никто из свидетелей не отрицал.

Я держал его руку и он мою, знаешь, держал.
И потом доложу:
Я стопу поцелую тому пацану.
Наконец я признаю: Он прав.
Я прошу Его всех друганов: поддержите его, помогите ему,
Я пускай догорит, можжевеловый куст, до корней догорит,
Но найдите дорогу ему.

+

как сухая щепка после молнии, как медленный расовый дуб
как сухие дрова и сухая листва
омертвелое дерево молния в лоб
а была ведь когда-то жива
и вода протекала

это всё не вопросы ума, не предмет мастерства
как сухая игла, как сухая звезда волшебства
среди чёрного света гравёра сухая игла гробовая игла
подними леденелого лба

о, возможна ли женщине мёртвой хвала?
да, конечно, возможна и необходима
чтоб она понимала и там, что любима

+

*а потом я устала всем говорить, что ты умер
по мобильному телефону
твоему с фотографиями
любимых мальчиков и девочек
и я его более не включаю
на звонки более не отвечаю
лежу только и плачу
вниз мордой
цыганской*

+

КАТУЛЛ ПРИТВОРЯЕТСЯ, ЧТО ОН ОРФЕЙ, И СПУСКАЕТСЯ В АД

В сущности, нет никакой преграды
Между миром живых и миром мёртвых.
Это какая-то сильная заморочка,
Что эта преграда есть.

Вспомнить свои сны.
Мать стоит под окном,
Хочет вернуться назад.
Но твоя глупость и страх
Не позволяют ей
Войти в этот дивный дом,
В её отцовский сад,
В сад её мужа,
В её мужской, мужеский сад.
В дом с садом, который
Сажали её мужчины,
Сначала её отец,
Потом её муж, мой отец.

Там есть моё окно.
Оно выходит туда,
Где весной обычно цветёт абрикос
Или под снегом полгода стоит.
Почему-то она
Просит меня впустить,
Как будто сама не могла,
Через моё окно.
Я говорю: входи.
Но ещё не могу понять,
Почему она там стоит
И никак не может войти —
Оттого ли, что умерла?
И я не могу это принять?
И я не могу отворить?
Или думаю, что так и есть,
И ей не надо сюда?
Мне страшно её впустить?
Тогда я была глупа.
Никак не могла решить.
Тогда я не видела призраков дня.
Тогда я не видела призраков ночи.
Только слышала слабые голоса,

Когда отвлекалась в трамвае.
Тогда я не знала, что призраки здесь —
Любимые мёртвые на небесах,
Одни упокоены, другие молчат
Вслепую
И смотрят, как русские после войны,
С большим сожалением, будто больны,
На нас.
Солдаты.
Их дóмы зелёные возле домов
Живых. Мы строили после войны,
Как жатвы. Как жертвы. Как жабры, дышали.
Хотели дышать. Многоэтажные дети страны.
Мы были бессмертны, отважны,
Как русские дирижабли, в будущем сожжены
В высоких слоях атмосферы.
Как страстотерпцы,
Смирившиеся с запахом серы.

✦

В общем, берёшь его/её за руку
И говоришь: пошли.
Я никогда не оставлю тебя.
Я тебя не покину.
Я всегда буду с тобой.
В общем, то же, что и живым.

Там не страшно.
Там только ужасно странно
И легко потеряться.
Это и напрягает.
А они ещё не привыкли.
Поэтому их надо всё время держать,
Всё их первое время,
Типа пуповина,
Когда ты и мать, и детёныш.
Это ужасно тяжёлая работа.
Ты должен быть абсолютно сосредоточен.
Наверное, это немного похоже
На работу диспетчера аэропорта
Во Франкфурте или в Пекине.
Много людей разных национальностей.
Много звуковых дорожек.
Много картинок на мониторе.

Короче, это ужасно ответственно.
К тому же ты ещё и живёшь дикое горе,
Такое горское, архаическое, шахидское,
Но ты его не боишься,
Потому что занят реальной помощью.
Типа 9.11.

Тот, кто умер,
В гораздо большей растерянности, чем ты.
Он, признаться, в серьёзном ахуе.
Твоя задача —
Постоянно находиться на связи.
Говорить, что всё хорошо, что мы справимся,
Мы посадим наш самолёт,
И пассажиры не пострадают.
В это трудно поверить,
Когда ты знаешь эту жалкую обшивку,
Степень износа техники
И распиздяйскую лихость русских пилотов.
Ничего, мы всё равно справимся.
У русской скорой помощи тоже не хватает
Медикаментов и машин,
Но мы-то не можем себе позволить
Работать, как русская скорая помощь, на поражение.
Это финальная игра.
Никакого дополнительного времени.
Никаких пенальти.
Нужно работать очень точно.
Главное — всё время говорить человеку:
Я тебя люблю и никогда не покину.
Но без этого, знаете, сентимента,
Без жалости к себе,
Довольно холодно, с сильной волей.
Отправлять его в то пространство,
Которое ему подобает.
Которое ему принадлежит, но он ещё не готов.
Выше, выше, до самого облака.
Кто хочет — до Рима.
Кто хочет — до русского сада
С лампой и чаем, как попсовый писатель Булгаков.

Кажется, тонкости стиля
Не слишком необходимы
В тамошних обстоятельствах.
Главное — сосредоточиться.

Не отвлекаться.
Тогда проходятся все таможни.
Открываются визы.
Лично вы — нечто вроде консульства.
И дальше не ваше дело,
Как пройдёт путешествие,
Сколько будет стоить экскурсия
И какой звезды достанется отель.
Главное — делать свою работу.
Не заморачиваться.
Как монахи *бардо тёдол*,
Как русские попы
(Они врубаются, несмотря на ужасы
Местной отчётности).

Определённое мужество,
Конечно, потребуется.
Навык устойчивости.
Некоторая начитанность.
Понимание, что нет никакой границы
Между мирами.

‡

coming soon:

«Катулл думает, что он Эдип, и отправляется к психоаналитику»

«Катулл, ровно Кафка, приступает к архивации и путается в показаниях»

П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е

Проза на грани стиха

Олег Юрьев

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТ

ФЕВРАЛЬ В ВИНОГРАДНИКАХ. КОТ ПЕРЕХОДИТ ДОРОГУ

Кто-то с такой силой и равномерностью вкидывает бутылки в контейнер для стеклотары, что кажется, будто рубят стеклянные дрова.

Вдруг замычала корова, как дверь.

Дорогу неторопливо переходит кот с провисшей спиной и задницей, как у коровы. Не уши бы и не хвост, так бы и казался маленькой чёрной коровой.

Голые виноградники в снегу. Сейчас непонятно, что здесь, собственно, выращивается. Судя по концлагерной планировке, колючая проволока.

Из-под снега навстречу коту в ужасе зачмокали птички.

АПРЕЛЬ. НОЧНОЕ МОРЕ ВО ФРАНКФУРТЕ; ОДНОСТОРОННЯЯ УЛИЦА —

как бы продольная половина аллеи. По одну сторону шестиквартирные коробочки с санаторскими лоджиями и маленькие некрасивые виллы; по другую — обрыв.

Вдоль обрыва платаны, до того коротко обрубленные, что, кажется, состоят из одних культей. Крупные культи слегка приподняты (под невидимые костыли), из мелких ещё не проросли зелёные волосы.

По-над обрывом пронзительно-жёлто теснится форзиция поникшая, она же форсайтия повислая, иными необоснованно именуемая японским, прости Господи, дроком.

С обрыва — газоны и клумбы уступами, выщербленные ступени, полуржавые перила. Затхлый, блаженный воздух забытого курорта. И остро чудится — особенно, когда в небе загораются колёса заезжего луна-парка — : там, внизу, за деревьями, должно быть море.

...Совсем уже ночью, когда луна-парк гаснет, ощущение ещё острее: верхняя половина Германии отломилась и куда-то уплыла; подошло холодное, чёрностеклянное море, стоит там внизу, за деревьями — молча покачиваясь, редко поплёскивая, дыша сырой известью...

Конечно, никакого моря тут нет — да и что бы оно, Северное, делало в этом почти южном городе? Хотя... кто сходил вниз и проверял?

СЕРЕДИНА МАЯ, БЕРЕГ МАЙНА, ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПОПОЛУДНИ. НЕЗРИМАЯ БУЗИНА

Река ещё вчера была матовая и местами потёртая — точно бархотка. А сегодня уже солнечно-лаковая (как бы сама собою надраена). Позеленела от деревьев, покраснела от мостов.

Наперез восьмёрке с загребным, привстав, плывёт лебедь.

Всякий удушливый дух благоуханный, преимущественно от клёнов, черёмух, сирени и акаций, соединился с другим, и в результате запахло мочой — то ли кошачьей, то ли ангельской. Так, кажется, пахнет бузина, но как раз бузины-то нигде и не видно.

По набережной:

пирамидки каштанов самосожглись, оставив по себе скелетики из курчавого пепла;

склизкие узкие кожуры акаций упали, будто на дереве кто-то ел баклажаны;

падубы с шипастыми листьями и прессованные тисы как стояли с прошлого лета, так и стоят,

и лишь культы лаокоонов-платанов едва начинают зеленеть — как будто из них вырастают маленькие растрёпанные гнёзда.

Под мостом остановился румынский цыган с аккордеоном, снял чёрную клеёнчатую шляпу и поклонился кладке. Вероятно, здесь и стоит незримая бузина. Цыгане, как известно, поклоняются бузине. А немцы варят из неё чёрное тугое варенье.

ФРАНКФУРТ, СЕРЕДИНА ИЮНЯ, ПОД СТЕНОЙ ЗООПАРКА, ДВА ЧАСА НОЧИ. ПЛАТАНЫ, ИХ ЛУНЫ И СЛАДКО-ПОТНЫЙ ЗАПАХ ЖАСМИНА

...а под стеной зоопарка платаны почему-то не окоротили, они и размахнулись, почти перекрыв улице бледно-лилово-розоватое кисельное небо с выеденной посередке

луной. Зато каждый третий из них обзавёлся внутри себя собственной продолговатой лунной и неподвижно расширяется кверху, дробно и слоисто ею просвеченный.

От одной продолговатой луны к следующей пробирается припадающий на обе ноги человек в золотых шароварах, а его сокращённая тень, то появляясь, то исчезая, бежит по низу стены на манер маленькой чёрной собачки.

Встречные бочком-бочком осторожно-замедленны и погуживают по-итальянски или же по-польски подщёптывают.

Женские лица освещаются из мобильных телефонов и кажутся густо набелёнными. Или даже насинёнными.

И всё потно-сладостно пахнет жасмином, и было неясно, действительно ли это от жасмина, от его круглоугольных соцветий, разваливающихся даже от прохожего взмаха руки, или от сухих и медленных женщин в их невидимых открытых одеждах, идущих под кремлёвской стеной зоопарка навстречу — с круглоугольными лицами, освещёнными из телефонов и исчезающими в бесповоротной тьме за спиной, где платаны, каждый третий из них, принимают их в свой слоистый и дробный, слабеющий книзу свет.

Проехал велосипед, свистя колёсами, как целое дерево птиц.

ЭЛЬЗАС, ВЕРХНЯЯ ОКРАИНА ГОРОДА МЮНСТЕР (ИЛИ МЮНСТЁР), МАНСАРДА ПРЕДПОСЛЕДНЕГО ВВЕРХ ПО ГОРЕ ДОМА, БАЛКОН. ТРИ ЗВУКА НОЧИ И ДВА ЕЁ ВРЕМЕНИ. НЕВИДИМЫЕ ЦЕППЕЛИНЫ

Всю ночь в голове мучительно обращается строчка, мучительно на кого-то похожая: «И по дороге на Париж во сне оцепенели цеппелины», но, как ни выворачивай голову, никаких цеппелинов не видно. Вообще ничего не было видно, даже луны и даже звёзд. Небо чернее гор — в них хотя бы горят какие-то лампы.

Внизу клокотал непрерывно и клёхтал ручей — сквозь ржавую флейту выбежал из хозяйской заруды и сбегал к зданию горной жандармерии со скрещёнными лыжами на гербе. И — иссякая, но не стихая — дальше вниз, в зажатый Вогезами город, где ждала река Фехт, подбрасывающая себя в темноте.

...почему так страшно бывает тиканье цикады — на юге, ночью? Потому ли, что будь цикада часами, как бы скоро прошло время для тех, кто по этим часам жил?

...и лёгкий царапающий скрежет ночной бабочки (жёсткими с исподу крыльями по тёплой извёстке над ухом), он страшен тоже — в её времени один поворот невидимой себе самому головы к невидимому самому себе небу занимает, видимо, вечность...

На невидимом небе проснулись невидимые цеппелины и потекли на север — неслышно отбомбиться по Парижу.

А здесь, под тремя звуками и между двумя страхами, мерно дышало счастье. Пока была ночь.

АВГУСТ 1985 Г., ГАНТИАДИ, НАХАЛОВКА ПОД ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГОЙ, ЗА НЕЙ ДИКИЙ ПЛЯЖ, ПО НЕМУ

грек в зюйдвестке носит катрана «с турецким ртом на животе», как я и написал тогда же стихами с посвящением Б. Ю. Понизовскому, что в приступе мрачности глядел из окна своего сарайчика на зелёное и подпрыгивающее Чёрное море.

Беременные армянки из Ростова провожают маленьких детей таким же взглядом, каким их мужья провожают женщин. И часами ходят вдоль стола, накручивая длинные тонкие кофемолки. Вокруг тёмных худых ног заворачиваются и разворачиваются полы незастёгнутых халатов. Халаты надеты на ночные рубашки из фиолетового шёлка.

...А в колоннадах вокзала толстый милиционер-грузин пьёт горячее пиво и из-под сверкающего козырька презрительно смотрит на горы: оттуда спускаются абхазцы.

Абхазские старухи, завёрнутые в чёрное, неподвижно глядя перед собой, сидят на скамейке, ожидают сухумского поезда. Их йодные руки в простых кольцах неподвижно сложены на коленях.

...Рухнула тьма, встала свежесть. На склонах колхозных гор зашевелились зелёные и голубые пятна. Понизовский очнулся от мрачности и могучими седыми руками разрывает катрана на длинные узкие полосы — до отъезда они будут свисать с крыши и вялиться, неправдоподобно воняя.

Море — невидимое — шипело. Кто-то страшный ходит во тьме под окном Понизовского, скрипит и щёлкает галькой, счастливо смеётся, борочет. Это был я.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Виталий Пуханов

В ПРЕДЛОЖНОМ ПАДЕЖЕ

✚ ✚ ✚

Я Родину люблю,
Наверно, как никто.
Здесь лучший друг
В беде не помогает,
Здесь вечный Пушкин
Говорит не то,
Но конь в пальто
Навстречу выбегает.
Найдёшь в карманах
Спички и табак,
Немного лагерной,
Немного звёздной пыли,
Закуришь на отеческих гробах.
Отец, отец! Мы не поговорили.

✚ ✚ ✚

У бездны той никто не выжил впрок:
Из сладких пут не выбрался Есенин,
Не выдал образованности Блок
И Мандельштам не выманил спасенья.

Разъятая на звуки тишина
Убога, безотраднa. Но однажды
Сияла Блоку полная луна,
А Мандельштаму — чаша жажды.

И все, кто мог мне руку протянуть
Из прошлого, — давно лежат в могиле.

Мне некого любить и обмануть.
А это мы. А это мы и были.

‡ ‡ ‡

Потому, что за всё, что мы есть, полагается смерть,
Потому, что за всё, чем мы живы, заплачено смертью,
Я пребуду вовек, и не нужно в глаза мне смотреть,
Если трусость свою караулю за сломанной дверью.

Нас небесный конвой рассчитает на «раз» и на «два».
Так входили без стука чеченцы на минное поле,
Так на нитке смолёной болталась твоя голова, —
Ты погиб за слова, что однажды не выучил в школе.

Потому, что случилось попасть остриём на струю,
Потому, что в раю говорят по-чеченски, как прежде,
Мы расстанемся здесь и мы будем стоять на краю
У последней надежды, мой друг. До последней надежды.

‡ ‡ ‡

Пусть им жилось тоскливо и натужно,
они погибли весело и дружно —
друзья мои, весенних дней венозных
несносные поэты девяностых.

Их в новый век не взяли никого,
их позабыли всех до одного.
А в чём была их роковая участь,
я не пойму и мучусь, мучусь, мучусь.

Я вижу их — мерещатся порой.
У века за чертой, как за горой,
они сидят. Накрытые поляны,
разложены листы, поэты пьяны,
и кто-то спит, а кто-то говорит,
и голова под утро не болит!
Язык бежит, рука не затекает,
в ней чаша тяжела не усыхает.
Никто не потревожит их полёт,
ну разве только Пушкин забредёт
и Лермонтова тихо почитает.

† † †

В конце концов все умерли однажды,
Кто от любви, кто от смертельной жажды.
А кто устал и умереть не смог,
Поныне проклинаят жизни срок.

В конце концов — а так ли это важно,
Кто от любви, кто от смертельной жажды?
Мы жили здесь, мы умирали здесь...
Как ни крути, а в этом что-то есть.

† † †

Мы в летний лес входили, словно в храм,
А осенью всё превратилось в хлам —
В сухом лесу, на дне опавших листьев,
Где мы лежим и ничего не истим,

И обо всём, что кончилось уже,
Мы говорим в предложном падеже:
О верности, о подвигах, о славе,
О злой земле, смешавшей нас мослами.

Юрий Левинг

НАПРОРОЧЕННЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

НОЧНАЯ ПАНИКА ПЛОВЦА

Евгению Ф.

Он сначала собрал свой рюкзак,
там вместились носки, ножик, бритва
и льняной заскорузлый кисет
с чудной вышивкой на боку,
а потом посмотрел за окно
и добавил ещё тёплый свитер.
Он ступил за порог, ноги вытер
о траву и пошёл за гумно,
а оттуда на мост за реку.
Днём решил ненадолго присесть,
солнце тяжело плыло, точно тыква
по витрине. Он бросил рюкзак

пред собою, в густую траву,
и окинул поляну вокруг
деловито, как будто бы знал
на ней каждый лопух, муравьиные тропы,
сплетенья корней и число колец
на мшистом пне. Во взгляде
читались цифры с клетчатой тетради,
и мысли шпенглера лесного про конец
всего, что связано с Европой,
гудели. Отряхнувшись, встал
и посмотрел на заходящий круг,
точнее, шар горящий, входящий рёбрами в траву.

Как цифра пи, он точен был в движениях,
рассчитан жест и вес в руке взрывчатки.
Он заложил под мост пакеты в двух местах,
подарки Одиссея для Эллады,

мотком колючим обозначив периметр своей свободы.
 И, сняв одежды, прыгнул в никуда.
 Обломки, дым, солёная руда,
 крик пассажиров, обгорелые уроды
 из третьей роты, ничего не надо,
 когда калёной осью протыкают пах,
 по небу медленно летит рука солдатки,
 как у Шагала, вечного движенья

залог — само застывшее видение.
 Полуобмылок-полумесяц освещал
 пловца затылок, лёгшего на курс
 в фарватере своих галлюцинаций,
 в Нью-Йорке падал курс, как куст акаций,
 весь фейерверк был выдумкой пловца...
 Спроси отца, на каждого ли мудреца
 довольно простоты и сложных махинаций.
 У лукоморья стерегущих папарацци
 ешь мёд, пока не затекает в ус,
 плыви, мужайся, плотский Хейердал,
 волну волны секи, волнообразное видение.

ПОЛЁТ ЧЕЛНОКА НА ТКАЦКОМ СТАНКЕ

Чуть блещут ножницы на поясной тесьме,
 У самых молодых усталая походка...

«Парижские работницы»
 Вс. Р-ский

Летит челнок сверкает в темноте
 И шьётся дело
 на станке
 Мотает тело
 в капсуле купе
 и вьётся нить
 в серебряной реке

на подстаканнике спутники
 мельхиоровые афоризмы
 времени социализма
 свернувшегося как ртутинки
 на полу воспалённого детства

Вот невидимкою Ариадна
 в трико гимнастки сбежит

по серому склону
пещеры
миниатюрная ладная
в знойном воздухе сгустком
сотканная атмосферой

Залежалый товар
пей прозрачный отвар
благословим
бронтозавр бронхита
в тщедушной груди
в каждом доме живёт
минотавр
мины ноты твоя таврида

когда ковырялись в грязи
играя в панфиловцев — ковбоев удачи
и кадаврической пляски —
немецкую каску
в окопе на лениградской даче
нашли

В бигуди завита
спасибо — не надо сдачи!
Волнистая ткань судьбы
узором позором ночным дозором
Уколы кока-колы
иглою прошивают
дождичком в бедре

мы засиделись в жизни
наделали пожарищ
чуме пир не товарищ
и вместо осадков в четверг
только *в гостях у сказки*

да напророченные неприятности
сладковатые как восточные пряности

Из цикла «АПОСТРОФЫ»

осколками невроза вроде
порезало как острою осокой
всю память о тебе

и наших отношений холокост
нарвало расторопную строкой

так холостяк в столовой Нагасаки
за несколько минут до облака сансары
жуёт мякину рисового шара

и Эйзенштейн быка ссылает на убой
вращая камеру размноженной рукой

‡

мужиком из кошмара Анны
в рыжем пальто
с соломенным взглядом —
пригорбленный и сумасшедший
набираю вдруг удлинившийся
парсворд в твоё окно
в результате фатальной ошибки
захлопнувшееся навсегда

‡

ты менял имена и никнеймы
ты подчинял адреса
логике рваного паззла
и на анапест кичливый
размеренный амфибрахий

‡

как разлитая цветочная вода
пахнет носоглотка у кота
и бездомные красивые пилоты
бродят вдоль калифорнийского залива
парусы — застенчивые ноты —
размечают водные массивы
неспеша — как будто бы лениво

Михаил Лаптев

НОСОРОГ

† † †

Год истаял, как мыло.
Октябрь западает клавишей «Эрики».
В вечерние окна, как пальцы в перчатку,
суётся Россия.

Она беременна страшным.
Стража!
Психея, извращенка! Пшла к чёрту!..
Нет, останься.

Красно-белый, как цифра «5»,
стоит пакет. Он будет стоять
и когда я умру.

Одеяло откинута, как крышка гроба.
Не ври, Психея, — не моего!
В опустевшем вечернем гардеробе
последней висит моя куртка.

† † †

Щучий Дарий открыл жестяной магазин
под сердитым февральским узлом.
Веским бицепсом взял, а отдал в серый шарк,
в непочатый подстриженный рай.

Полотняный завод — прокурор для ядра,
но на гада и фрак не налез.
Внутри шара безудержно рвётся Улисс,
и Антоний всё с Крассом никак

другаться не могут. Кремнёвый испуг.
Немка-запонка стала сестрой.
Колоссальное счастье — родиться при нём,
даже если с ножом в животе.

† † †

Не пушкой по очкам, а Бендер в Эльсинор.
Когда получишь в пах, научишься акценту.
И низкий потолок — языческий божок,
завещанный потомству.
Рубленая строфа — как пятая графа.
Параграф — чернота конических парадных.
Он — комик у ларька, и стоек дух его,
пока он не уехал.
Есть крысы Пустоты в резиновых стержнях.
Их оловянный взгляд опасен на морозе.
Стеллаж — как листопад, и зеркало — как нож,
и все они — подруги.
Одна — как медсестра, другая — как Кавказ,
а пятая — «Кавказ», а сотая — княгиня.
Отшельник говорит, что всё у нас — дерьмо,
но мне плевать на это.
Громадная дыра в кармане у Творца.
Безумный баронет раскатывает брёвна.
Обвисли на коленях брюки у хрущоб,
и носорог кончает.
Пойми же, наконец: никто и никому
не должен.

Наталья Азарова

КОРНИ В ХЛОП

✦ ✦ ✦

тысячу осеней не было такой осени
жестокие
говорящие об общей воде
дерево анализируя
топором на куски

перед-лицом
сухая кинь
разноцветная

и-нам
на-привязи-у-бора
после власти листвы
о влаге

звеньями
звенеть
привязанности

БЬЕННАЛЕ

полубоги входят через щели на юг
перелетают духи
вырвавшиеся из потрескавшегося беззвучия
залов потрескивающих эскалаторов узких
количеству праздных лиц поднимающихся в сумерки
крест-накрест с небом думы
следуя наверх и наверх минуя
незаметное

ВЕНА И ВЕНЕЦИЯ

звон –
 в хрустальном ночи
 венецианское стекло
 венская венеция
 венский венец
 с венец
 о–т–ве–ны–до–ве–не–ци–и
 ось венцом
 ось венеции
 с л о в ц о м

венское хрустальное бьётся по
 каналам венеции – гондолы
 запущены в вены – доберутся до
 испуганного сердца

ДАДА

звонок:

он выглядел из окна
 и я ещё долго виднелась

потом упрекнуло:

ему боязливо заячьей шкуркой

он говорил сквозь смерть
 он заведом

мне было глупо:

в кои вечность
 мне прозвонил

✚ ✚ ✚

внизу

смеркается до смерти

на расстоянии метра – март

на земле устраиваются на ночлег
мы – устраиваемся на странствие

если необходимо спуститься к
мёртвым на время
то персефой –
 до равноденствия

ХОТЯ ПОХОЖЕ –
Я ОСЕНИЛА МЫСЛЬ

когда досмотрю до этого взгляда – подобен

он повернётся не-твоим лицом

взора нор-вежды севера сколы

стакана разбитого в строгую точку

когда им разлететься некуда – только

приё-мы-мы-ши

✦ ✦ ✦

хризантема
харизма
затем
храм
за-ним
тема:

осмелюсь-ли
выпустить-корни
в
хлор?
 неочищенный
 неосвящённый
хором
не
повторяя
смерть?

+ + +

хуторок духовный
 на ухабах-облаках
 худосочные небожители-духи:
 острым умом если
 по вещам не скользить
 не ходить
 невзначай
 провалишься в дырку
 забывая там
 железные предметы

+ + +

то
 пе-ре-се-ле-нцы
 то
 у-ве-се-ле-нцы

а тут

се-ле-ной
 лу-ной

лень веселиться
 лень переселяться

на ночь
 силы на свечение
 беречь

+ + +

– послушай,
 вчера корявое-в-дереве
 чуть не-до-тянуло-до речи,
 а из-под-нагнутого взгляда
 розовых яблок цветы-на-земле.
 это она подножиями
 опережала
 вершины.
 – а мы запросто разговариваем.

П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е

Проза на грани стиха

Полина Андрукович

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТ

✦ ✦ ✦

путь жертвы сквозь слова о жертве к слову об иной жертве, воздействующей меж нами, как меж разными живущими и ведущими, как воздух действует на нас и на цвет, — путь жертвы начинается в предсветных сумерках, как в компоте, компоте из неизвестных и ненайденных слив, возвращая к логике живого видения, которая не является нам логикой, но словом (?) о дыхании, развлекающим живущего и ведущего. путь ведущий и путь следующий в покое перемешиваются, созидая компот из ненайденных, но сравниваемых с необходимостью самую собою жертв, неловких и не уверенных в необходимости своей, самими собою говорящих мгновение впредь, где слово обозначит наследственный ветер, настроение «лайт» и следствие из жертвы к жертве предыдущей. поднимаясь структурно, обрывается музыка на слове, на слове некотором, сорванном и безыдейном, как будто бы обходимость самую собою и необходимость самую собою были и выражались в образе пустого города, в котором страшно сидеть. гнетущее отсутствие создаваемого пространства, создаваемого ритмом, и отсутствие движения во времени пространства, и также отсутствие создаваемого во времени пространства и отсутствие пространства во времени, выражаемом сладким снегом, — отсутствие пространства успокаивает язык во рту, развлекает его соком граната и предавая его странствием, средства на которое не найдены, — странствие в кредит, странствие в смысле простого дыхания, подсчёта спичек в ближайшем коробке, в смысле простой же капли на периферии, когда цветут мосты, оканчивающиеся живым, и набирают вес, опираясь на свои окончания, замедляя отступление к середине, сравнивая странствие и незнание, приводя к целому воздуха и узнавая нерасторжимое в жертве и жертве, как в непонятном «идут»

✦ ✦ ✦

тоже такие, растворяясь среди почти таких же, все об одном и том же теряют одно и то же в одном и, имея представление об одном все и то же в общем-то, движение и воспоминание о движении, воспоминание поспешное извне и ведущее к головоломным дождям ветра, в общем-то, движение к пище не оставит дождя на ветре и камня на камне от светофора, увенчанного флюгером и, неловко, парусником. туда же и одно об одном отправится простое следствие предмета, привнося значки в поле представлений об

одном, которые не дождутся одно другого и напитаются электричеством, как машины. время блестящих нутрий, живших в большом ящике в Прибалтике, прогрызавших ящик и разбежавшихся по соседним дачам, время поиска нутрий вычеркнуто из моей жизни, как одно об одном, и нутрии — одно, и мысль о времени — одно и воспоминание одно и то же. в норковой, кажется, шубе дама читает книгу с картинками, передвигаясь относительно относительно дождя и выпятив губы, хочется облизнуть её губы, да мало ли что мне хочется.

вполне самостоятельно проезжая мимо травмпункта, перехожу к реалиям повседневности, это значит, что повсюду дни и повторяются тёмные фонари, увенчанные, надеясь, оставлю там, там же, как и одно и то же остаётся меж «каждым» и «желает» латинскими буквами апельсин и кожура апельсина, вполне самостоятельная и повседневная, как и человек. одно и то же человек и человек почти такие же. если будет сделано замечание почти ему же, то тоже нутрия. если в комнате спиной к открытой форточке и смотреть в глубину комнаты, ожидая прерванного пути, то странствие становится или станет потом самим собою, а ты не осмелился радоваться

† † †

и выйти по прошествии лет, криво подписав открытку и не отправив её, точнее, кстати напившись сладкого кофе и расслабившись от Солнца, начать отправлять открытку и не окончить, потому что зайдёт соседский мальчик, оставшийся без ключей и бабушки, и будет хохотать, смотря телевизор, и по его хохоту понять потому, что окончен этот труд, между тем, вспомнить, что сводная сестра недаром же просила перевести «Вспомни» Дассена, который умер, и, когда включает свет, не отправит открытку, оставшись в правилах упоминания, что связывают с верным именем, перечеркнуть подпись в открытке, снова не подписаться, напиток солёного кофе, затеять игру в прятки с Солнцем, выйти из этой игры по прошествии этих лет, потом, на месте оставшись, присобачить к труду мигрень и мирян, качественно отличных и спящих без ночных рубашек, ерундою заняться ещё и ещё и ещё и ещё пережидать солнце, напевая, и выпросить у тётушки в подарок ночную рубашку, чтобы, отметив хохотом и успокоиться в ограничении, поставив «галочку» вместо подписи в открытке, которая называется «С Рождеством Христовым», архаично знать, что в тексте есть и были несколько ошибок, преткнуться о камень без Солнца, выпить холодный чай, не надеяться на открытку, которую отвезёшь сама, без почты.

† † †

а этого фильма сегодня не будет, и сопереживать его отсутствию, прощаясь с собою, приятно. обычные слова приятны, как лёгкое беспокойство о его жизни, о блеске страны, о неуместном развлечении от Ватто или о лёгком флирте с необозначенным, с не обозначенным в программе телевидения, о социальном отсутствии не беспокойся, ибо ты всё равно не узнаешь этот социум, как бы ты себя ни вела; изящные подарки за хорошее поведение и за хорошее время вечерним будут осуждены впервые, и не оторвёшь себя от вечернего, каким бы в социальном плане он ни был. сама разложишь слова на

листе, сами собою разумеются слова, слова о фильме уже окончившемся так, как больше никогда этот фильм не окончится, примешь вечернего за своего и ошибёшься, приписывая ему слова утреннего, а утренний чуть не дотянет до дневного, и в образовавшееся окошко можно будет увидеть завтрашнего, с которым в родственных связях и, пока учишься, смена династий и только истинно ночное беззвучное среднего рода ждут ужинать «антисанитария» и «свобода» — женского

когда обращаешься к опыту, когда нечаянно обращаешься к опыту, вспоминается, как кто-то кто-нибудь посмотрел на пятилетнюю девочку и сказал о ней: «Она родит». я была тою девочкою, ты был тою девочкою, и не хочется гасить свет, подумать только об уникальном грехе, в основном, хранятся фотографии в ящике стола, как только проснёшься, начинаешь флиртовать со врачом, что стилистически неверно и потому грех, говорить о том, что всегда, как врач, как стиль, как защитная доска телёнка, как Другой фильм вместо Того, Которого нет пока что и более никогда не будет, меж «пока что» и «никогда» — завтрашний, про которого о Котором социум знает только то, что он не Тот, и фильм другой, забвенный, сопричастный, некрасивый.

† † †

вмешиваясь ни на каком языке и основании в его фантазию о Нём и о молитве, неприятно смотреть, холодным телом смотреть, сначала он станет, точнее, вылечится, после я вмешаюсь со своей необходимостью ждать, холодным животом примешиваясь к забвению, с рыбой волнуюсь за забвение, свежестью виолончели вычёркивая из забвения некоторых, интересно одетых Волхвами, и вселяясь в остальное. позабавиться позаботиться, позабыть, сбежаться, сойтись, сойти, совместить приятное с неприятным, а полезное с бесполезным, и совместить предчувствие с сиянием, а воспоминание с полезным, но не сойтись, а наполнить, если только исполнить, не вспоминая, — совместить ли неубранную кровать с полезным временем? — выражение о холодном животе более не верно, потому что мы совместили прощание с «не отвлекай» и ещё с прощением живота совместили, позаботимся о его сохранности, позволим себе совместить фантазию его с моею чашкою кофе, — отзовётся, живота не пожалеет, осознается камнем самим собою, кирпичиком, куличиком, уйдёт из городского лексикона, Слово неудачное вычеркнем из забвения, окончится песенкою, смешается с песком и с кофейною гуцею и приятно днём просветится, буквами смешается с полезным, потянется кошкою, финитно и нехорошо нехотя выздоровеет, остановится на Этом, мимо живота пронесёт вилку, ложку, полную необходимого, смешанного с полезным. предназначится к забвению счастья, созерцанием совместится с необходимым и съеденным рыцарем из глины и слюны.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Александр Бараш

НА РАССТОЯНИИ ОДНОЙ СИГАРЕТЫ

НА РАССТОЯНИИ ОДНОЙ СИГАРЕТЫ

Мера пространства: расстояние в одну сигарету

Москва Дорога от школы до метро
между трамвайными путями и оградой парка
Болгарская сигарета примёрзла к губе
В портфеле «Весна в Фиальте» в душе — осень патриарха
Моя будущая жена ещё не ходит в школу
В этот момент она на другом конце Москвы
перевязанная шарфом как коробка с конфетами
съезжает на санках с горки за домом
(спуск к замёрзшему пруду на месте
бывшей усадьбы) Вечером её ждёт
страница из «Мифов Древней Греции» и —
совсем сквозь сон — песенка Новеллы Матвеевой

Похоже

тот мир был переполнен вещами Отчего же
он казался таким убогим?
Может быть дело не в количестве вещей —
а в свободе ими распоряжаться?

Дорога от метро до института:
вдоль ограды Садика Мандельштама
Пачка «Явы» под сердцем в кармане плаща
Как оказалось при погружении обратно — по сторонам
не видно ничего: nothing personal никаких
личных «зацепок» как в траншее — в глубокой
колее «советской интеллигенции» Но стоит
над той жизнью как небо над Москвой —
огромность ожидания эти четыре «О»
Огромность ожидания — суть юности!
Независимо ни от чего (ещё три «о»)

Этот пафос не задушишь не убьёшь
он сам испаряется
Причём почему-то
очень резко и неожиданно

Иерусалим Дорога на машине
от работы до дома: от Русского Подворья
до квартала Тальбийя Сигареллы «Captain Black»
с надписью на боку «Претензии направлять
в г.Мытищи» Четыре светофора одна
опасная колдобина полтора (в среднем) лихача
пара бредущих посередине улицы задумчивых ортодоксов
Луна спящая глаза на иссиня-чёрном фоне
такая же как на занавесе в кукольном театре в детстве
Если не закуривать по новой —
в ноздри ударяет тяжёло-влажный ночной прибой
запахов средиземноморского нагорья

Мера времени: размышление длиной в одну сигарету

Сейчас она тонкая коричневая
с американским табаком подмосковной сборкой
и медовым кончиком

✦ ✦ ✦

Извив шеи чуть ниже уха,
внутренняя сторона ляжки под ягодицей —
места обоюдного влажного трения, если
желание осуществится. Косящий взгляд,
выдох углом рта, как будто
мы уже глядим и дышим:
я в подушку, она в потолок — — —

Я думал о ней, подходя к зданию,
где мы должны были встретиться
на литературном вечере. В прошлый раз
сказали несколько слов. Сегодня
должно быть продолжение. Голова
кружится от желания. Влюблённость
контролируема, напомнил
внутренний голос. Ну да,
а любовь — вроде алкоголизма.

На вечере её не было, потом
она тоже нигде не появилась.
Нет ничего человечнее
ощущения упущенной. Мутное
прошлое — то же, что туманное
будущее. Когда рассеивается
пар от нашего дыхания, остаётся
недо-умение, недоразумение —
квинтэссенция того, что было,
или не было,
неважно.

Нет, ещё кое-что.
Извив шеи чуть ниже уха,
внутренняя сторона ляжки под ягодницей — — —

Максим Горелик

БЕЗ НУЖДЫ, БЕЗ ЦЕЛИ

✚ ✚ ✚

Если не полениться и подсчитать,
на Чистые пруды
выходит всего триста окон.
Триста окон на многомиллионную Москву.
Путешествуя по Крыму, замечаешь,
что понятие «вид на море»
постепенно становится
литературной абстракцией.
Местные жители бегут воды,
оставляя береговую полосу
разномастным санаториям и пансионатам.
Пожалуй, настоящий вид на море
есть только у Ивана Константиновича Айвазовского в Феодосии
и у Макса Волошина в Коктебеле.

✚ ✚ ✚

В Кривом Роге,
известном своей промышленностью
и в первую очередь Криворожсталью,
в мае, как нигде,
пахнет черёмухой и сиренью.
Любой путешественник,
оказавшийся там,
неприменно обратил бы на это внимание.
Тем не менее, до сих пор
я не встречал в литературе
упоминания о таком простом факте.
Будто я первый человек,

побывавший в Кривом Роге
без нужды, без цели.

✦ ✦ ✦

Я приехал в Кировоград
и едва не попал под град.
Это правда.
Так было на самом деле.
А рифма вообще очень редкая гостья в моих текстах.

Повторяю: я приехал в Кировоград
и едва не попал под град.
Я укрылся от него на вокзале
(буфетчица то и дело выглядывала в окно и охала),
а потом в самых неожиданных местах
натыкался на горки льдинок.
Меньше всего на свете
я хочу кого бы то ни было развеселить.
Я абсолютно серьёзен.
Как этот лёд.

Виктор Полещук

НО ЗАГАДКА ОСТАЛАСЬ

ДРУГОЙ ЛИК

Снился мне сон
Фёдора Михайловича расстреляли
нет Преступления и наказания
нет Идиота
нет Братьев Карамазовых
нет Бесов революции
Пророк не только предсказывает будущее
он формирует его
Нарочный с помилованием опоздал
и Достоевского расстреляли
Каких великих откровений
лишилось человечество!
Сколько страданий
миновало его!
Христос тихо прошёл по Земле
Великий Инквизитор без лишнего шума
взял власть над миром
все сыты все довольны

Снился мне сон
Фёдор Михайлович воскрес
Что делать? — бежала к нему
с криками толпа
Он сквозь обритое лицо
тихо улыбался
и говорил:
Мы воскресаем в другом лике
теперь я простой фрезеровщик
завода Уралэлектромотор
Что делать? — кричала толпа
Точить деталь, — отвечал он

НО ЗАГАДКА ОСТАЛАСЬ

Объявился в Святогорском монастыре монах Пафнутий
вроде слышит Пушкина

Поэты ждали рекомендаций
по рифме метафоре
в крайнем случае
об анжамбемане
но монах
транслировал совсем другое

«Вам желательно подлечить
правую почку»
«Вы поезжайте к тётё
в Красноярский край»
«А у вас высокое давление
больше употребляйте в пищу гречку»

Сам Пафнутий ничего не мог
объяснить:
слышу и всё
в связи с каждым приезжающим
Однако стихотворец из Тамбова
высказал предположение
что послушник
угадывает какие-то знаки
на надгробии великого поэта

Его коллега из Воронежа
предложил более дерзкую гипотезу:
«Россия переживает трудные времена
и возможно Пушкин
из дальнего космоса
переместился в ближний
для оказания помощи
всем нам
отрок попросту читает
его импульсы»

Но единого мнения не было

Либеральная пресса как всегда
попыталась подвергнуть этот факт осмеянию
появились традиционные заметки
о рептильной православной церкви

тем не менее
когда критик Фогелев
желая убедиться лично
что же происходит
приехал в Святогорье
Пафнутий посоветовал ему
отправиться в Оренбург
где он найдёт в архивах
важные для себя документы

Так и произошло

Критики приумолкли

Впрочем вскоре дар отшельника угас
то ли от чрезмерного напряжения
то ли от излишнего наплыва посетителей
он стал запинаться
а потом и вовсе умолк

Но загадка осталась
что же было на самом деле:
улавливал ли он импульсы из космоса
или читал знаки на надгробии?

Те 64 счастливица
которым было передано
(в основном посланцы Нечерноземья)
повели себя по-разному:
один отпустил бороду
другой запил от радости
третий написал специальный труд по вопросам деревообработки
четвёртый ходивший прежде в грязных ботинках
и грызший ногти
принял благородные манеры
пятый отдался служению Богу
шестой расписался неожиданно талантливо
седьмой пошёл в егеря
Единой доминанты поведения не было
да и ожидать её было трудно

Тюменская писательская организация
благо край богат нефтью
выделила послушнику
специальную денежную премию
но Пафнутий как и подобает монаху
перевёл её в фонд монастыря

Валерий Нугатов

НЕЛЕГАЛЫ

MIDDLE CLASS HEROES

родиться в интеллигентной столичной семье
закончить престижную спецшколу с гуманитарным уклоном
с детства вращаться в кругу одарённых умных блестящих людей
рано проявить способности к языкам рисованию музыке математике
и компьютерной грамоте
читать интересные новые прогрессивные радикальные книги
всерьёз и надолго влюбиться в поэзию
поступить в мгу
проучиться шесть лет в мгу
окончить с отличием мгу
по окончании мгу устроиться на приличную высокооплачиваемую
перспективную работу
дизайнером в дизайн-студию
журналистом в гляцевый журнал
редактором в издательский дом
или на центральный телеканал
иметь многочисленных друзей
родившихся в интеллигентных столичных семьях
учившихся в престижных спецшколах
с отличием окончивших мгу
устроившихся на приличную высокооплачиваемую перспективную работу
иметь многокомнатную квартиру в москве
иметь умную очаровательную жену из хорошей интеллигентной
столичной семьи
иметь умных талантливых развитых и милых детей
много путешествовать
отдыхать в гоа и таиланде
успешно продвигаться по службе
уверенно занимая руководящие должности в дизайн-студии
гляцевом журнале
издательском доме
на центральном телеканале

любить радикальную музыку
актуальное искусство
авторское кино
современную литературу
следить за арт-новинками
попутно писать стихи
публиковать их в прогрессивных изданиях
получать за них престижные премии
всячески преуспевать в жизни

выключив свет
стоять поздним вечером в офисе у окна
смотреть в окно на широкий ночной проспект
в разноцветных плывущих бесшумными стайками огоньках
на проспект в огоньках
бесшумно смываемых неслышным дождём
смотреть и вполголоса приговаривать:

о такой жизни можно только мечтать
мне чертовски повезло в этой жизни
я счастливчик
избранник
баловень судьбы
я родился в столичной семье
окончил престижный вуз
имею прекрасную работу
имею семью и детей
неплохо разбираюсь в современном искусстве
пишу замечательные стихи
всё именно так как должно быть
у меня есть всё необходимое
я всё получил сполна
я живу полной жизнью
я готов просто плакать от счастья

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

порой охватывает
необъяснимое желание
высказать свою гражданскую позицию
в поэтической форме
проще говоря
создать образец
гражданской лирики
взять какую-нибудь животрепещущую актуальную общественную тему
и совершить с ней акт гражданского мужества

взять например тему войны в чечне
 и ненавязчиво обличить её беспринципных разжигателей
 или скажем раскрыть тему беслана и погибших там детей
 раскрыть спокойно твёрдо и мужественно
 но чтобы у каждого пробежал мороз по коже
 для этой цели с успехом подошла бы также тема
 атомной подводной лодки курск
 затонувшей вместе со всем своим экипажем
 или тема трагедии на дубровке
 широко известной также под названием норд-ост
 можно затронуть и тему гомосексуальных меньшинств
 на которые ополчились развращённые и коррумпированные функционеры
 русской православной церкви —
 грозного символа махровой реакции и воинствующего мракобесия
 или тему малых народов и народностей
 (некоторые из них довольно-таки велики)
 ласково именуемых нерусью
 и жестоко притесняемых великодержавным кровожадным уицраором

тем великое множество
 и каждый день жизнь подбрасывает всё новые и всё более острые
 словно бы проверяя на наличие чёткой гражданской позиции
 словно провоцируя на прямое и нелицеприятное высказывание
 без обиняков и по существу вопроса
 бросая вызов и тестируя на широту взглядов
 выявляя зашоренность косность отсталость реакционность

после того как выскажешь таким образом свою гражданскую позицию
 в поэтической форме
 обычно наступает спокойствие
 и приходит удовлетворение
 усиленное чувством выполненного гражданского долга
 сердце переполняет скромная гордость
 за собственную гражданскую смелость
 которая ещё больше облагораживает душу и помыслы
 и будит желание повторить свой поступок в будущем
 высказавшись ещё прямее мужественнее и острее

НЕЛЕГАЛЫ

встанем пораньше
 возьмём сачки
 сети силки
 багры гарпуны
 крючки удочки

наживки блесны
автоматы калашникова
наденем каски
камуфляжные куртки
бронезилеты
кирзовые сапоги
и пойдём защищать родину
айда ловить нелегалов

эти сволочи прячутся по углам
забуриваются в щёлки
шныряют под половицами
таятся на дне водоёмов

нелегалы ходят стаями
на них можно устроить облаву
и повязать всех скопом
но всё равно какой-нибудь гад да уйдёт
тут ухо держи востро
высматривай да приноживайся
а не то проскользнут сквозь пальцы

вот один затаился сука за плинтусом
думает авось не заметят
держит нас за лохов
да не на тех напал
а мы его хватъ за шкирочку
ну и где твоя блядь регистрация
ёбаный ты нелегал
ходи-ка сюда
в наш трофейный ягдташ

все-все-все щёлочки обсмотреть
все-все-все трещинки и зазорчики
все-все-все выбоинки и колдобинки
все-все-все хуйнюшечки и поеботинки
зачистим братцы нахуй родную страну
родное блядь наше отечество
чтоб привольно нам в нём жилось
елось еблось и спалось
в прекрасном нашем отечестве

луга-то у нас заливные
поля-то у нас расписные
леса-то у нас непроходимые
вера-то у нас православная
столица у нас город москва

Н А О Д И Н В Д О Х

Миниатюры

Владимир Герцик

ХАЙКУ

† † †

Тёмная бронза
Крон, подсвеченных снизу.
Поворот во мрак.

† † †

Трагическое
Мировосприятие —
На любителя.

† † †

Бледные листья
За ночь одели крыши
Автомобилей.

† † †

А та сказочка
Теперь, когда я большой,
Почти не страшна.

† † †

И знать не хочу
О смерти. После кино
Мы идём домой.

Константин Карабчиев

ХАЙКУ

МУЗЕЙ

богиня.
в профиль
не фотографировать

✦ ✦ ✦

не прощаясь.
по-английски
с едва уловимым акцентом.

ДЛЯ ОБЫЧНОГО ЛЕТА НУЖНО

звезда
и хотя бы один оборот
вокруг

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

чужой ребёнок пробежал
мимо
с игрушечной саблей

ПОЛОСА

перед взлётом
слышу шёпот
пассажира сзади

ЭСКАЛАТОР

эта пара целуется
слишком долго

† † †

друг за другом
в одинаковых пальто
не привлекая внимания

О Т К У Д А П О В Е Я Л О

Русская поэтическая регионалистика

ХАРЬКОВ

Илья Риссенберг

СМИРЕНИЕ

Незыблемым путём по опыту зла
Забыла оселок учёбы лилово
Излитая, чья школа — вся ли прошла? —
Просила у доски: дай, гроб, себе слово!

Хранительница скрость, которая из
Совпавших прилежаньем слюбится камню,
По краю, по углу учила карниз,
Пока не истерплю последнюю каплю.

На чемере и номер чёрных времён
Начертан, как семёрка: вынесла с ринга
Страна ниспроверженья враний урон
На виях, как на вежах строгая стренга.

Яковых высот на яростных сто
У краюшка шагов — шахтёр и доярка —
У кровушки широт, страна моя, что
Твой циркуль-человек, шагающий якорь.

У неба для земли низложенных семь
Словечий не гневят над свитками смуту:
Осины ли, сетчатки лишняя сень —
И всейность бытия вот в эту минуту.

✚ ✚ ✚

Не утопленных в центральном отопленье вечеров,
Но прохладю омытых духоплавающих утр
Предписал иглой по копоти

Твой первичный аппарат по-человечьи речевой,
Обретаемых утратой, мой отменный штукатур
Утр, — мне сколько ещё, Г-споди?

Не вселенная в реснице, но в синели бахрома
Старогрезящей обыги, образующей крушье
Озареньем брезга резкого, —
Человека с мухомором уравнила бухтарма, —
Обретаемых утратой взяв покой, фоторужье
Вздоить копией — да не с кого.

Боркать городу баклуши, горе ясное лохтать
Утром, вёчера дороже, неоплатный аппетит
Рёбер — больно не парабола:
Прахом ношенная плахта, под лихтариком тахта —
В путь-дорожку до крылечка, тикр-чьё-крылышко-коптит,
Предписал строптивым правила.

Сколько раз уже случилось, что сквозьвечно истеку,
И застенчивость взаплатку оплатила тишине
Инзистентное пророчество:
Ух ты, много как кукушки, миг чекушки начеку —
Только неньке бы на жизнь, да только так, на смерть бы мне —
Окончательного творчества!

✦ ✦ ✦

Ладонь ребром адамовым, аукается лоно
Вселенной, и в салонное окно
На лунный свет в надуманном конце аукциона
О жизнесмерти выставлен блокнот.

И, созерцательной решётке снегоносных веток,
На противостоящей мне стене
Взросло число оранжевых, полнотревожных клеток
Примером бдений, предстоящих мне.

И вышел вопрошающий обычного, чьей ранью
Отрешена высокая цена
За, всё же, чем живёте вы за азбучною гранью
За смертным Тем, Кем держится стена!?

А силы уж бездонные — эх, вырвать мне кузло бы
У эр, кудермы, грома, сатаны —
Отбоя милосердного и правосудной злобы,
Буй-кровенька, над нами взнесены.

Нина Виноградова

+ + +

Ни Бурделя тебе, ни Майоля.
Кондукторша прёт, давит деньги —
засеять своё биополе
рыхлым светом осенним.

Равновесия массы и веса
мало кто достигает.
Нужен небесный слесарь,
чтоб затянуть контргайку
молнии и металла,
Эх, раззудись плечо!
Звонко жирафа встала,
носорог вздохнул горячо.
Кит плывёт, наливаются бабы,
мощна корпорация Крупп!
Леда прячет озябшие лапы.
Лапы краснее губ.

+ + +

Что за прелесть эта мама!
После мыла, после ванны!
С маленькой седой бородкой,
на головке — папилютки.
Взгляда режущий алмаз
препарирует явленья,
упрекает: мало-де
наварили впрок варенья,
засолили огурцов,
насушили сельдерея.
Ей, глухой, шлёт письмецо
слабовидящая Гея.

+ + +

Не знаю, как назвать. Гальванопластика?
Сниманье фаски? Сахарный песок
просыпался из классика. Фантазия
природы
припудрила натруженный висок

гуляки-автора. Изодран пёсьей лапой
 подол мороза. Слюни и укусы.
 Седая, толстая Ахматова сама бы
 играла и текла, как нитка бус
 меж пальцами кудрявого поэта.
 Но холод, няня! Времени фреза.
 Назвать «Метафорой» привязанного пса
 и никому не говорить об этом.

✦ ✦ ✦

В ушке игольном скопилась влага.
 Латает Ленский свой снежный саван.
 Поэт ленив. Всё отложит до завтра.
 А послезавтра — некому плакать.

Сыплет ольха молоко сухое,
 мелкие буквы летят на мох.
 Берёза толстой белой ногою
 торит дорогу домой:
 к печёной картошке и пьющей старушке,
 к чистому тому. Пиши, не мешкай,
 стишки своей краснощёкой подружке.
 Стежок за стежком на саване снежном.

✦ ✦ ✦

Суоми сами месили землю.
 Лепили пленных, потом отпускали
 и создавали большие семьи,
 зёрна капели в горсть собирали,
 резали лёд, нянчили Нобеля
 (отсюда его нелюбовь к математике),
 стреляли в глаз белки, в сердце соболя,
 из мягкого неба лили солдатиков.
 Сумма явлений разных рядов,
 Тёплая тьма топей и глин,
 Мёртвые растут Земли остов.
 Ветер — один.

✦ ✦ ✦

Где взять такую волю?
 Нежность и свободу?

Когда я — каменяка. Даже не в лесу,
 где папоротник,
 птицы и зверушки,
 а в городе — кузина кирпича,
 племянница бетонные панели,
 гарант доходов участкового врача.
 Я — камень в почке тучного апреля.
 Я — точка в формуле октанового бреда,
 мазочек охры на холсте у реалиста
 Веласкеса: ему сдавалась Бреда,
 инфанты упревали в кринолинах,
 камнями расшитых,
 зрел гранат,
 стекала тёплая вода по пальцам.
 Всем спасибо.

Анастасия Афанасьева

А БЫЛО ЛИ ПЁРЫШКО

Во что превращается пёрышко,
 если его
 помещают
 на смоляное поле?
 А было ли пёрышко, — усмехается Оля,
 пробуя носком чёрный
 раскалённый асфальт
 Воздух натянут от облаков до земли
 колеблется изредка
 громадный прозрачный парус

А было ли пёрышко
 А была ли Оля

✚

У цветка походка легка
 У кого ещё
 У точного стрелка, у тающего снеговика
 У паутичатого воздушного старика
 семенящего за хлебом из своего уголка
 У персикового ребёнка
 знающего: вот мамина рука
 Даже у утопленника
 плывущего по течению
 дальше и дальше отсюда

ближе и ближе к туда
 речная походка легка
 с ним — вода
 Тёмно-синяя она, тёмно-синяя
 в чёрных лёгких
 вода
 Великаны еле-еле идут
 не помнят своего имени
 своего места и сетуют:
 Зачем мы тут
 Кто мы тут
 Надолго мы тут
 Где вообще это тут
 Что нам за это дадут
 Наше место не тут

‡

А были ли великаны, цветы, стрелки,
 дети, снеговики, старики?
 Воздух колышется раскалённый
 Асфальтовые поля
 Оля берёт мелки
 Рисует пёрышки
 Еле дышит

Изображение дрожит

‡ ‡ ‡

Мальчики воровали кукурузу с чужого поля
 Вовке попали остроконечным камнем в висок
 Тут же начались сопли и горе
 Вовка сбежал домой, спрятал голову в песок
 Через час вернулся: повязка на голове
 Немного просочилось в области раны
 Дворовая модель, красавец, пират
 Вовку сделали капитаном
 Капитаном чего — непонятно, просто капитаном
 А девочка в соседнем подъезде с температурой сорок
 С тяжёлым гриппом лежала и видела, что
 Вода разливается по телу, по потолку, по всему дому
 Капитан старается, но вода неумолимо больше его
 Глубже его, тяжелее его
 И корабль идёт на дно
 Несмотря ни на что

† † †

Когда под диафрагмой течёт вода —
Кто диафрагма: рыба или беда?
Если она рыба или раба,
То это с ней как, навсегда?
Если вода выливается через рот,
Кто этот рот: рупор или молчун?
Если он рупор или топор,
То может ли сказать: «Не хочу»
Когда вода разольётся до звёздных высот,
Затопит соседку Машу и Вашингтон
Утонет ли тот,
Из-под сердца чьего
Потоп начало берёт?
«Хых», — отвечает всезнающая сова
И утекает вон.

† † †

А звон как будто трамвайный или монетный
Распускается где-то
Слышишь? Это просто в ушах звенит
Словно магнитом притянуто за уши лето
Несоответствие это
В сосудистом ползанье
Чувствует каждый эритроцит
Что это: виброзвонок или бур или рокот
Грома —
Не разобрать
Просто звенит в ушах
Отзываются в окнах
Стол, монитор, человек, книжные полки, кровать
В этой комнате рыхлой и детской
В этом звоне ушном
Различить бы хоть что-то
Раздеться
Переодеться
И вызвенеть вон

† † †

Маленькие кадры, вырывающиеся из темноты
Кроты: Рыть бы да рыть

Раскрывать рты
 Закрывать рты
 В недрах присутствующей немоты
 Человек стоит и машет бутылкой минеральной воды
 Это человек, по колено в воде, машет бутылкой минеральной воды
 Над головой стелется дым
 В голове кажется дом
 Из пластиковых бутылок получают удачные поплавки
 Из дыма — кружкí и правдоподобные фигурки
 Из головы — неведомо что, ибо
 Была ли она — не знаю: всё сказки да суета
 А про воду знаю: она и поныне то тут, то там

✦ ✦ ✦

Машенька переходила через дорогу, а там
 Медвежья берлога —
 Машенька шаг в сторону — берлога за ней,
 Ни вправо, ни влево пройти не даёт.
 Машенька простудилась и заболела
 Практически не ощущала тела
 Пыталась войти в берлогу
 Берлога отступала на шаг
 Маша практически перестала дышать
 Сморщилась и поседела
 Всё это время Машенька пела
 Пела
 Пела
 Пела

Ирина Евса

✦ ✦ ✦

В затерянном селе среди марусь и галь,
 с молочных вод реки взимая карасями,
 так тихо ты живёшь, залётный нахтигаль,
 последний самурай из фильма Куросавы.

И, вёслами плеща под гулкое «ку-ку»,
 нечаянно спугнув эскадру диких уток,
 пытаешься достать рассветную строку,
 неясную, как всё в такое время суток.

Здесь дров не наломал рачительный прогресс,
ну, может быть, слегка варяги наследили.
И если я тебе отправлю SMS,
оно не долетит, свернув на середине

реки в мои края, в приморский городок,
где воздух, словно сыр, солоноват и плотен;
где вялится катран и жарится хот-дог,
и пресная попса гремит из подворотен.

Ты — царь. Живи один, заботу о душе
окучивая, как любовью, кому за сорок, —
покуда под челном, застрявшим в камыше,
качаются лещи на призрачных рессорах,

покуда вспять летит опасный мой посыл,
что ни прямая нам не в помощь, ни кривая...
Но всё-таки, зачем ты Господа просил,
чтоб пальцы разжимал, даря или давая?

‡ ‡ ‡

Обломался карниз, отвалилась извёстка,
мусор — всё, что вчера накопал.
Видно, ангел-хранитель отстал у киоска,
затерялся, забрёл в луна-парк.

Заплатив киоскёру значенной медью
от нечастых хозяйских щедрот,
он карманы набил упоительной снедью
и клубничными жвачками рот.

И пока ты, наклюкавшись до оборзенья,
манускрипты сжигаешь, вандал,
он вращается на колесе обозренья,
словно век высоты не видал.

У него от восторга мурашки по коже
пробегают стихом тропаря.
И плащами, как венецианские дожи,
под ногами шуршат тополя.

Он хрустит леденцами, забыв про указы.
И ему, дурачку, невдомёк,
что небесный патруль поджидает у кассы,
где струится осенний дымок,

что уже дальнорзоркий архангел на вышке
прикоснулся губами к трубе...
А иначе бы ни за какие коврижки
он не стал торопиться к тебе.

Станислав Минаков

† † †

Катафалк не хочет — по дороге, где лежат гвоздики на снегу.
...Рассказал профессор Ольдерогге — то, что повторить я не смогу,
про миры иные, золотые, — без придумок и без заковык.
Пшикайте, патроны холостые! Что — миры? Я к здешнему привык.

Катафалк, железная утроба, дверцей кожу пальцев холодит.
А внутри его, бледна, у гроба моя мама бедная сидит.

Этот гроб красивый, красно-чёрный, я с сестрицей Лилей выбирал.
В нём, упёрши в смерть висок точёный, батя мой лежит — что адмирал.

Он торжествен, словно на параде, будто службу нужную несёт.
Был он слеп, но нынче, Бога ради, прозревая, видит всех и всё.

Я плечом толкаю железяку: не идёт, не катит — не хочет.
Голова вмещает новость всяку, да не всяку — сердце уместит.

Хорошо на Ячевском бугрище, где берёзы с елями гудут!
Ищем — что? Зачем по свету рыщем? Положи меня, сыночек, тут!

Через сорок лет и мне бы здесь лечь, где лежит фамилия моя.
Буду тих — как Тихон Алексеич с Александром Тихонычем — я.

А пока — гребу ногой по снегу, и слеза летит на белый путь.
Подтолкнёшь и ты мою телегу — только сын и сможет подтолкнуть.

† † †

«Моя ягодка, — пишет она ему, — сладкий мой виноград», —
мужику седоватому лет сорока шести.
Изо всех когда-либо к нему обращённых тирад
эту — уж точно — тяжело всего снести.

Сорок тыщ километров длится меридиан,
отсекая меж ними пятидесятью часть.

Сердце сжимается, старче, но не ложись на диван,
наглядишься на экран монитора всласть,

где мерцает — со спутника сброшенная строка.
Посмотри хорошенько: может, её и нет?
...Отомри, не стой, как безмозглый братан сурка,
на бутане столбом. Это и есть internet.

Но виртуальны не были — набережная, река,
аттракцион — обозрения синее колесо,
солончатые плечи, бережная рука
и на подушке млечной откинутае лицо.

Вновь перечтёшь, и тотчас вспомнится наугад —
месячной давности — видимый как сквозь сад —
непостижимо сладкий, сладостный виноград —
в пальцах её на клавишах, десять секунд назад.

Чем же дотянешься, «ягодка», до лядвей её, ланит?
Стисни колени крепче, уйми этот жар планет.
Чего тебе надобно, старче? Пространство тебя — хранит.
Буквы займут вакансию. Это и есть internet.

Юрий Цаплин

✦ ✦ ✦

В спальных районах пустоты и пустыри —
напоминанье, что важно не кто ты, а что́ внутри,
обоснованье, что мы не в городе, а в степи: чьи-то взрослые дети,
десять минут не из тьмы, а на ярком свете
попробуй расти, как деревья, сгорев, растут —
вырублен сад, но листочки висят, — так и все, так и тут.

✦ ✦ ✦

весь день читал сайты с компроматом на политических лидеров
а под вечер вышел к метро где ларьки и собаки шаурма пьянь мелкий песок
тропинок пыльное стекло грязный бетон и где каждую ночь
жгут мусор в железном баке но никому и в голову
не приходит оштрафовать запретить отчистить вымыть убрать
никому такому никому из тех кому мы платим за это
мусор вероятно из летних кафе хотя уже октябрь заморозки
или вообще никому, и потому

ни на песке ни в траве его не становится меньше
 магазины трамваи пеньки вонь шелест смрад
 и думаешь: гарлем — как думал уже не раз но гарлем
 поди давно фешенебельный район — там, где нас нет
 всё так быстро меняется — да и здесь, если судить по ценам
 двадцать за однокомнатную? тридцать? под тышу уе за квадратный метр
 вполне фешенебельно да и весь этот культурный слой
 это ведь всё пакеты бутылки обёртки от еды и питья
 развлечений лекарств по рецептам и без
 голова заболевает с третьего вдоха
 сизый липнувший дым опускается в переход
 продавщица холодных арбузов старая куртка сырое
 вязанье фары спицы в неблизком уличном свете
 никого, как кипарисы скорбны ночью твои тополя
 никого, мир не без хороших людей
 никого, тишина в его гостевой
 никого, нет уже никаких ни идей и ни сил
 но ни бумажки не поднял и ни о чём не просил

✦ ✦ ✦

*героизм — это перетерпеть
 головную боль без таблетки
 не вместо зверя
 но вместе с ним
 жить одним
 из себя незаметным
 ходить, не читая вывесок*

царства наследник и почвы выползок
 скромн почто и поёшь на выселках?

снег ли тебе не краток? град ли бежать не прыток?
 дождь стучит напоследок
 переносная палатка
 полна самоходных улиток
 и влажноногих как девы
 сладко им там, не сладко?
 ветка скрипит как ветка
 эволюционного древа
 качается — на ней два адама и ева
 совокупаются справа и тут же слева
 брови не щипаны, три пиджака на меху
 (важное дело для тех, кто на самом верху)
 ветка рассыплется, всё прекратится в труху

*героизм — это быть никем
но потому только
что для таких как мы и слов-то ещё не выдумали
потому что таких и не видывали
ни наяву ни на видео
или видели, но забыли
(или видели, но молчали)*

*героизм — это не танцевать у причала
а по новому городу в тёплом и ярком гулять
вспоминая, что будет, но не забывая начала
и пытаясь понять то, что можно понять*

камня преемник, деревьев сын
всё, что собрал, положи на весы
видишь докуда, оставь отметку
на память о предке
другому предку

† † †

род истончается, как ручей
лаврентий родил фёдора
фёдор родил якова
яков родил юрия
юрий родил алексея
алексей родил владимира
владимир родил меня)
а мой ребёнок — уже ничей
прядь пережгли — и остыло тепло огня
но всё же
и всё же
важно
мы тоже были
любы
(если нелюбы нелюди,
любы любые)
или «а если бы», чтобы
словно весь куст загорелся в полёте
(в огоньках новогодних гирлянд —
из плоти во плоть: во плоть из плоти

† † †

жизнь коротка, а музыки так мало
достойной исполняться в голове

есть песенки четыре, три, нет, две
или одна, но я забыл начало

хожу, не обесточен, по степи
мычу, но не подхватывает эхо
душа тревожится и горлышко сипит:
борис гребенщик
ов? эдита пьеха?

блажен, кто мы, но голова пуста:
жизнь коротка, и музыки так мало
куда ни плюнь — покой и красота
(зима и снег), но мир забыл начало

Константин Беляев

Из «ЗАКЛЯТИЙ»

✚

Еврейка, выдь на свет и пой лучу — оставь меня, убогого чухонца... Гляди, что вытворяют дети солнца там, у костра, — я тоже так хочу... Ликуй, исайя-дэвица, о ком не ведают наклонные к беседе под пиво с кровью жуткие соседи: димитрий-с-ножичком, гагарин-со-шнурком... Ты видишь: здесь ни слёз, ни темноты, ни бедного невежества былого... Шеол! Но — совлеки его покровы — кто крикнет мне оттуда? Ты. Ты. Ты

✚

Скатясь по лестнице причин под грохоты державной жести, очнись у ног больших мужчин, не связанных долгами чести, — им, прозакладывавшим слух под брань Арея и Беллоны, не внове съединиться в круг, отстав от пятыя колонны. Хотел всё знать? Спроси певцов вдрызг расхуяченной твердыни, что было сброшено с весов и что не совершилось ныне... Не трись. Ты не умрёшь за так. Ты застрахован пятикратно. Allons, душа! влачи свой стяг отсюда в вечность — и обратно

Олег Петров

✚ ✚ ✚

Дм. Дедюлину

После гостя на пороге чудится,
как в земле его двойник ворочается,

сыплет венчик бирюзой янтарною
по лицу с побегом полумесяца.

В жидких окнах шарящим прожектором
твой плавник изодранный высвечивается,
бирюзовым соком наливаемый,
сам плывёт во тьме необретаемой.

Стоя на плацу, себя ударной
вызывай частицей и волной
из высокой бездны, благодарной
тем, что вдруг раскрылась за спиной.

† † †

То жива девица, то младенец,
никогда уснувший под стеной.
Ночь и ночь в окно стучит эсминец,
выбивая позывной.

Холод сам, и с моря, и с небесной —
в три весла гремющий бой чудесный
проплывает. Подожди,
за которой струп лежит безвестный
с сердцем вдоль небыющей груди.

Два дыханья, но одна притравка,
чтоб реле замкнуть, переключив,
жизнь болтается, как ставка
на двоих единая в ночи.

И такое ставят изголовье,
что, с лица подзольный мир сведя,
то одна, как зверь, себя завоюет,
то другое встанет, как дитя.

ОРИОН

Или может быть...

Н. Гумилёв

Человек встаёт простым винтом,
руки плеч размазаны крестом,

третий глаз сверкает мирабелю, —
се, продукт готов к употребленью.

Злой язык о нём поведать хочет,
как его сосуд древесный точит,
и течёт нагая квадратура
по устах полмёртвого скульптура.

Кто, герой, найдёт ему слова?
Помнит только лес, а в нём тайга,
а в тайге условный знак летает, —
помнит знак, но вряд ли разгадает.

Этот знак гласит в своём ключе,
что скрывал охотник на плече,
и в пространстве лицевая точка
из-за чёрного всплыла веночка.

На её-то холод огнеструнный
мчат и гибнут поезда в пути,
чтобы, милая, в тот лес чугунный
нам с тобой поехать и пойти.

Дмитрий Дедюлин

† † †

путает он случайных кошек
обещали столько хорошего ему
а ему прикольно
народ сердобольный придёт
дабы тесниться вокруг его кровати
слезами умыться
а ведь может быть всё это снится
в его рукаве синица
оловянный солдат в кулаке
пустоголовая птица

† † †

в божьей жёлтой квартире жаворонок летает и поёт
горит выключенный свет
а кто активный отдых преподаёт?
прости, прости унылое создание

над нами неба нет давно
он грустно замерзает
 зяблик милый

✚ ✚ ✚

карманный ангел полуночью разъят
луна колеблется как занавеска из тюля
вот это пустынный ад
а ласточкины гнёзда как вагины развоплотившихся кариатид
а жизнь — волшебная ошибка
 алый сок
скажи мне, жидкая субстанция, ты чья?

И КАЖЕТСЯ ТЫ УДИВЛЯЕШЬ НЕБО

и птицы чёртовы как ангелы растут
кричат как будто ночью разбудили их
офелии средь лилий заблудились
и их возьми себе за труд бесспорный
сочти за правило прискорбное
на улицу где шёл когда ты тут
по тротуару скользкому или
наждачной мостовой
кормилица с ребёнком умирают немедля
а птицы страшные на пустырях цветут

✚ ✚ ✚

когда идёшь средь улиц бесполезных
 или когда домой куда опасно
ведь там не ты
там словно одолжение
стоит во тьме
 как чайник твой двойник
тогда ты знай ты будешь будто месса или
место пустое свят и невредим а
 без движения
там место отражения
 где ты
а в темноте как чайник
пар коварный

† † †

и падая как ангел во плоти
увидю злобу главное не тут
а поручня литого не найти
вот лилии как ангелы цветут

падём
с тобой
в любимый
лунный сад
а там запомним как не виноват
я дверь несю
зане тяжёлый млат
ах лилии как ангелы в лесу

† † †

когда твоя казна пуста как остров безнадёжный
и ты как ангел-охранитель мечтаешь о своём
тогда мы с тобою
будто остов мамонта найдём
и посвятим ему труды и неги
словно в утешенье размышляя во сне о снах грядущих
и зачем ночуем

ПОЖАЛУЙ

Пожалуйста не надо нас будить
Мы будем тихо засыпать
И бедно-худо мы поедем на машине
В далёкий край где соловьи поют
И западни неловки
И может быть всё это лишь мечта
Держащаяся с цепкостью разлук
За ворот пальта твоего
Или за полу его
На вешалке висящего безумно
а мгlistых а замшелых облаков
не разгадать как в сказке
так и надо

АНГЕЛ УТОМЛЁННЫЙ

Куда спешишь как ангел окрылённый
Тая свою печаль
И умеряя прям тоску как чужую
А кровь она стучит в виски как маятник
Как память об обидах давних
И памятник сучит конечностями
На вязком постаменте
Ты умираешь умилённый

✦ ✦ ✦

Арсению Ровинскому

ты сам свой высший суд
я им доволен ли
взыскательный художник
а если б было бы возможно
я вышел бы на улицу
где яркий щебет
как в небе голубом
играет будто бы резвится
склонённых ниц
их розовеют лица
то ангелы в лесу
иль дети заблудились
и что же мне желать
а что же делать
и как мне их найти
не знаю
ты сам свой вешний суд
и куст малины ли рябины
их солнце чёрное на празднике несу

✦ ✦ ✦

суки и пидарасы долго стояли в одетом лесу
и я никого не обую и не снесу
самое гибкое солнце мне не укажет путь
медные протуберанцы и колокольчик лгут
и я спускаюсь со всеми в этот подземный Аид
смотреть как уходит время и вялые дни бегут
Мойры, седые Мойры, развяжите мой узелок

Я же уже умираю и сгораю как тень
А поглядим во мрак

✚ ✚ ✚

мутáбор, жёлтая стрела
как нежный странник Узала
Дерсу в лесу из могикан последний
а ни кола
не то что в дневнике
а звёздные глаза куда заманят?
и роты красное «ура» нас не заставит оглянуться
и если б только бы проснуться
лети утёнок туалетный
мой ангел стирает длани

СТЕКЛЯННАЯ ВОДА

а тихий ангел тихо пролетел
вотще он в небесах чертил крылом
один среди эфирных лунных тел
играл наверно таниным мячом

но в общем-то вообще-то ни о чём
как будто ангел ветер типа пел
я прятался как ангел за плечом
но ничего заметить не успел

но я кричу ему постой куда
зачем ты вырыл месяц и луну
а в небе ах смеялись провода
мне кажется что я иду ко дну

пожалуйста возьми меня туда
а я как светлый месяц утону

Антонина Семенец

✚ ✚ ✚

Прячешь засосы под воротником
Медного таза —
И голову в песок,

И всё такое.
А Дюймовочка собирается
На свидание робко
Из презерватива в
Резиновой маске.
А сердце бьётся
Жуком в спичечной коробке.

† † †

Ты не в количестве сегодня:
Убили рыбу об лёд —
Сдали нормативы.
Тяжело дышать
Жабрами в песке.

† † †

Дали дуба в дом сумасшедших.
А ты боялся меняться со мной
Сединой. Не пригодится.
Словно пионерка
Резала подругу,
Думала об амбициях:
Постирать школьную форму,
Повесить сушиться
Спущенной со спиц петлёй.

† † †

Таня больше не будет кривоного плакать:
В гости атомную бомбу приволочёт.
Проявила волосы вместо плёнки
И фотографии распечатала:
Эволюция, вся эволюция Дарвина.
Не более.
Уже там её щёки ожогом
Были припудрены.

† † †

Будто я опечатана,
А глаза ещё до конца года

Прележат. Не беспокойся.
 Боюсь, камень из почек достанешь,
 Шандарахнешь по голове.
 Голую галопом по Европам
 Разжимают, и
 Никто не смотрит,
 Даже рыбы уплывают на юг.
 Их глаза ничем не пахнут.

✦ ✦ ✦

Взгляд яблочный
 По ценам ниже рыночных
 Вполне весенний
 Наружу кружится голова
 И стоит стороной
 А там только радуга будет
 Волновать и поседеет
 Подсмотрю это
 Как порно
 Мой мужчина намылился
 И раздвоился

✦ ✦ ✦

Будьте моим мужем
 Котом в мешке
 Баба из тополиного
 Пуха в тени собачки
 С поджатыми губами
 Грудной ребёнок
 Наощупь находит
 Мои мешки
 Под глазами

✦ ✦ ✦

Словно область сердца
 Ждёт попутного тела
 Тепла твоих губ необрезанных
 Демисезонных
 Уходишь разницей ноги
 От размера обуви

Ахиллесовой пятой
Идут к телу
Идут в прямой эфир

✚ ✚ ✚

Приходи без тапок и без причин
С бисером под глазами.
Буду ждать душа в душу
Сквозь зубы,
На которую-то и
Губы не найдёшь
Нужного размера.
Пошли говорить и промахнулись.
Выходя из меня,
Будешь тратить свой воздух
На воздушные поцелуи.

✚ ✚ ✚

Мальчики-амфибии
С ампутированными
Золотыми ручками-
Плавничками
Живут в стаканчике
Для бритья
Приходи — буду накладывать
Твою тень над глазами
Буду бабочкой-богомолом
Я разобью свою голову
В Винни пух:
С мурашками по
Всему телу похож
На газированного мальчика

✚ ✚ ✚

Легко поцелуи робота ранят:
Ржавчина-ржавчина.
В складочках — уже совсем
Книжка с непрошеными
Гостями вместо
Лирических-героических героев.

+

«тот кто так подумает — осёл»
 дети помогли слепому встать
 и навести на меня палку

(онявад ёва ижэнигжари
 огиао эж эни)

+

длинноногий вуайер становится на задние лапы
 ну а чё там может быть?
 котлованный грунт
 крупная такая штукovina с грохотом забивает сваи
 работы в очереди стоят чтобы прикоснуться к импортному рельсоукладчику
 хуйнуть пять кило раствора
 и прижаться ладонью к жёлтой бормочущей поверхности

(вгггт ячвгэиштгоо зи члунгчяв эн олоенин)

+

его губы покрыты слизью
 частью превратились в слизь
 пока мы искали чем отблагодарить рыбака
 Гэнкору извлекал крючок

(лжпгёгяч олунигидявакв ан кзиштвггтогмгэв жингчлгж)

+

Токива расцепила густые волосы
 кольца перестали соскальзывать с её пальцев

(гпнажиггэв-енигпнж)

+

не вставая
 погасил светильник

(рука показалась длгннигт)

+

потерянная заколка
должно быть
тут

(аптекарская чистоплотность входит в мою привычку))

Людоголош в вишвов вкнчопеи олокарскеи члсохс(о)

+

ну ты не пей
солёная
хочешь я тебе мандаринку дам?

+

собирайся
птичку фотографировать пойдём
завтрак я понесу в футболке

+

нечто сказкообразное
про мышку деревце слона поросёнка аиста
но тогда лучше конь вместо поросёнка

(скука тоже аффект))

¿эсв как яптиш эн ячл лумьш(п)

+

(члелелл иимин с ошь оюеи эн витвнш
ишкямн ои)

+

или два пловца
тащат деревянный плотик

(улшвишьсь своеи находчивости)

+

как они облизывают
кристаллы соли

(члеллшк ош-ошь ишльб ичншлшлщ ино он)

✚

потом дядю
иногда встречаю
ещё раз
о нём подумать

()

✚

когда вы увидите
что он коснулся L4B (сигнальный) в свою очередь
нажимаете тут и тут
как договорились

(включили котённый)

✚

во все стороны летят
металлические опилки

(еёзап
иетподи
хичнягивитэш вожь её)

✚

ага! кирпичного формата
плюмбину
одной рукой не поднять

(мне тринадцать))

чтатдандяль мо четрнадцатъ
нам с Adidas`ом дембелъ
(Писья старше всех он дембелъ)

✚

переулок «ступенчатый»

(имамот`у джэв ежнэеел
и) правда

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

ПЕРЕВОДЫ

Михал Айваз

Из книги УБИЙСТВО В ОТЕЛЕ «ИНТЕРКОНТИНЕНТАЛЬ»

ГОРОД

Пять тысяч лет назад тут стоял город,
с пирамидами из золота
вдоль влтавских берегов.
Потом то, что было сметено варварскими племенами,
заросло дремучим лесом. Сохранилось лишь несколько памятников.
В букинисте иногда находим книгу,
написанную странными знаками, напоминающими паутинку.
Иногда, в уже осенние вечера на склоне лета,
а также в мгновения той стеклянной пустоты,
которая простирается за отчаянием,
нам кажется, что тексты понимаем.
На страницу падает свет из сада, колеблются тени листьев:
это песни богов с тигриными головами.
Однако наследие уничтоженного города не исчезло.
Оно живёт не на окраинах, как можно было бы подумать,
но в самом центре нашей жизни:
старые обряды выжили и превратились
в самоочевидность привычки, происхождение которой никого не интересует.
Например, сама композиция Праги повторяет
план исчезнувшего города.
Ось Староместская площадь — Гавелский рынок — Вацлавская площадь
является путём старинной культовой процессии
от священной рощи у реки
к храму Матери богов, который стоял на месте нынешнего Народного музея
(и был на него своим видом даже несколько похож).
Этот священный путь окаймляли мраморные и золотые сфинксы.
На месте университетской библиотеки была пещера,
в которой хранились свитки с песнями,
воспевающими эпизоды великой теомахии,
которая должна в конце мира разрешиться
космической битвой объединённых сил огня с силами льда

на Драконьем поле (т. е. на нынешней Староместской площади). Да и название пивной «У золотого тигра» пришло из тех времён и связано с культовой статуей, которая тут почиталась. В её раскалённую утробу бросали жертвенных детей, подобно тому, как это было в Карфагене; уже тогда при обрядах тут подавался хмельной напиток, возможно, родственный индийской коме. Само слово «Прага» происходит из первоначального языка и означает, по-видимому, колодец, посвящённый демону Агу. Находился он, вероятно, на месте нынешнего Унгельта. (Интересно, что и по сей день тут происходят научно необъяснимые явления: останавливаются электронные часы и самопроизвольно открываются бутылки с газировкой.) Королевский клад, говорят, при падении города удалось сохранить. Передавали его из поколения в поколение в роду верховных жрецов. Некоторые люди уверены, что это продолжается до сих пор. До сих пор, мол, среди нас живут потомки исконных обитателей, молятся перед крошечными алтарями, скрытыми в тёмном углу за телевизором, и ждут возвращения своих богов. Я искал клад более двадцати лет. Другие создавали семьи и делали карьеру, я искал королевский клад города, разрушенного пять тысяч лет назад. Из безвременья семидесятых помню только отрывочные и болезненные картины своих походов за кладом: жестокий свет ночных трамваев, лестницы, чужие квартиры, окно пивной, мерцающее сквозь снежную вьюгу. Наконец, я сдался и перестал думать о кладе, но однажды, после какой-то безотрадной пьянки, я оказался в квартире студентки экономического факультета, с которой познакомился в этот вечер в ресторации «У принца» за пьяными дебатами о философии Ладислава Климы, и когда я ночью искал дверь в сортир, то вошёл в комнату, полную золотых статуй птиц, тигров и фантастических божеств. И, пока я изумлённо стоял на пороге, повесила девушка мне на шею тяжёлую золотую цепь с драгоценным камнем и сказала: «Будешь верховным жрецом Матери богов. Папа всему тебя научит. Он уже старый, ему нужен помощник и наследник. Твоё имя будет Моараг, то есть Изумрудное Агово крыло. Будем молиться Ибогам, которые ушли, чтобы скорее возвратились в свою столицу».

СИРАКУЗЫ

Иногда мы случайно встречаемся:
мы, жившие при сиракузском дворе
философы, звездочёты и архитекторы.
Встречаемся в пивной на конечной трамвая,
в ночном поезде,
в дурно пахнущем закутке набережной под дугой моста.
Иногда друг другу просто молча улыбаемся.
(«Что это за человек?» — спрашивают жёны. «Так, один знакомый».)
Наши семьи о Сиракузах ничего не знают,
княжеские декреты заботливо заперты
в потаённом ящике письменного стола.)
Иногда мы останавливаемся и разговариваем
о своих новых теориях, чертим схемки
спичкой, зонтиком по грязи или
пальцем на крышке стола, залитой пивом.
Потом идём снова каждый своей дорогой.
Адресами и телефонными номерами не обмениваемся.
О Сиракузах никогда не разговариваем,
не вспоминаем продолжавшийся годы праздник
в белом дворце над морем.
И даже не беседуем о тех мыслях,
которыми тогда жили.
По правде говоря, мы уже их забыли.
Мысли живут лишь недолгое время после рождения,
потом умирают (без того, чтобы кто-нибудь это заметил).
Консервированные идеи не слишком вкусная пища.
Самое интересное — это зародыши мыслей, ростки,
пока ещё не полностью отделившиеся от почвы
виденного, слышанного и того, к чему прикасались,
пока ещё пропитанные её вкусом и её запахами,
растут мысли, пока в них слышен
голос демонов места,
поющих о древней тайне.
Хранение мыслей бессмысленно.
А вот что имеет смысл, так это поток,
из которого мысли выкристаллизовываются,
словно ледяные фигуры на ветвях кустов,
склоняющихся над зимним ручьём.
Этот поток нас несёт постоянно
и протекает настоящими, как время, местами.
Во дворике загородной пивной, заросшем крапивой, поют напившиеся.
Сиракузы здесь.
Варвары, которые свергли сиракузский двор,

до сих пор полные ненависти, а быть может, и страха,
уверены, что мы думаем только о том,
как снова овладеть властью в Сиракузах.
Это нас просто смешит.

Сколько ещё времени пройдёт, прежде чем начнут разыскивать наши книги
и размышлять над сложными схемами на пожелтевших страницах?

Сны побеждённого — начинка дел победителя.

Но когда сиракузский двор станут возрождать
(а делать это будут те, кто его уничтожил),
на этом празднике нас не будет.

Сиракузы входят в легенды,
часто, когда мы сидим в углу пивной над кружкой пива,
слышим, как приглушённым голосом рассказывают предания,
и в них звучат наши искажённые имена.

Действительность же была ещё фантастичнее. Мы разговаривали
с животными и чудовищами.

Мы тихо улыбаемся.

Жужжат мухи, и неторопливо течёт время,
забытое время настоящего, полное тайны и мифов,
солнечный свет на стене ползёт по плакату
с обнажённой женщиной, опирающейся на сияющий «Форд»,
возле неумелого изображения мужчины с топором в голове.
Слышен грохот грузовиков на шоссе.

Мы знаем и воспоминания, и боль,
но и воспоминания, и отчаяние есть части настоящего,
они вытканы на гобелене
этого дня. Только настоящее волшебю.

ТУРИСТЫ

В моей последней квартире часто бывало так,
что, когда я просыпался утром,
в помещении находилась туристическая группа.
Молодая девушка-экскурсовод показывала туристам предметы на полках:
китайские статуэтки, коробочки из-под чая и стеклянные шары,
демонстрировала им содержимое выдвижных ящиков,
пускала по рукам редкие издания из моей библиотеки.
Всему давала профессиональные объяснения.
Туристы осматривали мой скарб, как средневековые пыточные устройства,
и всё фотографировали и ощупывали.
Дети носились по помещению. Было слышно:
«Тут можно купить открытку с видом?»
«Мне хочется пisać».
«Не трогай это, грязнуля, это бяка!»

На меня, к счастью, не слишком обращали внимание,
 лишь иногда утомлённый пожилой турист садился
 на край постели, где я лежал,
 и тяжело переводил дух.
 Такие вещи происходили постоянно.
 В другой квартире со мной жила дикая свинья,
 а ещё в одной ночью через спальню проезжал международный экспресс.
 Я быстро привык и к этому, но до сих пор вспоминаю
 ужас первой ночи, когда меня разбудил
 адский грохот и кружение огней.
 Хуже было, когда у меня на ночь оставалась дама.
 Правда, однако, некоторых женщин это возбуждало,
 и они хотели заниматься любовью под звуки ужасного грома,
 в апокалиптических роях искр.
 Теперь, когда я живу в лесах, и город
 для меня — лишь полоска мерцающих огней,
 прерываемая тёмными стволами,
 на которые я смотрю, когда засыпаю
 на куче мокрых листьев, я уже знаю,
 что надо принять и приветствовать чужака,
 научиться любить шакалов, пробегающих через комнату,
 больших животных, живущих в шкафах, их протяжное ночное пение,
 сонных сфинксов послеобеденных диванов.
 Чья ладонь никогда не натыкалась в глубине платяного шкафа,
 за обвислыми пальто, на влажную шерсть неизвестного зверя?
 Ни одно помещение не заперто,
 ни одно пространство нам не подвластно.
 Пространства принадлежат чудищам и сфинксам.
 Мы поступим лучше всего, если (*cuius regio...*)
 приспособимся к их привычкам, их стародавнему распорядку
 и будем вести себя скромно и тихо. Мы гости.
 Вести себя тихо, примириться с тихой землёй.
 Этой осенью
 через прихожую потянулись дикие племена.

ПОДЗЕМНАЯ РЕКА

Вертикальная организация стихотворения обманчива.
 На самом деле каждая строка является частью
 длинного горизонтального текста,
 который на мгновение показывается, проходя по странице,
 словно подземная река, вытекающая на поверхность, а затем исчезающая
 в песке. Белая бумага за последней написанной строчкой
 ещё незримо выдыхает заметённые слова (скорее даже

только их запах), порой выступает
из белой пустоты фрагмент фразы, неясное изображение,
словно галлюцинация полярника на снежной равнине.
Это сонные образы порта с кишасшей толпой на молу,
образы джунглей, где над развалинами храма восходит красное солнце,
а в его лучах блестят покрытые росой статуи из золота, кричат птицы.
Сможем ли мы пройти по исчезающим следам строки?
Не утонем ли в белой странице,
отважimsя ли оставить безопасный берег типографской черноты?
Похоже, если не прислушаемся к сообщениям чистой страницы,
то не поймём смысла напечатанных слов.
Смысл слов напоён соками целого, расстелившегося
до дикого леса, до побережья. Океан близко.
А когда окажетесь на конце строки,
забудьте глупую привычку возвращаться к началу следующей,
но идите дальше, переступите, наконец, границы.
Не бойтесь заблудиться в саду зреющих образов.
И когда-нибудь достигнете конца пути, серебряной решётки:
она вас терпеливо ждёт уже много лет.

ЛЁД

Среди ночи меня разбудила подружка; прижалась ко мне:
«Смотри, уже пришёл лёд». В открытых дверях в прихожую
бледно светился ледник.
Я слышал после обеда в кофейне
какие-то разговоры, что ледник опять приближается
коридорами и каменными лестницами,
но я не обратил на это внимания —
в кофейнях ходят всякие слухи:
о волшебной пагоде на какой-то либеньской улице,
о появлении нового народа на чердаках
виноградских домов, о ночных лекциях на философском факультете
на тему феноменологии колыхания белых занавесок в пустых комнатах.
Где я буду жить, — подумал я, прежде чем опять уснул, —
когда моя квартира зарастёт льдом.
Буду жить в чужих квартирах, где библиотеки полны плохих книг
и где стол будет стоять, расставив ноги, как насуспенное животное,
где в узорах обоев буду видеть скалящиеся лица,
мои путанные строки замечает снег,
с ледника льётся в сон синеватый свет.

Перевела с чешского Елена Лагутина

Тревор Джойс

НЕ ЖДИ НИЧЕГО ИНОГО

ХОЛОДНОЕ БЛЮДО*

Во храмлющий Млечный путь залегло ожаделое солнце,
 как мёд застыло в жёстком гребне сот,
 дом и планета, дерево, зябнувший *F. peregrinus*
 — всё подлежавшее — сопогребенно,
 окоченело, кончено, дым звёзд, и всё.
 Жар августа, геометрия танца, наливывы
 увяданья паденья: всё цело в медленных сахарах;
 так, он восседает в пыли и держит
 вестигии, меморандумы свите, которое войско
 господствует над их током живого
 серебра орошённой ночью.
 Этими мерами метил во время и скорбь.
 Откормлены киноварью, ровни его потели
 блестящей смертью, себе перелили жилы породы.
 В заморожённом замке внезапного белого камня
 убранный суверен не выходит из оборота.

СЛУЧАИ В КЛОХРО, ГРАФСТВО КОРК

Высоки высоки и живучи
 иные вещи длятся
 так долго что
 падают на землю
 с отчётливым ударом

когда странникам
 отказали в хлебе
 уходя они посадили камень

* В Древнем Китае среди императоров и придворных существовала традиция принимать внутрь золото и ртуть, чтобы достичь бессмертия. — *Прим. автора.*

на каждый подоконник
а на заре другие
увидели что дом

ушёл на добрых
три фута
в земную рябь

иные надёжные вещи
вполне пропадают
раньше чем даже мгновенная ночь

находит их
достоверные
прочные разряженные
оживающие длящиеся
вровень

† † †

нашли
ведёрко
слёз

теперь допытываются
чьё

кто ропщет
так
на свой
срок

нет нужды
-де
не теперь

откуда же это
рыдание
бесхозное
беззадачное
бесперспективное
откуда эти слёзы?

† † †

чрезмерное зрение
сделало
из глаз её
молоко

белей
яйца

мягче
туч

грезят
ей
по лицу

у венеры
-де жопа
соломенная была

холодные звёзды
сипят
у фронтона

не уходи

† † †

пощупайте
плотнозернистую
ручку
этого
молотка-гвоздодёра

льнёт
к хватке
как котёнок

но бес-
тревожно

ваши руки
будут рады

покупайте также
наши овальные
проволочные
гвозди

загоняйте
поглубже
в проточную воду

† † †

увы слишком
поздно кто-то
сложил пальцы
сделал резкий жест

брань
гораздо раньше
прекратилась

в то же время
кто-то
разбил пахталку

сетования
тщетны

кризиса
нет
перемены
не созревает

† † †

туловище
конечность
отходят
сновидя
сквозь населённое
время

острое
муштрует руку

слепящее
кругозор

оступился?

ничего

научит
камень

выбранит
пожар

пожурит
язык

напомнит
поднятый кулак

поди покажи
бабушке
куклу

‡ ‡ ‡

случается
глаза ещё
способны
периодически
моргать

раз да два
нет слёзы
не в счёт

может ли
ещё возжаждать
предложить
наслаждение
рот?
возмутиться
нос?

чем фантомное сердце
болит?

† † †

императорские
двойники бывали
последовательно
убиты

затем
он сам

отсюда
стратегема

нынешний
наш император
избран
тайно

не оповестили
и лучших

сработало

в неизвестности
где-то
живёт

не осведомлён
что он
бог

† † †

искатели
клада устали

искусный
их драгоман
вызвал из ничего
город
подкрепиться

потом
исчез его — пэф!

продолжили
поиск

мы
не зная
договорённости ждём
за стойкой
новых
клиентов

заходите!

✦ ✦ ✦

испаряются
ледовитые реки

бездействие дюн
иллюзорно

кто-то
находит засохшие
брёвна
городов обнажённых
коварным
дрейфом

всплывает
один забытый
текст

раньше чем он
лопнет в голос
чёрная
буря
сотрёт

Перевела с английского Ника Скандиака

Деннис Нёркси

КОСМИЧЕСКАЯ СВАДЬБА

КОШАЧИЙ ГЛАЗ

Отец помахал на прощанье
я не махнул в ответ,
боялся выронить мой
новенький мраморный шарик

Полоска света в нём
сверкала и вилась
как язычок пламени
колеблющийся под ветром

Той ночью мама
растолкала меня
прошептав он умер
он умер, он умер
словно мы учили слова
и я ответил: он умер.

Даже во сне
я не разжал рук

КАК МЫ СТАЛИ СВЕТОМ

Такие жалкие посетители
со своими тяжёлыми сумками,
с громоздкими шляпами на головах,
а ведь здесь нет времён года;
они мечутся от поста к посту
с такими нелепыми вопросами —
даже мы, больные, смеёмся.

Такие прекрасные медсёстры
заполняют какой-то бланк,
одна с начала, другая последнюю страницу,
и говорят о Бон Джови;
и доктора, они рядышком моют руки,
обсуждая самого лучшего доктора.

В наибольшем почёте санитары,
прибывшие из заморских стран,
чтобы везти нас по коридорам
туда, где нам всё проверят,
где мы обретём в итоге
своё настоящее место,
где мы наблюдать перестанем
и станем самую сутью,
плотью и кровью, преображённой
в отметки на лучистой шкале

ВРЕМЯ НА ОСТРОВЕ

1

Расскажи, что с тобой сделала тюрьма.

Первую ночь
они развлекались с парнем
в соседней камере.

Девять воришек пыхтели
в такой тесноте, шевельнуться
негде, порой один
пихал другого и извинялся, —
сосед отчаянно рыдал,
я слушал только его голос.

Я думал, как увижу тебя.
Я вернусь, и мы поженимся.

К рассвету всё стихло.
Только тот парень всхлипывал,
как ребёнок, потерявший игрушку,
тихо и, казалось, с наслаждением,
тяжело дыша и икая.
И тогда я сквозь прутья
шикнул на него — и замер.

Я думал, что всегда буду любить тебя.

2

Как ты вышел?

В 4 утра нас собрали в школе.
Положили лицом на кухонный стол.
Один одевался, другой раздевался.
Магнитофон начальника тюрьмы
наигрывал тихую песню.

Иногда звучали имена.

Нам выдали наши вещи
в прозрачных пакетах
и картонные бирки
для центра по трудоустройству.
Или это они в шутку?

Мне вернули моё дело.
Измятые листы
в пятнах от ксерокса;
твоё имя и даты
всех посещений.

Ребёнка тоже вписали
узкими синими буквами
с аккуратными ненужными завитками.
Я всё это порвал.

На поезде я вернулся
к себе в Бруклин —
полоски света скользили
по бегущей назад
Марси Авеню.

Ты ждала, я тебя заснял.

3

Там-то всё было проще —
страдать, есть жёсткое мясо,
подчиняться, когда старший
требует секса или сигарету.

Всё равно что падать
без надежды упасть.

Я пытался вообразить, будто
я просто парень на белом
свете, наедине с изумлённой
мордой того мужика, чей карман
я разрезал своим лезвием,
но не мог: ведь я рассказывал
совсем другую историю,
чтобы удержать твоё внимание
и потом наконец заняться любовью
под шум дождя.

А я думал, ты вернёшься домой.

ПОЭТЫ ПРИ ДВОРЕ КАЛИГУЛЫ

Мы охрипли, рассуждая
о том, что движет убийцами,
порой приглашающими нас
возглашать стихи у них на пиру, —

и наши голоса дрожат от старости,
словно только что
в отрочестве сломались, —

но мы ещё узнаём друг друга
среди придворных шлюх,
мы поздравляем друг друга,
что выжили на очередной грязной войне,
лепечем о мщении и мародёрстве,

пока пьяные центурионы ревут
от восторга: стриптизёрша
сразу выходит голой.

HALF MOON LOUNGE*

Мне выбили зуб
в кровавой драке.
Мёрфи ли это был
или его сводный брат Катлер?

Мы потом искали его
среди обёрток от жвачки,

* Half Moon Lounge (англ. «Полумесяц») — известный бар в Амстердаме. — *Прим. пер.*

скатанных в плотные шарики —
небось кто-то нервничал,
пока ждал подружку.

Я нашёл две одинаковые пуговицы,
а Мёрфи — юбилейные десять центов
и сказал, что они стоят кучу денег.
Я надеялся, что это он сгоряча,
но он сунул их в карман, реально счастливый.

Светало, и на бармене
была такая ковбойская шляпа,
что состарила бы и ребёнка.

СЕНАТ ТИБЕРИЯ

По Тациту

Фабий Секст отхлебнул из раковины.
И пока цикута разливалась по его телу,
он шагнул на трибуну и обратил к нам
речь, полную вымученного красноречия,
коснеющим языком критикуя
проект ирригации в бассейне Арно.
Замечания были профессиональные —
площадь затопления, негодность известняка;
потом пошла брань в адрес конкретных лиц.
Мог бы подумать и о последствиях:
остаётся его племянница,
и поскольку девственниц не казнят —
центурионы сперва её изнасилуют.
Но тон его был таким ровным,
мы и не отрывались от игры в кости,
пока свиток не выпал из его рук —
он повалился лицом вниз, —
в наступившей тишине
мы слышали то же, что всегда
в этом зале, не слушая, не вникая:
невнятный смех где-то в казармах,
быстрый топоток на мраморной лестнице,
и как раб сколачивает распятие,
и как разносчики на улице торгуют
бюстами Августа и неразбавленным вином.

КОСМИЧЕСКАЯ СВАДЬБА

1

Наш корабль взорвался
между Альфой Центавра
и Вторым Квадрантом
но мы не могли умереть
потому что мы украли
скрижали бога:

и мы уплывали
всё дальше в будущее
просто вперёд всем телом
и когда мы занимались сексом

мы чувствовали что распляем себя:
здесь в ледяной галактике
где огромные массы вещества
начинают медленно вращаться

мы оделись в халаты
из ночного неба

2

Инопланетянин заточил меня
в этой лунной капсуле
которая была просто мыслью
обо мне он кормил меня
едой на мой вкус
и воссоединил меня
с тем кого я любила:

необычное испытание
здесь во Втором Квадранте
в радиотени Спика
где тяготение времени
вытягивает сны из спящего разума:

горестный плен —
обнажённой на мчащемся камне.

3

Мы строили роботов которые строили роботов
у которых ничего не осталось от наших сомнений,
нашей усталости, нашей ревности,
нашего стремления к Альфе, покою, небытию...

Они обеспечили наше долгое бегство,
эти машины, выглядящие точь-в-точь
как открывалки или выносные моторы,
но с виноватым видом, как у мужа,
и застывшим взглядом, как у бога.

4

В одной звёздной системе
мы любили друг друга,
на Веге началась война,
мы смотрели на схлёстывающиеся огни,
и тишина тянула из нас все соки.

5

Из пыли и влаги
мы создали двух любовников,
зажёгших для мира огонь.

Перевёл с английского Валерий Леденёв

А Т М О С Ф Е Р Н Ы Й Ф Р О Н Т

СТАТЬИ

Александр Скидан

СИЛЬНЕЕ УРАНА

Ксения три дня отлежала на гробе,
Встала сильнее урана.

Елена Фанайлова

I

Около года назад произошло событие, заставившее меня по-новому посмотреть на некоторые вещи в себе и окрест. Михаил Юдсон и покойный Александр Гольдштейн прислали мне в рамках проекта «Взгляд свободного художника» ряд вопросов на предмет современной поэзии (и прозы тоже)¹. В завершение они просили назвать «наиболее интересных вам в последние годы пишущих людей». Ничтоже сумняшеся я назвал Кирилла Медведева, Аркадия Драгомощенко, Дмитрия Голышко-Вольфсона, Василия Ломакина и Леонида Шваба, резонно решив, что мои недавние предисловия к книжкам Сергея Завьялова и Шамшада Абдуллаева говорят сами за себя. Отослав ответы по электронной почте, я спохватился. Почему я не назвал ни одной женщины? Это я-то, переводивший Сьюзен Хау, Эйлин Майлз, Кэти Акер, Гертруду Стайн, считающий одним из главных текстов XX века «Боль» Маргерит Дюрас? Я, влюблённый в поэзию Елены Шварц и Елизаветы Мнацакановой, одну из первых своих рецензий посвятивший Ольге Седаковой и обеими руками голосовавший за вручение премии Андрея Белого в 1999-ом Елене Фанайловой? Это «почему», подразумевающее вполне недвусмысленный — в свете феминистских теорий — ответ, тем более болезненный, что в принципе я согласен с их (теорией) основополагающим тезисом о мужском доминировании и подчинённом положении женщин, потянуло за собой другие, не столь очевидные².

Например, почему при слове «художница» никто не хватается за пистолет, тогда как «поэтесса» звучит с явно уничижительным оттенком? Откуда, как давно возникла эта

¹ См. «Критическая Масса», 2005, №3/4.

² Впрочем, так ли уж очевидны пресловутые «фаллоцентризм» и «патриархатное мышление», гнездящиеся, как выясняется, в бессознательной аксиоматике, «ниже» уровня эстетических предпочтений, абстрактного знания и даже личных привязанностей? Показательно, что в моём случае они «вылезли» там и тогда, когда речь зашла о культурной власти (иерархии), ибо как иначе охарактеризовать операцию публичного оглашения имён «наиболее интересных мне пишущих людей»? Подобные вопросы далеко не невинны, хотя и подвижны естественным вроде бы желанием: «скажи мне, кто твой друг (или что ты читаешь), и я скажу, кто ты».

асимметрия между словоупотреблением в современной поэзии (и литературной критике) и contemporary art, где считается нормой говорить о «женском взгляде», «женском письме», вообще о «женском» в его отличии от «мужского»? Почему я, и, наверное, не я один, спотыкаюсь, прибегая, когда необходимо обобщить, к кавычкам и/или неуклюжим конструкциям? Почему по-английски выражение women poets или women writing не режет слух, а их русские кальки воспринимаются как в лучшем случае эвфемизм? Как вообще маркируется пол/род в нашем языке и какой гендер за этим, пардон, стоит? Почему сами женщины первые протестуют против идентификации их как женщин (поэтесс)? Почему Анна Глазова и Ника Скандиака прибегают к модальностям, не позволяющим однозначно определить пол пишущей/пишущего? Почему у Анны Горенко, Александры Петровой, Евгении Лавут, Марианны Гейде и многих других субъект высказывания, лирическое «я» (не путать с персонажным «я» баллад Марии Степановой, хотя сам факт использования ею брутальной мужской речевой маски тоже наводит на размышления) с подозрительной частотой выступает в мужском обличье, как в характерном, парадигматическом для 1990-х стихотворении Горенко «Тело за мною ходило тело»:

Тело за мною ходило тело
Ело маковый мёд
А теперь довольно, мне надоело
Я во власти других забот

Я в зубах сжимаю алую нить
К ней привязаны небеса
Я всё выше, выше желаю плыть
Я хочу оставаться сам

Гильотина света над головою
И мне дела нету до нас с тобою
Пусть они в разлуке, в беде навеки
Я сегодня сам и мосты и реки
Я огонь и трубы, вода и мыло
Я что хочешь, лишь бы тебе польстило

Я Ариадна скалою у грота
В зубах нитка, во рту монетка
Я себе Ариадна, Тесей и Лота
Я голубка, детка

Я пока ещё не готов подробно разбирать эту сейсмическую скоропись, хотя она, безусловно, того заслуживает, как, впрочем, и всё блистательное творчество Горенко, травмирующее, радикально подвешивающее самоидентичность субъекта, включая и сам её «ахматовский» (или скорее «контр-ахматовский») псевдоним, семантику которого интересно комментирует в предисловии к сборнику «Праздник неспелого хлеба» Данила Давыдов³. Поэтому я сразу перехожу к следующему вопросу: не завязана ли эта

³ Давыдов Д. Поэтика последовательного ухода. // Анна Горенко. Праздник неспелого хлеба. — М.: НЛО, 2003.

травестия, вплоть до мазохистского умаления в безличной конструкции — «Я что хочешь, лишь бы тебе польстило», — на имплицитного адресата, то «ты» в «тебе», к которому обращена и от которого отскакивает, как от диалогической стенки, речь? Ведь любая поэтика, сколь угодно радикальная, упирается в *разрешающую способность* именно этого «ты», пресловутого провиденциального собеседника, местоблюстителя столь необходимого голосу, дабы быть услышанным, резонанса. (И вообще, как быть, если «субъект» оказывается женского рода, равно как и «автор», и «человек»? Не есть ли это, говоря формально, грамматический оксюморон, некое фантомное, фиктивное языковое тело, которое потому и ходит, и ходит за «тобой», наподобие призрака? И что меняет в этом «призрачном», «бесполом» статусе возможное возражение, что, допустим, всё это стихотворение целиком — косвенная, а не прямая речь, речь «от лица» «мужчины», которой, стало быть, требуются кавычки?) Не отсюда ли трагическое напряжение лучших вещей Горенко, перекусывающих нить грамматики и синтаксиса и срывающихся в пароксизм, в обценную тавромахию?

Я стал как мебель бледный деревянный
 Безвенный и невинный. Мир ебáный
 Со всех сторон стоит ко мне спиной
 Меня глотает воздух неживой <...>

Или, в ещё более откровенной эскападе, возвращающей мне все выше сформулированные вопросы в виде раскромсанных ошмётков:

<...> а тело из белого стало бледным
 появилось желание объясниться
 видите ли феминистки меня не любят
 только бы если не стать феминисткой!
 капустаницы в холодце подмытые марганцовкой
 клацают акульей пиздой
 Мама
 Мама
 только бы не стать феминисткой!
 Мама не стать нацменьшинством фашистом
 пасторской самкой взрослой женщиной турком
 лучше пожарником мёртвым ребёнком
 постмодернистом
 только не старостой не багрицким не партизаном
 Мама
 мои друзья партизаны в застенке <...>

Опять же, я не могу препарировать этот абортарий социокультурных ролей и идентификаций, чья пуповина уводит к проблематичному статусу говорящей/пишущей — похоже, и впрямь из некоего «застенка». Но имеющие глаза самостоятельно доберутся до сакраментальной строчки, которую, в силу её силы (но эта слабая сила, не правда ли?), я хотел бы выделить особо и даже, пожалуй, взять эпитафией ко второй части.

II

что до жизни то оказалась женской

Анна Горенко

В статье «Прорыв к невозможной связи. Поколение 90-х в русской поэзии: возникновение новых канонов» Илья Кукулин первым, кажется, обратил внимание на конститутивный для поэзии этого поколения феномен, который он назвал «продуцированием фиктивных эротических тел авторства»:

«Эти тела являются своего рода посредниками, которые связывают авторское сознание с миром; и в то же время это действующие лица, которые разыгрывают символические драмы, выражающие некоторые общие свойства мира. Авторское сознание, или, точнее, авторский порыв, который охватывает всё существо пишущего (в терминологии «Разговора о Данте» Мандельштама), летит за этими призрачными телами — они осуществляют творчество как бы впереди него. Эти тела отчуждены от авторского сознания и могут быть рассмотрены несколько со стороны, как чужие люди, или как играющие дети, или персонажи сна, или куклы. В то же время они неразрывно, кровью, связаны с авторским сознанием; авторское сознание обращает к ним и через них к явлениям мира любовь и привязанность, но это привязанность не восторженно-романтическая, а привязанность сродни отношениям взрослых людей, у каждого из которых свои проблемы. Она может реализовываться именно через эти полуфантомные образы.

Эти тела можно условно назвать фиктивными эротическими телами авторства. Их порождение было, очевидно, свойственно и поэзии предшествующих эпох, но в 90-х взаимодействие с ними и драматизация этого взаимодействия стали важным, наглядным и часто осознанным творческим методом.

В стихотворениях авторов 90-х фиктивные эротические тела то и дело подвергаются физическим страданиям: они испытывают боль, ощутимые затруднения, их калечат, бьют, ломают. Эти страдания можно рассматривать как символическое жертвоприношение. Их боль, деформации и исчезновения соответствуют чужой боли, отчуждённо и одиноко существующей в мире. Символическое принесение этих тел в жертву и сопереживание их боли позволяет восстановить открытые отношения с миром»⁴.

Отставим на время в сторону концепт «фиктивного эротического тела» и то, насколько символическое принесение этих «тел» в жертву способно «восстановить открытые отношения с миром», и посмотрим, каких авторов имеет в виду Илья Кукулин в 2001 году. Это — в порядке, который я воспроизвожу здесь не без некоторого смущения, — Дмитрий Соколов, Евгения Лавут, Александр Скидан, Александр Анашевич и Дмитрий Воденников. Вот образцово иллюстрирующее положение о «фиктивном теле» стихотворение Евгении Лавут, которое приводит критик:

То ли девочка я то ли мальчик — Бог весть
Если он есть, а нет — никому не вемо
Шприцем сухим вверх в голубое как вена
небо тычется церковь. Утро — какая месть

⁴ Новое литературное обозрение, № 50 (2001).

ночью не спавшему! Будто бы: волчья състь,
 что спотыкаешься, хочет спросить, сука!
 Господи, я тоже хочу спросить
 пока троллейбус ползёт как седая муха
 через Яузский мост — намазанный маслом тост —
 ответь: Девочка я или мальчик, или я оба,
 или я камушек, или я птица клёст?..
 троллейбус вязнет, холодная кровь Бога
 течёт, не достигая земли; жёсть
 парализованных крыш плавится, ждёт удара.

Сегодня, в 2006 году, к списку, предложенному Ильёй Куклиным, необходимо добавить, как минимум, Дмитрия Голышко-Вольфсона⁵, Данилу Давыдова⁶, Шиша Брянского⁷, а также упоминавшихся выше Александру Петрову, Елену Фанайлову, Анну Глазову, Нику Скандиаку, Марианну Гейде (перечень далеко не полон). И, конечно же, Анну Горенко и Марию Степанову, чья «Физиология и малая история» (2005) целиком посвящена колонизации и переосмыслению («женского») тела по канве «мужской» поэтической традиции. Любопытно, что в цикле «Несколько положений (Стихи на подкладке)» я нахожу у Степановой сходный с (эпиграфом из) Горенко, демонстративный жест выворачивания наизнанку «мужской» дикции: «Я так одна. Никто не поднимает...». Строка эта выделена в книге курсивом, поскольку отсылает к русским стихам Рильке с их «трогательными»

⁵ В предисловии к сборнику Голышко-Вольфсона «Бетонные голубки» (М.: НЛО, 2003) Илья Кукулин развивает тему «фиктивного тела», правда, почему-то отказавшись от употребления самого этого многообещающего концепта: «Тело становится игровой приставкой, как в фильме Дэвида Кроненберга «экзистенция» («eXistenZ», 1999). Сращение телесного и компьютерного, (программируемого) в искусственной реальности, сочетающей в себе черты разных эпох, — всё это хорошо известные приметы стиля киберпанк (например, романов Уильяма Гибсона). Стилистику Голышко-Вольфсона 1990-х можно назвать *киберпанк дель арте*. Действительно, гипертрофированно театральная, гистрионическая поэзия этого автора выводит проблематику субъекта высказывания на эфемерные подмости тотальной коммуникации, мирового сквозняка, где действуют (бес)полые речевые маски, своего рода «разъёмы» и «гаджеты» поэтической функции.

⁶ См., в частности, стихотворение «Я плакало, прыгало, ело...», а также «Девальвация внутреннего червя», которое цитирует в своей статье (правда, уже в контексте иной проблематики) Илья Кукулин.

⁷ Кирилл Решетникова, создавшего концептуального персонажа Ш. Б., страдающего логореей и афазией чудище обло, ликующее, триумфальное тело без органов, точнее, с одним орально-анальным органом; уж не в патриаршей ли палаточной пробирке это тело выведено, по традиции, страдающей, с одной стороны, неприкрытой гомофобией, а с другой, поди ж ты, подкрадывающейся тихой сапой сзади, что твой Делёз, заделывающий Спинозе ребёнка. (См. провокационное высказывание Делёза о философской традиции, которое, с известными оговорками, было бы бесполезно приложить и к традиции поэтической: «Мне кажется, что в своё время я выкрутился благодаря тому, что воспринимал историю философии как этакую содомию или, что одно и то же, как непорочное зачатие. Я воображал себе, что за спиной автора делаю ему ребёнка, который должен бы быть его ребёнком, но в то же время — монстром. Очень важно, чтобы ребёнок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я заставлял его говорить. Но необходимо и то, чтобы ребёнок был монстром, поскольку в дело шли всякого рода смещения центра, ускользания, скрытые недоговорённости, которые доставляли мне огромное удовольствие» (Жиль Делёз, Критика и клиника. — СПб.: Machina, 2002. — С. 221-222.).

аграмматизмами, вроде «мой сердце», «избушка уж привык» и другими отклонениями от нормативной языковой логики. Вот это стихотворение Райнера Марии Рильке, позволяющее реконструировать матрицу языковой стратегии Марии Степановой (стратегии, выходящей за хронологические границы «Физиологии и малой истории», но чётче всего сформулированной именно там: «Я список кораблей перевела на морзе»):

Я так один. Никто не понимает
 молчанье: голос моих длинных дней
 и ветра нет, который открывает
 большие небеса моих очей.
 Перед окном огромный день чужой
 край города; какой-нибудь большой
 лежит и ждёт. Думаю: это я?
 Чего я жду? и где моя душа?⁸

Как понимать эту перекрёстную гиперссылку в творчестве Марии Степановой, берущую под прицел не просто идиому того или иного поэта, но «мужскую» идиому в её *детской непосредственности*, чтобы не сказать типичности? Как истолковать явно «бродские» интонации и мотивы в стихотворении Евгении Лавут «То ли девочка я то ли мальчик...» (но также и в других, не столь откровенных)? Наконец, что артикулирует, сочленяет через вывих и перифразу того же Бродского строка Анны Горенко «что до жизни то оказалась женской»? — Если предположить, вслед за Ильёй Кукулиным, что эротические языковые стратегии и «тела» не только «отчуждены от авторского сознания и могут быть рассмотрены несколько со стороны, как чужие люди, или как играющие дети, или персонажи сна, или куклы», но что одновременно они «неразрывно, кровью, связаны с авторским сознанием»?

Здесь возможно несколько плодотворных подходов. Но прежде чем их обозначить, необходимо коснуться проблемы «поколения 90-х». Илья Кукулин справедливо замечает, что порождение «фиктивных эротических тел авторства» было свойственно и другим эпохам, в том числе, добавлю, ближайшим к нам. Здесь следует назвать, в первую очередь, Эдуарда Лимонова эпохи «Эдички» (в данном контексте особенно важны гротескные языковые аномалии в стихах 1960-70-х), Елену Шварц и Александра Миронова, главным образом программный цикл последнего «Осень андрогина» (1978) с его замыканием языка (поэзии) на фигуру телесного (однополого) соития:

— Кто вы, — спросит, — двойная скверна?
 Мы ответим Ему: наверно,
 Мы — Ничто, словесная сперма:

⁸ Райнер Мария Рильке. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. — М.: Искусство, 1971. Показательно, что заключительная статья переводчика (В. Микушевича) к этому тому названа «Жалобное небо». Известно, какое влияние оказал австрийский поэт на много и конгениально переводившего Рильке Пастернака, в частности, на его «благоговейное», «жалостное» отношение к «женщине». Пастернак в высшей степени значимый для Степановой автор, поверх его физиологического счастливого захлёба написана книга «О близнецах», особенно первая часть раздела «Женская персона». (Разумеется, в ней «прослушиваются» и другие «мужские» голоса, в том числе — что любопытно — куда более ортодоксально «советских» поэтов.)

Роза и сыпь сирени.
Он же скажет нам: Звери знают —
Так букеты не составляют <...>

Одна из постоянных тем Александра Миронова — «смесительная связь» поэтической традиции и индивидуального языка, который в одном из стихотворений он называет «медиумическим духом травести». Есть у Миронова и предельно «жесткие» верлибры (цикл «Кинематограф» середины 1980-х), предвосхищающие стратегии очень и очень разных авторов, среди которых я бы назвал Дмитрия Волчека, Сергея Круглова и Ярослава Могутина, а также «белый» шум сетевой поэзии, отчасти и вынудивший, видимо, некоторых из этих сильных и самобытных поэтов замолчать или сменить эстетическую ориентацию:

педерастическая склонность эйзенштейновского топора
в последний раз
прильнуть казённым поцелуем к шее казнимого
в последний раз
облобызать и растлить обречённое на уничтожение
последний раз
всем колхозом натянуть на себя ризничные одежды
всё равно ведь плёнку потом сожгут
в приступе ностальгии
останется Черкасов с неизменным солопом в деснице
взбесившаяся коляска с ребёнком
пролетарский Апис эмигрировавший в «мир Феллини»
музыка Прокофьева слова Луговского

Соединение «казённого поцелуя» и «казни» заставляет вспомнить поэта более отдалённой эпохи, также малоизвестного, но крайне важного в контексте нашего разговора, а именно Андрея Николева (Егунова), превратившего языковое шутовство и травестию в метод «вскрытия и уловления метафизики, таящейся в недрах языка»⁹. Его фрагментарная, исполненная сарказма, иронии, полисемии и двусмысленных гомозротических фигур поэзия звучит остро современно:

Жать рожь, жать руку. Жну и жму
язык, как жалкую жену —
простоволосая вульгарна
и с каждым шествует попарно,
отвисли до земли сосцы,
их лижут псицы и песцы...
— Воспоминанье о земле,

⁹ См. предисловие к поэме «Беспредметная юность» в: Андрей Николев. Собрание произведений / Под редакцией Глеба Морева и Валерия Сомсикова. — Wien, 1993. Подробнее о поэзии Николева и её политических импликациях см. мой очерк «Длящееся настоящее»: Новое литературное обозрение, № 59 (2003), стр. 419-422.

о том, как там в постель ложатся,
чтоб приблизительно прижаться.

(1933)

Этот беглый по необходимости экскурс в «андрогинную» по преимуществу поэзию (тут стоит, конечно же, вспомнить и Михаила Кузмина, и — противоположный случай — развоплощающие любую субъективность, проникнутые отчаянием и мизогинией тексты обэриутов), тематизирующую родовые признаки «фиктивных тел авторства», подводит меня к выводу, что в 90-ые произошёл некий скачок, количество, так сказать, перешло в качество. (Как в гегелевской диалектике господина и раба, где именно раб, через принудительный труд и отчуждение, творит, в конечном счёте, историю¹⁰.) Скачок, отчасти совпавший, а отчасти вызванный социально-культурной трансформацией конца 1980-х — начала 1990-х годов и выдвинувший целый ряд поэтов-«женщин», в творчестве которых с небывалой доселе силой и остротой звучит традиционно «мужская» проблематика самождественности субъекта. Сказанное отнюдь не означает, разумеется, что в 90-ые не появилось значительных поэтов-«мужчин». И тем не менее, такое ощущение, что к «голосам» этих поэтов — Станислава Львовского, Александра Анашевича, Михаила Гронаса, Григория Дашевского, тех же Дмитрия Воденникова и Василия Ломакина — примешивается что-то неуловимо «женское». И наоборот, у Александры Петровой, Анны Горенко, Елены Фанайловой, Марии Степановой, Евгении Лавут, Анны Глазовой, Ники Скандиаки, Марианны Гейде, Натальи Курчатовой и многих других отчётливо прослушивается «неженский», мягко говоря, тембр. (Я сознательно заключаю в скобки продолжающих активно работать Ольгу Седакову, Елену Шварц, Елизавету Мнацаканову, Татьяну Щербину и других поэтов-«женщин» старшего поколения, поскольку их поэтика сложилась в основном в другую историческую эпоху и требует отдельного рассмотрения.)

III

какое тело женское
ужасно не введенское

Александр Введенский

Так как же всё-таки трактовать этот «мужской» субстрат в «женской» поэзии? Да никак, скажет иное «фиктивное тело авторства». И будет, в каком-то смысле, право. «Нет никакой “женщины”, никакой истины в себе относительно женщины в себе... нет никакой

¹⁰ Маркс, как известно, переписал эту диалектику, отведя мессианскую роль творца истории и освободителя человечества пролетариату. Феминистки, на волне разочарования в советском опыте построения социализма и возникновения новой диспозиции социальных сил (1968), указали марксистам на скандальное (сексистское) исключение женщин из их якобы универсального освободительного дискурса. Иные, как Моник Виттиг, утверждали даже, что женщины — это политический класс, в строгом смысле слова. С этого момента освободительный пафос переходит к разного рода «меньшинствам», прежде всего — «женщинам». Описывая литературный эксперимент по устранению гендерной маркировки в одном из своих романов, Моник Виттиг пишет: «Прежде чем говорить о мес-

истины в себе относительно полового различия в себе, мужчины или женщины в себе» (Жак Деррида). Есть письмо, текст; пишущий по природе (письма) двупол, андрогинен, так или иначе «фиктивен». И тем не менее, там же, в «Шпорах: стилях Ницше» (а в текстах Ницше множество стилей, не меньше чем матерей, дочерей, сестёр, старых дев, жён, гувернанток, проституток, девственниц, бабушек, девиц маленьких и больших, мифологических и немифологических Ариадн, Менад, Лу, Саломей, Козим, и каждую найдётся чем пришпорить или получить ответный удар отточненным стилетом или стилем), Деррида уточняет: «Тем не менее, всякая онтология [и поэтика в смысле отрасли знания, дисциплины, добавим мы. — А.С.] предполагает и скрывает эту неразрешимость; она есть эффект каталогизации <arraisonnement: «досмотр судна»>, присвоения, отождествления и верификации тождества этой неразрешимости»¹¹. Отсюда и режим кавычек, сопровождающий здесь и сейчас, в этом тексте, «женщину» и «мужчину». Режим, насильственно отменить который способна разве что идентификация и присвоение стоящего за подписью, скажем, «Анны Горенко» эмпирического тела «Анна Карпа» (1972—1999) с его земной биографией. Это один путь, путь, условно говоря, историко-биографической поэтики и школьных учебников. Другой, не менее плодотворный и богатый на открытия, будет заключаться в «диалогическом», интертекстуальном методе. Так, в стихотворении «Тело за мною ходило тело» мы оперативно вычленим отсылки к Мандельштаму, сразу к нескольким его ранним (эпохи «Камня») вещам. Сгруппируем эти аллюзии вокруг «Дано мне тело — что мне делать с ним?», разворошим всё гнездо «детского локуса», столъ актуально для тематизирующей «телесность» поэзии 90-х; и полакомимся игрушечными волками, детскими книжками, целомудренными чарами хрупких подростковых тел, звериной душой, снежным ульем и возвращающимся в доисторическое лоно — Афродиты ли, морской пены или музыки — Словом. Тут недалеко и до грота Ариадны, отдирающей от скалы и преподносящей Тесею букетик калл. Что делает здесь Лота, я, право, не знаю, надо бы спросить Минотавра.

Третий — поход в духе «страха влияния» Гарольда Блума в поисках за утраченным, а на деле запрятанным глубоко в ткань текста «сильным предшественником», причём запрятанным настолько надёжно, что смятые складки и простыни (мандельштамовский интертекст) могут обернуться всего лишь ловушкой, в которую обязательно попадётся наивный читатель. «Наивный» в данном случае значит несведущий в теории Блума, который выделил и описал шесть стратегий такого хитроумного укрывания отцовской (всегда почему-то отцовской) фигуры¹², направленных на то, чтобы переиграть сильного, канонического предшественника на его же поле, но своим, выкованным в соперничестве оружием. Это сложный, прямо-таки обезнадёживающий путь, особенно если предста-

тоимении, которое является стержнем «Les Guerilleres», я хотела бы напомнить, что говорили Марк и Энгельс в «Немецкой идеологии» о классовых интересах. Они говорили, что каждый новый класс, борющийся за власть, должен, для достижения этой цели, представлять свой интерес как общий интерес всех членов общества, и что в философском смысле этот класс должен придать своей идее универсальную форму, представлять её как единственно разумную, обладающую всеобщей ценностью» (Моник Виттиг. Прямое мышление и другие эссе / Пер. с англ. Ольги Липовской. — М.: Идея-Пресс, 2002; пер. модифицирован).

¹¹ Жак Деррида. Шпоры: стили Ницше / Пер. с фр. А. Гараджи. // Философские науки, 1991, № 3, с. 114.

¹² См. Хэрольд Блум. Страх влияния. Карта перечитывания / Пер. с англ., сост., примеч., послесл. С. А. Никитина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.

вить, сколько ж уловок и обманных ходов надо держать в голове, помимо начётнического знания классического корпуса текстов. Здесь-то нам и может понадобиться тень Бродского, промелькнувшая в жизни *что оказалась женской*. Это длинная тень, аккумулирующая в себе не только колоссальный символический капитал, но и способная в одиночку представлять за символический порядок¹³, царящий в нашем недатском королевстве. Не странно ли, что, в отличие от старших и младших коллег, нередко интонационно и риторически попадающих в резонанс с певцом Урании (и не скрывающих этого), у Горенко это — едва ли не единственное *громкое* оспаривание (универсальности) Бродского?

Четвёртый подход — но четвёртому не бывать, потому что он... феминистский, а феминистки, по словам Анны Горенко, «кלאצют акульей пиздой», то есть, если я ещё не разучился читать, оскопляют почище иных фаллоцентриков и логоцентристов. Понимаю и даже отчасти чувствую тот же — знакомый всем пишущим — страх, уже отнюдь не влияния. Испытывают его, очевидно, и критики-комментаторы творчества Горенко (Сошкин, Тарасов, Давыдов). Они много — и справедливо — уделяют внимания претекстам Горенко, пишут о её «визионерстве», «мистическом опыте», «маргинальности», «наркотической оптике», экстерриториальности и биографических обстоятельствах, даже «андрогинности» и «экспериментах» с грамматическим родом, но при этом настойчиво отводят взгляд от *полового различия*, структурирующего на уровне фигурации и модальностей высказывания все её тексты. Как? Ставя это различие под знак иной, более существенной, с их точки зрения, проблематики, подчиняя его иной логике, логике тождества. Единственное исключение — пассаж Данилы Давыдова, красноречиво изобилующий разного рода оговорками: «90-е годы минувшего века выдвинули целый ряд поэтов, для которых общим свойством их весьма различных поэтик оказывается совмещение инфантильных и некротических мотивов. И центральную роль в этом весьма условно выделяемом движении играют, так сказать, “молодые разгневанные женщины” (назову имена Ирины Шостаковской, Анастасии Трубачёвой, Галины Зелениной, Алины Витухновской, Елены Костылевой, Натальи Ключарёвой...). Гендерные характеристики подобной ситуации, хотя и чётко прослеживаются, не сводятся, как я подозреваю, к какой-либо одной причине, но, напротив, являются удивительным сочетанием ряда не связанных между собой факторов (впрочем, это отдельный разговор)»¹⁴.

Меня интересует не оскопление, эта всегда плоская истина, а скорее (само)ослепление текста как его (текста) конститутивный эффект. Остаются ещё пятый (более или менее формально-структуралистский), шестой (более или менее герменевтический) и седьмой (смешанный, включающий в себя психоаналитический) способы истолкования.

¹³ Употребление лакановского понятия применительно к Бродскому — не просто дань остроумию и всеядности обоих. «Символическое», по Лакану, это область сверхличных, всеобщих, социокультурных смыслов, задаваемых индивиду обществом, то есть область *бессознательного*. Это «порядок культуры», выполняющий регуляторную функцию и персонифицированный в фигуре Отца, поскольку именно через Отца ребёнок усваивает социокультурный Закон. Поэтому и субъект в концепции Лакана предстаёт функцией культуры, точкой пересечения различных символических «матриц» и бессознательных желаний; иными словами, уже не культура является атрибутом индивида, как это обычно считается, а наоборот, индивид оказывается «придатком» культуры, говорящей при его помощи, через него. Сходным образом, развивая Цветаеву, Бродский трактовал отношения поэта с языком.

¹⁴ Д. Давыдов. Поэтика последовательного ухода. С. 11.

Но что если «фиктивное эротическое тело авторства» продуцируется не в расчёте на истолкования и подходы, и даже не с целью быть прочитанным (понятым)? Что если Илья Кукулин прав, и ставки здесь куда серьёзнее, а именно, несобственно-прямая речь идёт о символическом жертвоприношении, любви и, сказать ли, смерти? А эти «вещи», в свою очередь, не вещи в себе, они пронизаны другими голосами, голосами других, и разомкнуты прямо на меня в своей глоссоплатии, окликают одно из моих «я» и требуют от него незамедлительного, невозможного, соматического и безрассудного отклика, признания в любви, например? И тогда, быть может, пока одно моё фиктивное тело освидетельствует и верифицирует эмпирическое тело «Анна Карпа», околеченное от передозы и закопанное, а может быть, развешенное без остатка и ушедшее в семитскую сому-сему или средиземноморскую пену, другое моё «я» причащается этим горестным прахом, берёт его в рот и само становится, благодаря этому непорочному зачатию, другим. Третьим. Возможно, телом с сигнатурой «Елена Фанайлова», которая окликает, на моей губе, моей идиоме, частичка которой, подобно тайному коду, переходит от неё ко мне и обратно, *будто я сам* окликает и откликается Анне Горенко:

Девочка девочка где ты была
 Когда стреляли из-за угла
 Когда не бывало воды и угля
 Во дни хлеба, воды
 В огне как морозом топили золу
 Когда ты меня зажгла

Когда в середине точнее к концу
 Этаго странного кина
 Киномеханик приблизит к лицу
 Тряпку с бензином — а где ты была?

Спала ли ты что ли обратно спала
 И с кем разговаривала как свеча
 Почему ты пришла ко мне как стукач
 Потихоньку придерживая враньё
 Повернулася спиной как луна
 И разделася медленно как у врача
 Обо всём запальчиво говоря,
 Сердце моё?

Что ты дуешь мне в ухо из-за плеча
 Для чего подсматриваешь в черновик
 Почему диктуешь своё, бубня
 Будто я и сам неспособен скучать
 Как неверная воля и как мечта
 Уходящая из-под руки

(«Русская версия»)

IV

Я, свернувшееся в кулак.
Тела спяща ночной ГУЛАГ.

Мария Степанова

Отвечая на анкету «Десять лет без Бродского»¹⁵, я на скорую руку высказал следующее соображение: «Если же говорить о совсем последнем периоде, то почему-то мне кажется, что Бродский сильнее прослушивается в нашей женской поэзии, которая вообще, безотносительно Бродского, становится передовой поэзии, её режущей кромкой (возможно, потому, что женщины себе больше могут позволить, они смелее мужчин; или на них не так давит груз традиции, всё же эта традиция сформирована почти исключительно мужчинами? а может, потому, что они изначально находятся в слабой позиции, обусловленной нашей шовинистской культурой, самой шовинистской культурой в Европе, и эта слабость революционизирует их бессознательное? интересный вопрос...)». Если это ещё вопрос. Ниже я попробую ещё раз развить и уточнить эти интуиции, но сначала надо, видимо, ответить за «шовинизм».

Иногда помогает взгляд со стороны. Вот что пишет одна из составительниц антологии современной русской поэзии «Crossing Centuries: The New Generation in Russian Poetry» Лора Д. Уикс: *«Большая часть русских женщин-поэтов сопротивляются идентификации себя как женщин. Да, в России существует активное, ярко выраженное феминистское движение, у которого долгая традиция. Да, гендерно окрашенной лирики становится всё больше и больше. Однако большинство женщин-поэтов избегают вступать в этот заколдованный круг из страха, что их женскость будет отвергнута как “женственность”, а их поэзия будет сведена к “женскому опыту”. Они бы с куда большей охотой предпочли быть поэтами без рода, работающими в области универсального опыта. Достичь этого высокого статуса означает преодолеть определённые барьеры, как, например, тот факт, что распространение поэзии — в частном, равно как и в публичном пространстве — контролируют по большей части мужчины. Кроме того, существует и барьер в виде самого языка. Русский язык несёт в себе грамматические признаки — в прошедшем времени глаголов и во всех прилагательных, — которые автоматически указывают род говорящего как мужской либо женский. В результате история голосов русских женщин всегда была в некотором смысле игрой: использовать доступные им маски-вуали как серию уловок, достаточно отвлекающих мужской взгляд, чтобы успеть передать послание и убедиться, что их поэзия привлечёт серьёзное внимание»*¹⁶. Выводы Уикс косвенным образом подтверждает высокий статус гомосексуальной литературы, с одной стороны, и мужские псевдонимы многих поэтесс Серебряного века, равно как и сами их судьбы (кто сейчас, кроме узких специалистов, читает Парнок, Хабиас, Радлову или Гиппиус?).

Итак, гипотеза первая: «нерв» современной русской поэзии переместился в «женскую» поэзию «женщин». Это блуждающий нерв, и его локализация, по-видимому, связана не только с формальными инновациями внутри самого поля поэзии, но и со

¹⁵ Воздух, 2006, № 1.

¹⁶ Laura D. Weeks. Speaking through the Veil: The Dilemma of Women's Voices in Russian Poetry // Crossing Centuries: The New Generation in Russian Poetry. — NJ: Talisman House Publishers, 2000. — P. 367.

сложной динамикой сопредельных ей областей, всего общества в целом. Ещё в конце 1990-х я связывал перспективы развития русской поэзии с различными модификациями нерифмованного нерегулярного стиха, ориентированного на широкий интернациональный контекст (не только поэтический, учитывающий опыт музыкального и кино-авангарда, видео и других искусств). При этом особой дискриминации по «рифменному признаку», кажется, не проводил, более того, и сам не без удовольствия прибегал к «смешанной технике». И всё же актуальной представлялась мне практика поэтов, исповедующих резко выраженную модернистскую установку («модернистскую» в широком смысле, нацеленную на «модернизацию», поиск новых способов высказывания), то есть так или иначе порывающих с господствующей в нашем ареале просодией (песенно-мелодической развёрткой стиха)¹⁷ и, следовательно, базовыми для данной (стиховой) культуры ценностями. Поэты эти, как нетрудно догадаться, за редким исключением были мужчинами.

Когда произошёл перелом? Трудно сказать. Но, забегая вперёд, на соседнюю территорию, напрашивается мысль, что проект политико-экономической «модернизации», стоявшей на повестке дня с конца 1980-х и параллельной «модернизации» культурной, в общем и целом провалился. Геополитическая трещина, отделявшая Россию от Западного мира, никуда не делась, более того, вновь сделалась драматически ощутимой, что привело к резкой реактуализации классического набора специфических российских проблем, кем только не воспетых (от Радищева до Чаадаева, от Герцена до Киреевского). Как по-солдатски — вернее, как солдатка — откровенно пишет мне в письме Елена Фанайлова: «русские ещё очень долго будут в просодической метрике, потому что антропос чудовищно дикий, агрессивный, компания убийц. Поэтому русские любят петь в компаниях. Поскольку поэзия решает прежде всего антропологические задачи, это моё убеждение, мы и обречены не на верлибр, а на песни в формальном размере». Именно этим, похоже, обусловлен тот факт, что радикальные — в своём отрыве от национально-имперского локуса — поэтики таких авторов, как Айги, Драгомощенко, Шамшад Абдуллаев (и всей «Ферганской школы», включая Ольгу Гребенникову, блеснувшую в середине 1990-х десятком первоклассных верлибров), так и остались на периферии поэтической карты. Отчасти та же история произошла и с более консервативными в метрическом отношении «метареалистами», но, кажется, несколько по другим причинам¹⁸. (Непотопляемость «концептуализма» в этом разрезе вызвана «вечно-актуальной» идеологической амбивалентностью их контрдискурса.) Зато в перекрестье общественного внимания к концу 1990-х попали компромиссные стратегии, удачно сочетавшие инновацию и традиционность, но главное — работавшие с совершенно новой проблематикой, накладывавшейся на внезапно вновь обнаружившую себя архетипическую «русскую». Обозначим этот новый узел мучительных проблем социологически отстраненно: постсоветская идентичность. Отстраненность тут как нельзя более кстати. Дело в том, что травматический эффект потрясений 1991-го и последующих лет таков, что, возможно, только сейчас, постепенно отходя от шока, мы начинаем осознавать, что с нами произошло.

Поэтому вторая гипотеза состоит в том, что катастрофический сдвиг, столкнувший различные исторические пласты и расколовший — уже не метафорически, а буквально

¹⁷ См. анализ этой (восходящей к романтизму) модели в статье М. Ямпольского «Поэтика касания», посвящённой А. Драгомощенко и включённой в его книгу «Описание» (СПб., 2000, с. 355-378).

¹⁸ См. статью Дмитрия Гольинко-Вольфсона «От пустоты реальности к полноте метафоре («Метареализм» и картография русской поэзии 1980-1990-х годов)», в «Новом литературном обозрении», №62 (2003).

— сознания и тела бывших граждан СССР, сдвиг, словно бы замерший в мёртвой точке, точке компромисса, на рубеже двух тысячелетий, больнее ударил и трагичнее, общечеловечнее сказался именно в поэзии «женщин», возможно, как исторически стигматизированного, жертвенного класса. Доказать это на примерах трудно, для этого понадобилось бы провести скрупулёзный сравнительный анализ всего написанного за последние лет десять-пятнадцать под углом гендерной лингвистики и поэтики, что превышает мои профессиональные возможности. И, тем не менее, я утверждаю, что это так. Именно поэзия «женщин» с режущей глаз прямотой вскрывает расколотость постсоветского сознания, через семантическую катастрофу и разорванный синтаксис демонстрируя разрушительные, негативные смыслы, скрывающиеся в истории и самом языке — мутирующем, заражённом вирусом насилия, работой смерти. Ставшем плотью и жалом в плоть. Иди и смотри «Русскую версию» всю целиком, построчно, с субтитрами, от «Я Як-истребитель и Мессершмидт / С девизом “повесились”» до «Будто крест несут как цыгане ссут», от «Не возвращайся: здесь опять гебня / И пародировается застой» до «как дикий куст которому давать / язык — избоблчать». Иди и смотри «Праздник неспелого хлеба». И «Вид на жительство». И «Песни северных южан». И «Физиологию и малую историю». И «Амур и др.». И «Пусть и вода». И «Слизни Гарроты».

незнакомые звуки пинали меня под дых,
 незнакомые звуки хотели, чтобы я сдох,
 колотили крылами в лоб,
 претворяли в воду и хлеб,
 мучили, словно бы я их раб
 или я их спас,
 мучили, словно бы я был труп,
 а потом воскрес,
 а потом ушли,
 оставили помнить горлом и ртом
 белый шум,
 ненужный на земле.

Марианна Гейде

<...> Молочная тропинка слизняка
 в обратном направлении блестела.
 В обратном направлении от всего.

Ну, подтолкни оставшееся тело.
 Пускай бредёт пока.
 Бреди,

не наше дело.

Александра Петрова

Катулл визжит от боли, повизгивает от боли,
 Как маленькая собачка.
 Плачет, когда никто не видит.
 Впрочем, не особо стесняется тоже.
 У него совсем нет мужества,
 Мужеложества, женоненавистничества
 Он усирается от ужаса.

Он идёт, идёт, едет, едет,
 И скрыт его маршрут
 От радаров советских разведчиков.
 Его в зарницу больше не берут,
 Как волчицу и пляшущего человецицу.

Елена Фанайлова

вынь занозу мне из спины,
 тосканский портной,
 на один глаз кривой и хромающий!
 в шёлк зашит его горб и
 кромсающий глаз
 спрятан в горб мозг намётчика.

из шкур, спиноза, из голых кож,
 италиец, закройщик,
 сшей мне ветер и воду,
 сшей мне, маррано,
 красный колпак,
 не увижу в московской ночи
 тебя сквозь прошитую жилками кровь.

Анна Глазова

твой синий цвет уьёт потом
 самоподобным топольком
 прожилки с левой стороны
 крупны, черны
 у той зимы
 все перебои по звездам
 аортам, горлом и туда
 где с телефоном в ванне спал
 я твой фрактал

Наталья Курчатова

Дальше могли бы целиком последовать баллады Марии Степановой с их монструозным косноязычием, сплавляющим Зоценко по реке Потудань в астральный котлован имени Карла Густава Юнга и Фридриха Ницше. Ограничусь фрагментом из «Мужа»:

Он зубом грыз и бил в неё рукой
 При том же результате никакой.
 Потом устал и взялся за ребро
 И стал его рукою растирать
 И стал искать по дому серебро,
 Каким бывает нечисть убирать.
 А пушку я ему не предложил,
 Поскольку этой пушкой дорожил.

И он его нашёл, фруктовый нож,
 Старинный, при узоре, красота,
 А эти так и спали без одёж,
 Выпячивая нежные места,
 У ней и так особенная статья,
 Душемутительная, как романс...
 И тут он начал этот кисеанс,
 Как яблоко на ломтики, кромсать.

Он серебром работал как штыком,
 Туманные висели лоскуты
 Над мужиком, с которым я знаком,
 С которым ночь закручивал болты.
 Но он ревёт, как витязь под бугром,
 И колет, рубит, режет серебром,
 И пар валит, и стужа, как во льду.
 И тут я понял, что сейчас взойду.

Что это за мир? Прежде всего, это мир смертоубийства, кромешный мужской мир, в котором и пушкинская поэзия, по дьявольской подсказке языка, заряжена (заточена) под гибельное, приравненное к штыку перо. Я читаю эту балладу Степановой как виртуозно замаскированную под легко узнаваемый перебор Высоцкого деконструкцию русского поэтического канона, миметически замыкающую его на фигуре насилия. Мы дорожим этой пушкой. Разве не была первым криком, криком рождения этого канона канонада при Хотине, по прощальному слову Ходасевича?

Конечно, каждая из приведённых выше цитат (их могло бы быть значительно больше) заслуживает отдельного рассмотрения. Я лишь хотел показать некий спектр различных модальностей поэтического высказывания, вращающихся вокруг одного и того же клубка «фиктивно-телесной», жертвенной проблематики.

Остаётся выдвинуть последнюю догадку, отчасти суммирующую предыдущие. Но для этого понадобится небольшое отступление об «общественном договоре». Как показали многие антропологи, этот договор никогда не предполагает равенства участвующих

сторон и всегда основывается на общественном убийстве, жертвоприношении на благо общества в целом. Социокультурный порядок является жертвенным, жертвоприношение — первичное метафизическое зло — останавливает насилие и развивается в собственный строй¹⁹. Язык и социальные коды также основываются на жертвенной логике, логике отделения и артикуляции различий, которую женщинам труднее принять, поскольку «[в]нутри этого психосимволического порядка женщины чувствуют себя отрезанными от языка и общественного договора, в которых они не находят ни чувств, ни значений тех отношений, которые связывают их с природой, их телами, телами их детей, другой женщиной или мужчиной»²⁰. Существует неустранимая, фундаментальная асимметрия между инициацией в социокультурный порядок мальчиков и девочек и статусом в нём мужчин и женщин; асимметрия, обязанная фигуре Отца, воплощающего закон и логику этого порядка. Социальная трансформация 1990-х обнажила и обрушила эту логику, вылившись в жертвенный кризис, многими воспринимавшийся как распад, цепная реакция, истоки которой уходят в 1937, 1917 или 1905 год, если не глубже. Но одновременно эта перманентная «ходьнка» раскрепостила и революционизировала женщин, которые, подобно греческой Антигоне, вобрали в себя чистую негативность, стали её воплощением, породив в результате феномен своего рода сверхкомпенсации: мимикрирующие под вооружённые до зубов и гениталий мужские, травестирующие, изобличающие и ничтожащие их в себе женские голоса. Детские, сверхсильные, сильнее урана.

¹⁹ См.: Рене Жерар. Насилие и священное. — М.: НЛО, 2000. А также работы Мосса, Батая, Леви-Стросса и др.

²⁰ Юлия Кристева, «Время женщин» в Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000. — М.: РОССПЭН, 2005, стр. 133.

СОСТАВ ВОЗДУХА

Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах

Данила Давыдов

*Июнь — сентябрь 2006**

Геннадий Айги. Поля-двойники.
М.: ОГИ, 2006. — 232 с.

Большое избранное знаменитого поэта, подготовленное им самим в самом конце жизни. Книга разбита на пять разделов по хронологическому принципу; в результате сборник охватывает почти весь творческий путь поэта: с 1954-го по 2003-й годы. Издание, помимо очевидных достоинств, обладает и менее заметным: многие стихотворения, известные по предыдущим публикациям, представлены в иных редакциях, так что «Поля-двойники» становятся необходимы для понимания поэтической авторецепции Айги. Обидно, однако же, отсутствие сведений о предыдущих публикациях, необходимое в подобном издании (тем более что издательский процесс сделал книгу по-смертной).

*а там / прощаются дороги — дороги
прощаются: / вскидываются — оказываясь /
в прошлом (невыразимо-родном) / в
будущем (будто грызущем / в чём-то
«своём» да укрыто-враждебном / жизнь /
кричащую жизнь)*

Алексей Алёхин. Псалом для пишма-
шинки.

М.: ОГИ, 2006. — 80 с.

Новый сборник известного московского
поэта-верлибриста, главного редактора

журнала поэзии «Арион». Среди вошедших
в книгу текстов Алёхина — и «изолиро-
ванные» стихотворения-метафоры, и раз-
вёрнутые риторические конструкции.

*ты улыбнулась / как после дождя // и
ангелы / большими деревянными лопатами
раскидывают облака / расчищая небо*

Сергей Арутюнов. Саланг: Стихотворе-
ния.

М.: Русский двор, 2006. — 160 с.

Пятая книга московского поэта. Стихо-
творения Арутюнова отличает интонацион-
ная жёсткость, композиционная выверен-
ность, — и, при этом, стремление в рамках
максимальной стиховой нормативности
взломать инерцию говорения.

*<...> Радио, рацио — гласы над морем. /
Серые крохи будней жуя, / Что совершили,
то и отмолим / Запахом плоти, рыбы,
жилья.*

Игорь Вишневецкий. На запад солнца.
1989-2003.

М.: Наука, 2006. — 277 с. — (Русский
Гулливёр)

Книга Игоря Вишневецкого «На запад
солнца» может считаться избранным поэта.
Тексты разных лет сопровождаются авто-
комментариями, вполне академическими;
кажется, в продолжение брюсовской тра-

* Включены отдельные книги первой половины 2006 года, по техническим причинам не попавшие в предыдущий выпуск обзора.

диции, автокомментирование становится доброй традицией современной поэзии. Поэтика Вишневецкого в значительной степени может быть названа «постэпической». Героические локусы, будь то Скифо-Сарматия или Северная Африка, становящиеся центрами метасюжетов Вишневецкого, являются катализаторами эпического начала, но эта эпика помещена в современный контекст и потому оказывается фрагментарной, разорванной, что не лишает её абсолютно убедительного пафоса (и, замечу, уверенности в грядущем обретении эпическим началом подлинной силы).

*<...> Ты был сам этим недром и камнем,
/ жаром, клёкотом мысли, оплавом
раскрывшихся глаз, // где качались лишь
тени идущих в призрачном прежнем зоне,
/ принимавших сметающий гром на сухие
ладони.*

Дмитрий Воденников. Черновик: Книга стихотворений.

СПб.: Пушкинский фонд, 2006. — 100 с.

Новая книга московского поэта, как большинство его проектов, представляет собой многослойную конструкцию: немногочисленные новые стихи перемежаются с прозаическими вставками («Записями из потайного дневника») и старыми стихотворениями. При этом в текстах из предыдущих книг не обозначены даты, так что эти стихотворения в контексте «Черновика» должны, по идее, приобретать новое качество. «Переформатирование» собственно пути, приоритет целостного проекта перед отдельными текстами вполне укладываются в имиджестроительную стратегию Воденникова.

*<...> Цветочным грузом — в чьих-нибудь
руках, / отягощённый нежностью и силой, /
я утром просыпался в синяках, / но это бог
— жевал меня впотьмах, / но это просто —
жизнь меня любила <...>*

Андрей Вознесенский. СтиХХI.

М.: Время, 2006. — 248 с.

Сборник стихотворений известного поэта-шестидесятника, написанных в наступившем веке. Характерные для Вознесенского тотальность используемого материала и подчёркнутая «неорганичность» словесной работы, излюбленные приёмы (макаронизмы, включение визуальных элементов в вербальный текст, сквозные рифмы, нарочитая аллитерация) становятся для автора, с очевидностью, единственно возможным «фильтром», позволяющим воспринять культуру настоящего; в этом смысле программными оказываются отдельные максимально «примитивизированные» тексты.

*<...> Прощай, последняя сучара. / Нас
заебли эксперименты. / Последняя мысль
ручная / последнего интеллигента...*

Виктория Волченко. Без охраны: Стихотворения.

СПб.: Пушкинский фонд, 2006. — 40 с.

Сборник легендарного автора московского андеграунда. В стихотворениях Волченко демонстрируется весьма чётко прописанный лирический герой, отверженный, «проклятый», изъятый из «правильного порядка»; так же чётко явлен и образ окружающего мира, не просто максимально сниженного, но чуть ли не inferнального. Однако эта картина мира предстаёт снимающей саму себя — через романтическую иронию.

*<...> Одиноко. Мрак и холод собачий. /
Видно, мне кранты. Как там в песне, мол,
мчатся сани... / Береги себя, начальник. А
передачу, / что отец принёс, преломи со
своими псами.*

Саша Гальпер. Антидепрессанты / Ред.-сост. И.Сатановский.

Бруклинская Сибирь <N.Y.:> Кожа Пресс, 2006. — 80 с.

Новый сборник одного из самых радикальных русскоязычных американских авторов. В поэзии Гальпера неpolitкорректность оказывается одним из главных тематических оснований, а экзотическое, истеричное высказывание является стихообразующим. Однако, в отличие от, например, Ярослава Могутина, Гальпер парадоксально синтезирует авангардный образ поэта-абсолютного гения, тотального одиночки — с сугубо постмодернистским маленьким человеком, преодолевающим мир через нарочито бессмысленные или социально неопасные поступки (так, неумеренное поглощение пищи становится заменой социальному и политическому протесту). Таким образом, Гальпер оказывается внутренним пародистом неоавангарда, неоавангардной средой же и произведённым.

Нет, весь я не умру — / Останется мой телефонный номер / И мужик в красном платье / И зелёной косынке / Будет кричать в ответ на звонки: / «Этот гнойный пидор здесь уже не живёт!» <...>

Дмитрий Гасин. Аптечка.
М.: Время, 2006. — 64 с.

Первая книга вологодско-московского автора. Жёсткая и скупая лирика Гасина в рамках вполне классических риторических установок порой оказывается убедительной; особенно это проявлено в изображении мира малых явлений и предметов, едва заметных чувств, мимолётных наблюдений, приобретающих дополнительный, «небытовой» смысл.

Мир аквариумных рыбок: / От стены и до стены. / Что им толку до улыбок / С той, воздушной, стороны. // Воздух, бормоча, компрессор / Им по трубке подаёт. / Им не страшен ни агрессор, / Ни присутствие твоё <...>

Михаил Генделев. Из русской поэзии: Стихотворения и поэмы: 2004-2005.
М.: Время, 2006. — 128 с.

Новая книга знаменитого израильского поэта, пишущего по-русски (подобная самоидентификация входит в авторскую программу Генделева), является продолжением его предыдущего сборника «Лёгкая музыка» (2004). Транспонирование русской поэтической традиции в гебраистический мир осуществляется как с помощью максимального остранения, так и благодаря тотальной иронизации, деконструкции клише. В новых стихах Генделева своего рода «взлом» словесных структур достигает предельной, чуть ли не зашкаливающей степени. При этом речь ни в коем случае не идёт о вторичности по отношению к футуристической традиции; причиной тому — необыкновенная стиховая энергия Генделева, его поразительная чёткость и внятность поэтического высказывания. Выровненные по центру строки оказываются идеальным проводником этой энергии, двойное — синтаксическое и стиховое — членение текста предстаёт саморазвёртывающимся механизмом (подспорьем чему служит чрезвычайно изощрённая, но никоим образом не аморфная строфика). Особенно в этом смысле выделяются стихи, посвящённые памяти поэтов — Алексея Хвостенко, Генриха Сапгира, Анны Горенко, Ильи Бокштейна, Виктора Кривулина. В них диалог с умершими, совершенно лишённый привычного поминального ханжества, выходит на уровень метафизического обобщения. Подобным пафосом обладает и центральный текст книги, «Спор Михаэля бен Шмуэля из Иерусалима с Господом Богом нашим о смысле музыки и пользе пения на пленэре», своего рода генделевский манифест:

<...> мой / игрушкой ёлочной / Ерусалим // свис / но не падает за / карниз // пока / я этого не хочу / в бездну пока звучу <...>

Татьяна Данильянц. Белое: Стихи разных лет / Послесл. Ю.Орлицкого.
М.: ОГИ, 2006. — 56 с. — (Проект ОГИ).

Второй сборник московского поэта. Данильянц демонстрирует в книге «Белое» различные вариации своего подхода к верлибру: и развёрнутый описательно-медитативный, и связанный с погружением во внутреннее говорение, и «осколочный», выхватывающий малейшие фрагменты бытия и преподносящий их как самоценность (среди последних текстов выделяются моностихи).

*Колос, который внутри пол, / полый
сосуд скудельный, / в одиноком поле, / в
поле, где всяк одинок, / живёт и поёт / песнь
русского ноября: / ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш*

Елена Елагина. Как есть: Книга стихов. СПб: АО «Журнал «Звезда»», 2006. — 96 с. — (Urbi: литературный альманах. Выпуск пятьдесят третий: серия «Новый Орфей» (19))

Новый сборник петербургского поэта. Стихотворения Елагиной отличает печальная ирония и рефлексивная остротность взгляда (напоминающая — скорее по типу мирозерцания, нежели по методу письма — Геннадия Алексеева и его учеников).

*<...> Соблюдая законы / поэтической
перспективы, / а также демонстрируя
умение / класть поэтический мазок / и
пользоваться / поэтическими лессировка-
ми, / сможешь ли ты / предъявить миру /
суть / его / немоты? <...>*

Иван Жданов. Воздух и ветер: Сочинения и фотографии.

М.: Наука, 2006. — 175 с. — (Русский Гулливер)

Избранное признанного мэтра метареализма. Жданов — один из поэтов, примиряющих поклонников «традиции» и «эксперимента» (при всей малой осмысленности этих псевдотерминов). Мир Жданова — это мир смещений и трансфигураций, мир глубинных межсубъектных взаимодействий. «Что такое «я» и где оно находится, если

тебе даже от собственного сознания можно абстрагироваться? И как оно соотносится с пространством моего тела и его же временем?» — принципиальный ждановский вопрос. Пресловутая «метабола» (в терминологии Мих. Эпштейна), то есть метафора второго уровня, у Жданова оказывается меткой метафизичности мира, проявленности инобытия в бытии тварном.

*<...> Прозрачный снегопад весь этот бег
венчает. / Но то не снег летит, а разжимает
горсть, / но то старик Харон монеты
возвращает, / но то висит, как снег,
летейской стужи гроздь <...>*

Ульяна Заворотинская. Будушол. М.: ОГИ, 2006. — 64 с.

Первая книга одного из ведущих поэтов сообщества «Полутона». Работая на столкновении нескольких популярных в последние годы поэтических методов («сетевой мейнстрим»; различные изводы «новой искренности»; брутальная «эстрадная» поэзия в духе Андрея Родионова; неофольклорная квазизаумь), Заворотинская создаёт на этом пограничье особый язык, подразумевающий «плавающие» субъектность и гендер, бескомпромиссность и максимализм личностного высказывания, «сознательный инфантилизм», — но и попытку встроить эти инновации в более привычный, «центристский» поэтический язык.

*мамамама / Расскажи мне про детство /
я хотела в него вернуться / и в нём остаться
/ мамамама / мне тут не дышится / мне
задыхается <...>*

Олег Золотов. 18 октября / Предисл. А. Левкина.

Рига: Pop-front, 2006. — 128 с.

Собрание стихотворений безвременно умершего в этом году выдающегося рижского поэта, одного из центральных авторов легендарного журнала «Родник». Субъект в стихах Золотова расплывён, дробен,

движение строки всасывает его, словно в аэродинамическую трубу. Сверхдлинная золотовская строка, не поддаваясь механическому членению, предстаёт аналогом ткани, не позволяя найти в тексте необязательные элементы, но и не превращая стиховой поток в самозамкнутое движение. «Я» поэтического говорения представляется не феноменом, но процессом, но этот процесс есть процесс постижения субъективности, а не отказа от понимания.

<...> Кабы уметь плести сети, кабы нежности и покоя под старым / рыбачьим баркасом обрести, кабы чаечных иль голубиных, редая / с ветром стай бормотанье по днищу, да с некою не то дурой-рыбачкой не то весталкой — / ах, я не могу этой вещицы вспомнить, а и вспомнив, не успел бы её переделать <...>

Андрей Ильенков. Книжечка.

Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2006. — 96 с.

Первый стихотворный сборник яркого екатеринбургского поэта и прозаика включает стихи более чем двадцати последних лет. Изощёренное письмо Ильенкова совмещается с бестрепетностью в выборе тематики, тонкая ирония — с брутальностью лирического «я». По сути дела, поэзия Ильенкова может считаться рефлексивной по отношению к самым различным сторонам мифа об «уральской поэзии»; неопочвенная трансгрессивность является здесь одним целым с постмодернистским неразличением, эти столь разные по степени «искренности» модусы поэтического говорения (от пародии к глубинной суггестии и обратно) оказываются у Ильенкова двумя сторонами одной медали.

<...> Высоко стоит печаль, пицаль моя нарезная, / Ас лётчик и зверь машина, да спит кочегар спьяна. / Она никогда не уходит, я это прекрасно знаю! / Я всё замечательно знаю, когда уходит она <...>

Евгений Касимов. Казино доктора Брауна.

Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2006. — 328 с.

Книга одного из самых известных уральских авторов, обладающая определённым внутренним метасюжетом, представляет собой, однако, собрание разнотипных текстов: помимо стихотворений, занимающих лишь треть сборника, здесь и проза, и драматургия. Собственно поэтические тексты Касимова устремлены к напевности, «текучести»; схожую природу имеет и лирическое «я» этих текстов, многоликое, но не трагически разорванное, а протейчески постигающее пространства и времена.

<...> Ах, янтарь прозрачен насквозь! / Он на брошку идёт и браслет. / А из твари за много лет / развилось животное лось. / Или, может быть, человек <...>

Сергей Кромин. Когда меня здесь нет.

М.: Вест-Консалтинг, 2006. — 68 с.

Молодой московский поэт Сергей Кромин работает в той крайне малоосвоенной области поставангарда, что занимается не афишированием приёма, но глубинным исследованием словесной ткани (в этом смысле очевидно наследование поэта традициям Елены Гуро, Велимира Хлебникова, может быть, Ильязда). Первая книга автора («Зарязань», 2002) вышла под футуристическим псевдонимом СКРы, этим же заумным прозвищем подписаны некоторые фрагменты новой книги. Именно фрагменты — поскольку, как пронциательно отмечает в послесловии Ольга Татарина, сложно определить статус этих кроминских текстов на шкале стиха и прозы (впрочем, для той же Гуро или западной традиции — Рене Шара, Анри Мишо — подобное деление нерелевантно). Глубинные, медитативные, уходящие корнями в подсознательные, архаические пласты словесности, кроминские стихотворения в прозе требуют от

читателя максимального внутреннего соответствия «плавающему», расщеплённому авторскому «я».

<...> ночи воев безумных огромных чёрных собак / в дерево топор вткнул / брызнула из глаз дерева смоль / липкая вокруг трава / траву вокруг и дерево сжёт / ночи воев чёрных безумных тьмы <...>

Александр Леонтьев. Заговор.
СПб.: Файнстрит, 2006. — 156 с.

Мини-избранное (включающее стихи 2000-х годов) поэта, жившего в разные годы в Волгограде, Москве, Подмосковье, Великом Новгороде и т.д. Близкий по манере к уральскому постакмеистическому мэйнстриму (Борис Рыжий, Олег Дозморов и др.), Леонтьев, однако, в большей степени опирается на культурные архетипы, что роднит его, скорее, со школой Александра Кушнера.

<...> Есть такое мнение, что музыка не нужна. / Лишь волненье крови, которое пока мы не / Научились осмысливать, тишина, / Наизнанку вывернутая Паганини <...>

Иван Макаров. ...По траве, по камням, по песку...: Книга стихов.

М.: Издательская группа «Слово», 2006. — 96 с.

Поэтический мир московского поэта Ивана Макарова непафосен, ненавязчив, он не постулирует какие-либо художественные концепции и не навязывается в соучастники тех или иных школ. Однако за кажущейся нейтральной и «тихой» лирикой Макарова обнаруживаются глубинные движения огромной мощности, нацеленные, в первую очередь, на так называемую обыденную логику. Макаров не абсурдист в прямом смысле слова, но чуть ли не за каждой его строфой встаёт чудовище потенциального абсурда, ловко и изящно упрятываемое поэтом во временное небытие.

Серп и молот, меч и щит. / Да и нет. Вокруг и около. / Нечто низкое лежит / В основании высокого. // Там построены дома, / Храм, больница и тюрьма. // Жаль, что ты до этой правды / Не додумалась сама.

Анатолий Маковский. Чемодан (Стихи из утраченного чемодана) / Подг. текста и комм. И. Ахметьева.

М.: Культурный слой, 2006. — 62 с.

Один из классиков отечественного андеграунда, Анатолий Маковский (1933—1995?) остаётся легендой в поэтическом мире, — несмотря на крайнюю малодоступность его текстов. Книга «Чемодан» является публикацией авторского машинописного сборника, составленного в апреле-июне 1995-го и содержащего поздние стихи поэта. Место Маковского в картине новой русской поэзии — среди бескомпромиссных примитивистов, одновременно апеллирующих к канонам, особенно считающимся низовыми, вроде городского романа, — и радикально взламывающих канон. Сборник в значительной степени состоит из гротескных картин начала-середины легендарных девяностых (впрочем, есть и тексты восьмидесятых годов): своего рода гражданская и философская лирика маски, содержащей в себе и романтические и глубоко антиромантические (например, люмпенские) составляющие, виртуозно сшитые автором воедино.

<...> Филолог совсем уже докторскую / Написал да записал так / Что от курева — вспыхнули доски / А затем — полыхнул чердак. // Каким-то чудом он выбрался. / Но погибли ханыга и труд. / И теперь, без бумаг, он, выцветший, / Всё в пивной сидит поутру <...>

Виктор Пеленягрэ. Малое собрание сочинений.

М.: Время, 2006. — 776 с.

Собрание текстов одного из лидеров «куртуазных маньеристов», включающее песни, исполняемые эстрадными звёздами, эссе, афоризмы и т.д., — издание вполне в духе автопародийной гигантомании данной литературной группы.

Пииту вздумалось красотку / Резвяся, поимать / И ну давай топтать молодку / И ну давай топтать <...>

Евгений Реутов. ... Индиго, боги, дни... (Стихотворения).

М.: Вест-Консалтинг, 2006. — 64 с.

Стихотворения Евгения Реутова (традиционно относимого к «владивостокской поэтической школе», но давно живущего в Москве) отличается подчёркнутая манерность (имеющая в основе северянинский метод иходящая порой до семантической зауми), соединённая со снижением материала (метод, характерный для некоторых авторов клуба «Поэзия»); в лучших текстах Реутова это не только порождает чисто иронический эффект, но и помогает обрести более глубинные трагикомические обертона.

<...> состарься / и компрачикосы / которые ждут дедостав / минуют тебя альбиноса / как впрочем и твой кенотаф

Софья Русинова. Стихи. Переводы. Хайку.

М., 2006. — 256 с.

Посмертный сборник стихотворений и переводов московской поэтессы Софьи Русиновой (1965–2005), известной под сетевым ником Ореховая Соня. На фоне довольно вторичной лирики выделяются тонкие хайку.

Капельница / по чуть-чуть разбавляет / твою болезнь

Михаил Синельников. Священный вечер: Стихи об Индии (1982-2006).

М.: Наталис, 2006. — 152 с. —

(Восточная коллекция)

Новая книга известного московского поэта и переводчика восточной поэзии вобрала в себя посвящённые индийской цивилизации стихи Синельникова разных лет. Не столько трансформация предмета внимания, сколько описательно-медитативное отношение к нему сохраняет налёт экзотизма в этих стихах, но не подчёркивает его; ироническое снижение пафоса также не способствует педалированию самооценности описываемого.

Вкушает рис, отринув плов, / Индийская страна. / Власть пожирателей коров / Была ей суждена. / И что ж — они в аду горят, / И вновь на всё горазд / Бомонд блуждающих говяд / И благородных каст <...>

Сергей Соловьёв. Крымский диван.

М.: Зебра Е, 2006. — 447 с. — (Направление движения)

Сложно устроенная текстовая композиция известного в прошлом украинского, а ныне московского автора. В «Крымском диване» между разными по объёму, настроению, жанровой установке фрагментами прозы «вживлены» стихотворные тексты, также разноприродные. Предлагая утопию книги-как-тела, Соловьёв оперирует целостным «организмом» каждого своего проекта. Тем не менее, стихотворные «главы» вполне способны и на самостоятельное существование. Необходимо отметить «телесность» не только общей композиционной соловьевской идеи, но и метафорики его текстов.

<...> и ведь страшно сказать / видя этот распахнутый взгляд в никуда / из-под рвущейся плёнки воды / видя этот безмолвный разлёт чуть табанящих рук / как поверить что мог я не думать что ты / этим ртом под водой приоткрытым / в безучастной улыбке / не дышишь / что ты не жива <...>

Ольга Татарина. Квартала горизонт: Книга стихов 1974-1977 годов.

М.: Вест-Консалтинг, 2006. — 69 с.

Московский поэт и переводчик, бес­мен­ный руководитель студии «Кипарисо­вый Ларец», Ольга Татарина предлагает в новом сборнике стихи тридцатилетней давности; эта публикация открывает в стар­ых текстах некое «второе дно», позволяю­щее прочувствовать разрыв эпох на уровне смыслов, порождаемых поэтической речью.

<...> я всё же обещаю возвести, / ещё переживя и всё обдумав, / в себе такие качества натуры, / чтоб макромир, а в нём — микрорайон / доволен стал, что мною населён <...>

Анатолий Устьянцев. Заката красное число: Сборник стихотворений.

Тверь: Лилия Принт, 2006. — 202 с.

Вторая книга тверского поэта. Метафи­зическая проблематика, характерная для лирики Устьянцева, тяготеет к решению не риторически-определённому, но открыто­му, притчевому.

<...> Только и успею поднять глаза, / Ты мгновенно превратишься в точку — / Ту, что мирозданье ставит за / Тобой — кавыченную строчку.

Михаил Файнерман. Михаил приветст­вует Юпитера / Сост. Б. Колымагин.

М.: Виртуальная галерея, 2006. — 36 с.

Михаил Шикович Файнерман (1946–2003) был заметной фигурой в мос­ковском андеграунде семидесятых-восьми­десятых. Файнерман входил в литератур­ную группу «Список действующих лиц», опубликовал, когда стало возможно, един­ственную книгу, «Зяблик перелётный» (1995). Немаловажна ориентация Файнер­мана на англо-американскую поэзию XX века, в том числе битническую и рок-поэ­зию. В то же время Файнерману был важен Восток, мифологизированный, конечно (здесь очевидна аналогия с ориенталист-

скими устремлениями ценимых Файнерма­ном авторов, Аллена Гинзберга, к примеру). Увлечение Файнермана дзен-буддизмом с очевидностью проступает в его текстах. Единственная, кажется, возможная парал­лель Файнерману в русской неподцензу­рной поэзии — «фракция» внутри питерской «филологической школы», Сергей Кулле и Александр Кондратов. С первым Файнер­мана роднит умение писать чистейшие, прозрачнейшие — и в то же время глубоко философичные, потаённо содержащие пси­ходелический сдвиг смысла — верлибры. Со вторым, писавшим абсолютно иначе, — определённая мистическая установка. Впрочем, сходство это типологично, а не ге­нетично. Сборник «Михаил приветствует Юпитера» — одна из немногих посмертных публикаций Файнермана (также надо ука­зать на блок материалов в «Новом литера­турном обозрении», №65, посвящённый па­мяти поэта). Здесь, в отличие от единствен­ного прижизненного сборника, в основном, миниатюры или, по крайней мере, неболь­шие стихотворения (при том, что у Файнер­мана есть и вполне эпические тексты, для которых поэт придумал специальное обо­значение жанра «клот» (от английского «clot» — «тромб»). При небольшом объёме книги следует отметить её «проектив­ность»: взаимодействие стихов — и превос­ходных картинок Б. Бомштейна, своей неброскостью вполне конгениальных файнер­мановской поэтике.

Прилетели снегири, / снегири. / А воздух такой прозрачный, / что сразу понимаешь: это март / кончается. / Знаешь, пиши мне в письмах / всё как есть, правда: / «Встретить весну в Иерусалиме», / на холмах, на холмах...

Наталья Черных. Светильник.

М.: Автохтон, 2006. — 90 с.

Новая книга московского поэта. Творче­ство Черных в значительной мере построе-

но на сложном взаимодействии и пересечении нескольких тематических блоков: духовного пути и православного самосознания; проникновения в особость логики иных, подчас исчезнувших культур; смысла памяти, становления личности в рамках микросоциума, среды, да и вообще атмосферы времени; значимости определённого локуса как места осуществления опыта. Все эти мотивные смещения и смещения представлены в новой книге Черных, состоящей из множества небольших разделов и микроциклов, каждый из которых обладает собственными интонационными, тематическими и жанровыми особенностями.

<...> Мне стало страшно: во мне горел / тот, чудом смытый, проклятый мел. / Вновь осознала, что я — живая. / Мне суждена лучшая часть. / Я повернула вспять. / Я возвратилась, еле нашла Его / и растянулась в пыли иудейских гор. / Мне было трудно дышать после грязи дна. / Нас было десять, Господи. Я одна.

Александр Щуплов. Стихи для тех, кто не любит читать стихи.

М.: Время, 2006. — 272 с.

Избранные стихи известного московского поэта и журналиста, умершего этим летом. Прозрачное личностное высказывание соседствует у Щуплова с ёрническими и саркастическими интонациями, бессмысленность социального мира оказывается поводом и для сатирического остранения, и для лирического притяия.

<...> Небо было в берёзовых прорезях. По телевизору выступал главком. / В голову просились глупости, похожие на философские вещи: / например, водка — это свобода, ограниченная четвёртым глотком, / А Пушкин — это наше очередное всё. Не больше — не меньше! <...>

Наиля Ямакова. Приручение: Стихотворения.

СПб.: Геликон Плюс, 2006. — 116 с.

Сборник молодого петербургского поэта, ярко заявившей о себе в Сети. Стихи Ямаковой в значительной степени — стихи наблюдателя, для которого материалом становится многообразие (даже избыточность) мира и лишь потом — набор ментальных или эмоциональных реакций. При этом поэтический мир Ямаковой не является в полной мере отражением совокупности предметов и явлений (как бытовых, так и принадлежащих пространству культуры): это преломление объектного космоса в его диалоге с интимным опытом, который продуцирует лирическое «я».

<...> Она сломала зуб косточкой от финика, / Воскресенье провела у стоматолога, / Не услышала объявы по радио, / А телевизор она редко смотрит. / Поэтому снег валил хлопьями, / Геркулесовыми мокрыми хлопьями. / Солнечные зайцы не вылезли. / Только огрызки вылетали из-за облаков <...>

Выпуски книжного приложения к нашему журналу (см. стр.184) в обзоры не включаются.

КТО ИСПОРТИЛ ВОЗДУХ

Рейтинг профнепригодности

1. Александр КУШНЕР

Александр Кушнер — хороший поэт, но квартирный вопрос его немного испортил. Прежде, в советские времена, когда рамки дозволенного были с игольное ушко и протиснуться сквозь него удавалось из настоящих поэтов буквально считанным единицам (не говорим, естественно, о своре «авторов» советской прикладной поэзии, гнавших одинаковый рифмопродукт, изначально, по ГОСТу, заточенный под прохождение в именно это партийное ушко), — Александр Семёнович чувствовал себя хорошо: конкуренция за внимание мало-мальски вменяемого читателя была пренебрежимо мала. Когда не столь удачливые (или не столь склонные к конформизму) собратья Кушнера после 1987 года тоже получили возможность выхода к читателю — Александр Семёнович начал беспокоиться. Ещё в 1991 году он счёл необходимым опубликовать в «Литературной газете» специальную статью о том, что Айги — это не поэзия. Война Кушнера с верлибром вообще и Геннадием Айги в частности вызывала чувство неловкости, но каким-то образом ещё могла укладываться в рамки профессиональной этики. Однако в дальнейшем Александр Семёнович взял на вооружение другие методы полемики.

Первой жертвой Кушнера пал в своё время Владимир Гандельсман. В первом выпуске «Ариона» за 2002 год соседствовали две заметки Кушнера по, что называется, общим вопросам. Одна называлась «Новая рифма» и была посвящена внутрисловному переносу — который Кушнер ругательски ругал: *«сегодня разорванная рифма стала любимым орудием графомана»*. Сюда же приплюсовывал Кушнер и анжамбман после союза или предлога — дважды цитируя не называемого Гандельсмана, — и резюмировал: *«Нет, не Анненский (наши графоманы его не читали), шлюз открыл всё-таки Бродский, это с его лёгкой руки пошло-поехало»*. Но этим дело не кончалось: следующая заметка, «Название для книги», содержала несколько безымянных перечней книжных названий, которые Кушнеру не нравятся, — в таком, примерно, духе: *«Как скучны названия поэтических книг советских 40-50-х!... Любопытно, что сегодня, когда авторы получили возможность издавать книги за свой счёт и называть их как угодно, огромное количество названий мало чем отличается от только что перечисленных советских: “Там на Неве дом”, “Долгота дня”, “Поэзия любви”, “Время”, “Пространство”, “Окно” и т.п. ... И, конечно же, ещё больше — бессмысленных и претенциозных: “Глаз вопиющего”, “Жизнь бесподобна”, “Ресницы”, “Музыкальная пауза”, “Всемирная тоска”, “Сон рыжего таракана”, “Тихое пальто”, “Беседа с ушами”...»* Трудно сказать, чем названия «Время», «Пространство», «Окно» так уж скучнее названий собственных кушнеровских книг «Голос», «Письмо», «Кустарник», — но это ладно. Куда занятнее, что в списке скучных и претенциозных названий, наряду с не поддающимися опознанию пунктами (впрочем, «Беседа с ушами» —

весёлая книжка иронического поэта Владимира Белоброва, а «Ресницы» — сборник Виталия Кальпиди, озаглавленный по ключевому образу всей книги, — но тут, чтобы понять смысл названия, книгу пришлось бы прочитать), аккуратно поименованы три сборника Гандельсмана: «Там на Неве дом», «Долгота дня» и «Тихое пальто». Это, конечно, исключительно честный и плодотворный модус критического высказывания: на двух страницах трижды обложить руганью собрата по перу, не только не удостаивая аргументацией, но даже имени не называя.

В «Новом литературном обозрении» (№59, 2003) Кушнеру попеняли: «Такая мера нелюбви, не рискующей сказаться в открытую, требует, право, каких-то особых объяснений». И в какой-то момент показалось, что Александр Семёнович опаматовался: «Я пишу о любимых поэтах прошлого. ... Сколько ошибок возникает, когда поэты решаются писать о современниках! ... Вообще по тому, что поэт пишет о чужих стихах, мы лучше узнаём его, нежели тех, о ком он пишет», — признавался Кушнер в интервью «Литературной газете» (2004, №14), помянув образцовую читательскую близорукость Блока и Маяковского.

После этого заявления статью Кушнера «Заметки на полях стихотворений Батюшкова» (Новый мир, 2006, №9) вроде бы можно было открывать с лёгким сердцем. Однако бес вновь попутал Александра Семёновича: посреди обещанных заметок вдруг обнаруживаются восемь строк из не называемого Алексея Цветкова, сопровождаемые пространным юродствующим комментарием: «Как прочесть такие стихи? Странный вопрос: они и не рассчитаны на чтение. Помилуйте, а на что же они рассчитаны? На заполнение журнальной или книжной страницы стихоподобным текстом. Всё-таки я попробовал их прочесть. С первого раза ничего не получилось. Со второго — тоже. Только с третьего, мысленно расставив знаки препинания, кое-как справился с более или менее тривиальным смыслом, заставив себя не обращать внимания на косноязычие и, по-видимому, привычное хамство», и т.д., и т.п. Далее следуют те же, что и в 1991 году, выпады против авангарда: «Казалось бы, после всего, что преподнёс XX век, после всех революций, войн, расстрелов и застенков, тем более “после Освенцима”, — возобновление подростковых игр исключено. Бессмыслица в стихах так же неинтересна и однообразна, как клинический бред...» Новый поворот — пожалуй, только один, но зато какой: сетуя на постигшее Батюшкова безумие, Кушнер приводит годы жизни ряда футуристов, доживших до глубокой старости, и пишет с сожалением: «Годы жизни, указанные в скобках, говорят о завидном здоровье многих столпов футуризма», а затем добавляет, для ясности, в стихах (имея в виду Батюшкова с Гёльдерлином): «Две тени видите, застывшие без чувств? / Несокрушимое бы ваше им здоровье!» Полноте, Александр Семёнович, — не Вы ли справляете своё 70-летие в добром здравии?

Что ж, по тому, что пишет Кушнер о чужих стихах, мы, в полном соответствии с его собственной идеей, куда больше узнали не об этих стихах, а о нём самом. О том, например, что кушнеровское кредо в области поэзии вполне выражается бессмертным фонвизинским «всё то чепуха, чего не знает Митрофанушка». О том, что чужое здоровье, благополучие и известность по-прежнему не дают ему — лауреату Государственной премии, премии имени Чубайса и всего прочего — сна и покоя. О том, что помянутое стихотворе-

ние Цветкова («проснуться прежним навеки на этих фото...» — публикации в интернет-журнале «Текстонли», вып.14, 2005, затем в журнале «Знамя», 2006, №1, и в книге «Шекспир отдыхает») — транспонирующее известную тему Ходасевича («неужели вон тот — это я?») из строго выстроенного, логически неизбежного рассуждения в череду отчаянных подозрений и прозрений, цепляющихся за детали и потому, на пересечённой местности частной психологии и мифологии, способных оборачиваться островками утешения и надежды, — это стихотворение представляется Кушнеру тривиальным по смыслу, а завершающее публикацию собственное новое стихотворение, сообщающее читателю, что тени Державина, Батюшкова и Тютчева сопровождают его, Кушнера, в его задумчивом уединении, — свежим и оригинальным. О том, что для честной полемики с открытым забралом, для прямого заявления: считаю-де Алексея Цветкова авангардистом-графоманом, — Александру Семёновичу смелости уже не хватает, а так, исподтишка, без имён и названий (*«Уверен, что, кроме меня, это стихотворение не прочёл никто. И редактор журнала тоже не читал его — и правильно сделал...»*) — редактор-то ведь этот — Ольга Ермолаева из «Знамени», Кушнеру там ещё печататься) — это он может...

И приходится повторить снова: Александр Кушнер — хороший поэт. Но это не индульгенция: хорошим поэтам писать о других поэтах глупости и гнусности тоже не следует. Тем более не следует.

С юбилеем Вас, Александр Семёнович! Будьте благоразумнее.

А В Т О Р Ы

Наталья Азарова (Москва; 1956). Книги стихов: Телесное-лесное (2004), 57577 (2004, совместно с Анной Альчук), Цветы и птицы (2006) + **Михал Айваз** (Michal Ajvaz; Прага; 1949). Книга стихов: Vrazda v hotelu Intercontinental (1989); проза (избранное в переводе на русский – «Другой город», 2004), эссе. + **Алексей Александров** (Саратов; 1968). Публикации: антология Нестолитная литература, журналы и альманахи Арион, Волга, Улов и др. + **Полина Андрукович** (Москва; 1969). Книга стихов: Меньше на один голос (2004) + **Анастасия Афанасьева** (Харьков; 1982). Книга стихов: Бедные белые люди (2005); шорт-лист премии «Дебют» (2003) + **Александр Бараш** (Иерусалим; 1960). Книги стихов: Оптический фокус (1992), Панический полдень (1996), Средиземноморская нота (2002); автобиографическая проза + **Полина Барскова** (Беркли; 1976). Книги стихов: Рождество (1991), Раса брезгливых (1993), Методу (1996), Эвридей и Орфика (2000), Арии (2001), Бразильские сцены (2005); малая премия «Москва–транзит» (2005) + **Константин Беляев** (Харьков; 1971). Публикации: альманахи ©оюз писателей и Вавилон; переводы прозы + **Игорь Булатовский** (Санкт-Петербург; 1971). Книги стихов: Белый свет (1995), Любовь для старости (1996), Полуостров (2003), Карантин (2006); переводы поэзии с французского (Верлен), идиш, немецкого; премия журнала «Звезда» (2001), премия Губерта Бурды (2005) + **Нина Виноградова** (Харьков; 1958). Книги стихов: Антология эгоизма (1999), Просто собака (2001) + **Марианна Гейде** (Москва; 1980). Книги стихов: Время опыления вещей (2005), Слизи Гарроты (2006); проза и эссеистика в периодике и Интернете; Премия «Дебют» (2003) + **Владимир Герцик** (Москва; 1946). Книга стихов: Лиловая колба (1992); публикации во всех основных российских изданиях хайку + **Линор Горалик** (Москва; 1975). Книга стихов и малой прозы: Не местные (2003); два романа,

две книги non-fiction; молодежная премия «Триумф» (2003). + **Максим Горелик** (Москва; 1971). Книга стихов: Ж (2000, в составе одноименной кассеты 4 авторов); статьи и фотографии в периодике + **Данила Давыдов** (Москва; 1977). Книга стихов: Добро (2002); премия «Дебют» (2000) за книгу прозы «Опыты бессердечия»; критические и литературоведческие статьи во всех основных российских журналах + **Дмитрий Дедюлин** (Харьков; 1979). Публикации: журналы Левада, ©оюз писателей + **Тревор Джойс** (Trevor Joyce; Корк (Ирландия); 1947). Книги стихов Sole Glum Trek (1967), Watches (1968), Pentahedron (1972), The Poems of Sweeny Peregrine (1976), stone floods (1995), Syzygy (1998), Without Asylum (1998), with the first dream of fire they hunt the cold (2001), Red Noise of Bones (2001, на CD), Take Over (2003), Undone, Say (2003). + **Ирина Евса** (Харьков; 1956). Книги стихов: Отзвук (1976), Дыхание (1978), Август (1985), Сад (1986), День седьмой (1985), Изгнание из рая (1995), Наверное, снилось... (1999), Лодка на фаянсе (2000); переводы; премия имени Чичибабина (2000) + **Гали-Дана Зингер** (Иерусалим; 1962). Книги стихов: Сборник (1992), Адель Килька. Из (1993), Осаждённый Ярусарим (2002), Часть це (2005); книги стихов на иврите, переводы поэзии с иврита + **Ольга Зондберг** (Москва; 1972). Книга стихов: Книга признаний (1997); две книги прозы, переводы украинской поэзии + **Михаил Зятин** (Харьков; 1983). Публикации: журналы и альманахи Вавилон, ©оюз писателей, Урал и др. + **Константин Карабчев** (Москва; 1974). Публикации: журналы и альманахи Арион, Вавилон, Тритон; песни группы «Каберне Денёв» + **Бахыт Кенжеев** (Монреаль; 1950). Книги стихов: Избранная лирика 1970-1981 (1984), Осень в Америке (1988), Стихотворения последних лет (1992), Из книги АМО ERGO SUM (1993), Стихотворения (1995), Возвращение (1996), Сочинитель звезд (1997), Сня-

чащаяся под утро (2000), Из семи книг (2000), Невидимые (2004), Названия нет (2005); премия «Антибукер» (2000), большая премия «Москва–транзит» (2003) + **Леонид Костюков** (Москва; 1959). Статьи о поэзии в журналах Знамя, Арион, Дружба народов и др.; две книги прозы, публикации стихов в периодике + **Илья Кукулин** (Москва; 1969). Статьи о поэзии в журналах Новое литературное обозрение, Дружба народов и мн. др. + **Евгения Лавут** (Москва; 1972). Книги стихов: Стихи о Борисе и Глебе... (1994), Амур и др. (2001) + **Елена Лагутина** (Санкт-Петербург; 1973). Переводы публикуются впервые + **Михаил Лаптев** (Москва; 1960–1994). Книга стихов: Корни огня (1994) + **Юрий Левинг** (Лос-Анджелес; 1975). Публикации стихов: журналы и альманахи Вавилон, Двоеточие, Октябрь и др.; книга о творчестве В.Набокова + **Валерий Леденёв** (Москва; 1985). Публикации стихов: антология Знаки отличия, Интернет; переводы публикуются впервые + **Виталий Лехциер** (Самара; 1970). Книги стихов: Раздвижной дом (1992), Обратное плавание (1995), Книга просьб, жалоб и предложений (2001); монография «Феноменология художественного опыта» + **Станислав Минаков** (Харьков; 1959). Книги стихов: Имярек (1992), Вервь (1993), Хожение (2004), книга стихов и прозы: Листобой (1997) + **Деннис Нёркси** (Dennis Nurkse; Нью-Йорк; 1949). Книги стихов The Shadow Wars (1988), Staggered Lights (1990), Voices Over Water (1996), Leaving Xaia (2000), The Rules of Paradise (2001), The Fall (2003), Burnt Island (2005) + **Валерий Нугатов** (Москва; 1972). Книги стихов: Недобрая муза (2000), Фриланс (2006); проза, переводы поэзии и прозы с английского и французского (Аллен Гинзберг и др.) + **Лиля Панн** (Нью-Йорк; 1945). Книга критики: Нескучный сад. Поэты, прозаики. 80-е — 90-е; статьи в журналах Новый мир, Звезда, Знамя и др. + **Олег Петров** (Харьков; 1979). Публикации: антология Освобожденный Улисс, альманахи Левада, Вавилон, ©оюз писателей и др. + **Виктор Полещук** (Гулькевичи (Краснодарский край); 1957). Книга стихов: Мера личности (2006); переводы поэзии с фарси, румынского,

славянских языков + **Игорь Померанцев** (Прага; 1948). Книги стихов: Стихи разных дней (1993), News (1998), Почему стрекозы? (1999), Семейное положение (2002), Те, кто держали нас за руку, умерли (2005); четыре книги прозы и эссеистики, радиопьес; премия имени Вяземского (1996) + **Виталий Пуханов** (Москва; 1966). Книги стихов: Деревянный сад (1995), Плоды смоковницы (2003) + **Илья Риссенберг** (Харьков; 1947). Публикации: антология Освобожденный Улисс, журналы Соты, ©оюз писателей + **Константин Рубахин** (Москва; 1975). Книга стихов: Книга пассажира (2004) + **Антонина Семенец** (Харьков; 1985). Публикации: антология Освобожденный Улисс, журнал ©оюз писателей + **Ника Скандиака** (Эдинбург; 1978). Публикации: антологии Девять измерений, Освобожденный Улисс, альманах Вавилон и др.; переводы современной английской поэзии на русский и русской поэзии на английский в периодике и Интернете + **Александр Скидан** (Санкт-Петербург; 1965). Книги стихов: Делириум (1993), В повторном чтении (1998), Красное смещение (2005); две книги статей о литературе и философии, переводы американской прозы + **Елена Фанайлова** (Москва; 1962). Книги стихов: Путешествие (1994), С особым цинизмом (2000), Трансильвания беспокоит (2002), Русская версия (2005); премия Андрея Белого (1999), премия «Московский счет» (2003) + **Борис Херсонский** (Одесса; 1950). Книги стихов: Восьмая доля (1993), Вне ограды (1996), Семейный архив (1997), Post Printum (1998), Там и тогда (2000), Свиток (2002); стихотворные переложения библейских текстов + **Юрий Цаплин** (Харьков; 1972). Книга стихов и малой прозы: Маленький счастливый вечер (1997) + **Алексей Цветков** (Прага; 1947). Книги стихов: Сборник пьес для жизни соло (1978), Состояние сна (1981), Эдем (1985), Дивно молвить: Собрание стихотворений (2001), Шекспир отдыхает (2006); книга детских стихов «Бестиарий» (2004); проза и эссе + **Олег Юрьев** (Франкфурт-на-Майне; 1959). Книга стихов: Избранные стихи и хоры (2004); два романа, сборник рассказов, пьесы

К Н И Ж Н О Е П Р И Л О Ж Е Н И Е

Вениамин Блаженный.
МОИМИ ОЧАМИ

Александр Скидан.
КРАСНОЕ СМЕЩЕНИЕ

Гали-Дана Зингер.
ЧАСТЬ ЦЕ

Александр Ожиганов.
ЯЩЕРО-РЕЧЬ

Галина Ермошина.
КРУГИ РЕЧИ

Сергей Морейно.
ТАМ ГДЕ

Полина Барскова.
БРАЗИЛЬСКИЕ СЦЕНЫ

Андрей Сен-Сеньков.
ДЫРОЧКИ СОПРОТИВЛЯЮТСЯ

Алексей Кубрик.
ДРЕВЕСНОГО ЦВЕТА

Виктор Полещук.
МЕРА ЛИЧНОСТИ

Александр Беляков.
БЕССЛЕДНЫЕ МАРШИ

Валерий Нугатов.
ФРИЛАНС

Константин Кравцов.
ПАРАСТАС

Игорь Булатовский.
КАРАНТИН

Мара Маланова.
ПРОСТОРЕЧИЕ

Елена Сунцова.
ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ

П Р О Д А В Ц Ы В О З Д У Х А

МОСКВА

Пироги
ул.Никольская, д.19/21

Пироги
Зеленый пр-т, д.5/12

ОГИ
Потаповский пер., д.8/12

Фаланстер
Малый Гнездниковский пер., д.12/27

Тургенев
Бобров пер., д.6 стр.1

Книжная лавка Литинститута
Тверской б-р, д.25 стр.2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Платформа
ул.Некрасова, д.40

Книги и кофе
6-я Советская ул., д.25

РОССИЯ

www.vavilon.ru/order

ЗАГРАНИЦА

www.esterum.com

ВОЗДУХ

журнал поэзии

3/06